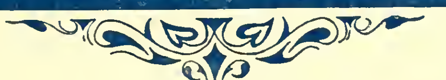
НОВАЯ РУССКАЯ КНИГА

№ 9.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
И. П. ЛАДЫЖНИКОВА
БЕРЛИНЪ
MCMXXII

НОВАЯ РУССКАЯ КНИГА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
РЕДАКТОРЪ ПРОФ. А. С. ЯЩЕНКО / ИЗД. И. П. ЛАДЫЖНИКОВА
АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: BERLIN W50, AUGSBURGERSTR. 33. / TEL. STEINPL. 79-27
АДРЕСЪ КОНТ.: J. LADYSCHNIKOW VERLAG G. m. b. H. / BERLIN W50, RANKESTR. 33.

СОДЕРЖАНІЕ:

НОВАЯ РУССКАЯ КНИГА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
ПОД. РЕД. ПРОФ. А. С. ЯЩЕНКО

№ 9 СЕНТЯБРЬ 1922

НОВАЯ ПРОЗА

Каждому писателю хочется быть „великимъ писателемъ" своей страны. Каждой странѣ хочется имѣть своихъ великихъ писателей. Желанія сходятся. Отсюда тьма мимолетныхъ, порою мучительныхъ романовъ съ взаимными оскорбленіями. Особенно въ Россіи. Особенно въ Россіи въ годы революціи. Въ январѣ — великій писатель, академическій паекъ, авансы подъ полное собраніе сочиненій, одобрительно-укоряющая статья въ „Извѣстіяхъ" — (не стоекъ въ идеяхъ, но талантливъ), укоряюще одобрительная статейка въ „Рулѣ" — (талантливъ, но не стоекъ въ идеяхъ) и т. д. Это въ январѣ. А въ куцомъ февралѣ какой нибудь новый, тоже талантливый и не стойкій свергаетъ январьскаго любовника, получая авансы просто и „авансы" духовные. Скверная привычка. Сдѣлать Дульцинею критику не трудно, но подъ вечеръ бить Альдонсу за то, что дѣлать надоѣло — это занятіе совсѣмъ тупое.

Ну какъ же писать послѣ подобныхъ исторій о новыхъ прозаикахъ, напримѣръ, о „Серапіонахъ". Правда, пишутъ люди очень хорошо, но никакихъ „великихъ писателей" среди нихъ пока не имѣется. А ужъ и Осинскій, и Гессенъ, сами написавъ за нихъ многозначные векселя, готовятся къ взысканію. Да что они! Передо мной лежитъ сейчасъ номеръ мадридскаго журнала „Cosmopolis", и тамъ напечатано о новыхъ „геніяхъ", Серапіонахъ. Испанецъ объ этомъ, оказывается, прочелъ во французской „Clarte", французу перевелъ нѣкто изъ пражской „Воли Россіи", а выразителю россійской воли (какъ извѣстно находящей свое выявленіе только въ Прагѣ,) разсказалъ, очевидно, кто либо изъ пріѣзжихъ. Молва растетъ. Значитъ, черезъ мѣсяцъ-другой начнутъ свергать, обижаться и обижать.

Самое обидное во всей этой нелѣпицѣ слѣдующее: „Серапіоны", дѣйствительно, заслуживаютъ большого вниманія. Но критики, написавшіе толстый томъ по поводу тоненькаго „Альманаха", занятые изобрѣтеніемъ разномастныхъ Дульциней, проглядѣли, что въ немъ имѣется примѣчательнаго. Они сразу ищутъ — „великаго писателя земли русской", споря межъ собой, кого возвести на мѣсто Пильняка: Никитина или Иванова, забывая, что по тремъ разсказамъ Достоевскихъ не опознаютъ. Другіе радуются тому, что Серапіоны описываютъ революціонный бытъ, какъ будто этимъ не занимались усердно (и часто хорошо) другіе, хотя бы тотъ же Пильнякъ. Третьи, читая Каверина и Лунца, умиляются „нео-реализму". Въ общемъ, все это относится къ партійной принадлежности и къ степени умственнаго развитія критиковъ. По существу „Серапіоны" знаменательны слѣдующимъ: ихъ труды, подчасъ неполноцѣнные, — первое серьезное пріобщеніе русской прозы къ методу всего современнаго искусства. До послѣдняго времени проза, не въ примѣръ поэзіи, проявляла ревностный консерватизмъ. Изуми-

тельныя достиженія Бѣлаго, Сологуба, Ремизова относятся къ эпохѣ символизма и импрессіонизма. Читатели измѣнились. А писатели въ 1920 пользовались пріемами 1910 г. Исключительно тематическія заданія, искусственно культивируемыя въ Россіи, способствовали появленію писателей, незнакомыхъ даже съ завоеваніями предшествующихъ поколѣній (т. н. „пролетарскіе писатели", Яковлевъ и др.). Большому мастеру, Замятину, глубокая, органическая отчужденность отъ происшедшаго въ дѣйствительности сдвига помѣшала стать строителемъ новой прозы. Пришли молодые, слава тебѣ, безъ (точнѣе, почти безъ) „святыхъ традицій" Дома Литераторовъ и пр.

Тяжба между методами конструктивнымъ и декоративнымъ давняя. Побѣда того или иного опредѣляется, конечно, не величиной писателей, а совокупностью данныхъ эпохи. Не залѣзая въ какія нибудь ассирійскія дебри, можно напомнить, что хаотическое изобиліе вещей, полнокровіе и довоенный зудъ какъ нельзя болѣе благопріятствовали абстрактности символизма, послѣвоенный развалъ на Западѣ родилъ „задушевныя слова" экспрессіонистовъ, а попытка оный развалъ преодолѣть, желаніе не столь любоваться очаровательнымъ разнообразіемъ общества, сколь построить его по единому плану находится въ тѣсной связи съ новымъ, т. н. конструктивнымъ искусствомъ. Его методъ: ясность, разумность, экономія.

Въ поэзіи этотъ методъ блистательно осуществленъ В. Маяковскимъ, Б. Пастернакомъ, Н. Асѣевымъ. Часто онъ выявляется въ творчествѣ поэтовъ, внѣшне якобы стоящихъ въ сторонѣ отъ т. н. „новаго искусства", но живыхъ и поэтому не могущихъ отказаться отъ современныхъ орудій поэтическаго производства, какъ напр., Мандельштама или Цвѣтаевой. Безславная гибель „имажинизма" (говорю не объ Есенинѣ, а объ его окрестностяхъ), — гибель декоративнаго метода, который хотѣлъ было приподнять свою дряхлую голову въ дни переходной суматохи.

„Серапіоны" — первая группа, пытающаяся приложить этотъ методъ къ прозѣ. Знаю — академическіе обыватели усмѣхнутся — „въ свой лагерь записываетъ". Какіе же они „футуристы" — они пишутъ просто, всѣмъ понятно. Что-жъ такихъ однажды, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, Бурлюкъ такъ напугалъ, что они до сихъ поръ все „новое" считаютъ „непонятнымъ футуризмомъ", хотя „футуристъ" Маяковскій яснѣе и понятнѣе любого символиста. Нѣтъ, никого никуда я не записываю. „Серапіоны" не „школа", да и вообще никакихъ школъ теперь нѣтъ, а всякіе „измы" играютъ роль фамилій какъ, напр., Сапожниковъ, прадѣдушка котораго точалъ сапоги и который нынѣ торгуетъ дынями. Не въ манифестахъ, а въ самой работѣ „Серапіоновъ" сказался конструктивный методъ. Именно:

1. Точный планъ (сравнить хотя бы, съ „Голымъ Годомъ" Пильняка: квадратный километръ, на которомъ размѣщены столько-то тысячъ изограммъ, и безкрайная степь съ тремя пасущимися коровами).

2. Ясность. — Ясно.

3. Сюжетность. Желѣзный скелетъ небоскреба. Не „по поводу". Ни Штейнера, ни коломенской философіи, ни прочихъ сносокъ на 100 страницъ.

4. Ощущеніе матеріала. Проза — проза. Не аритмичность „Хожденія по мукамъ", не гекзаметромъ написанные тома, а поиски своего прозаическаго ритма.

5. Комбинаціи различныхъ матеріаловъ (неудачная, но правильная попытка — „Дэзи" Никитина).

6. Вѣрная „настроенность" по отношенію къ современности, т. е. пріятіе Октября не какъ метафизики, а какъ перерожденія тканей.

Все это, разумѣется, въ зачаточномъ состояніи. Засимъ, частности, т. е., что Слонимскій или Никитинъ, Ивановъ или Зощенко показали это тамъ-то и тамъ-то. Лучше обождать. Тѣмъ паче, что нѣкоторымъ „Серапіонамъ" грозятъ опасности. Главная изъ нихъ та, что вообще грозитъ всей живой, разумной Россіи: — обступившая острова городовъ деревня. Покончивъ счастливо съ интеллигентской чесоткой, иные „Серапіоны" далеко не благополучны по части „милаго мужичка". Флиртуя съ нимъ, они забываютъ, что ему ничего не стоитъ сглотнуть и сто „Серапіоновъ" вмѣстѣ съ самимъ Гофманомъ. Стихія деревни враждебна организованной жизни. Серапіоны часто, подходя къ деревнѣ, не строятъ ее, а завязаютъ въ ней, растворяются. Есенинъ — прекрасный поэтъ, но отъ безформенности деревенскаго духа онъ, роняя превосходныя строфы, не можетъ создать цѣльной поэмы. Отъ тяги къ деревнѣ у иныхъ иногда зачатки націонализма и нео-руссофильства, столь враждебныхъ новой, дѣйствительно интернаціональной по духу литературѣ. Вѣдь, такъ легко дойти до „Вотъ у насъ въ Коломнѣ..." и тогда останется одно утѣшеніе, что т. Воронскій скажетъ: „Вѣдь теперь и мы оборонцы".

Вторая опасность — литература въ ея прежнемъ ореольномъ видѣ. То, что Зощенко не знаетъ, какой партіи Гучковъ, — очень мило (за него вчужѣ пріятно). Но вотъ, если онъ вообще газетъ не читаетъ, это много хуже. Современная газета прозаику — учитель, и не менѣе полезный, нежели Лѣсковъ. Я убѣжденъ, что новую прозу сдѣлаетъ тотъ, кто какъ слѣдуетъ „посягнетъ" на „великій, чистый русскій языкъ", какъ новую жизнь дѣлаютъ нынѣ занимающіеся однородными „посяганіями".

Таковы, примѣрно, признаки, благопріятствующіе и противные. Первые сильнѣе выражены, увѣсистѣй, — и поэтому „Серапіоны" законные баловни новой Россіи Кромѣ того, повторяю, пишутъ они дѣйствительно хорошо. А затѣмъ, можетъ быть, и они завтра возьмутъ и бросятъ писать или критикамъ на зло выпишутся въ грядущихъ Слезкиныхъ. Не въ этомъ дѣло; тогда придутъ другіе: появленіе „Серапіоновыхъ" — симптомъ органическаго перерожденія русской прозы. Процесса же остановить нельзя, какъ бы этого ни жаждали культурные консерваторы изъ московскаго „Лирическаго Круга" или отнюдь некультурные „фашисты" изъ эмигрантскаго „Веретена".

Илья Эренбургъ

АРХИВНОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ ВЪ 1918—1922 г. г.

Проф. М. А. Поліевктовъ подѣлился съ читателями „Новой Русской Книги" (№ 2) своими свѣдѣніями о реформѣ архивнаго дѣла въ Россіи, произведенной въ 1918 г. Статья почтеннаго ученаго требовала въ свое время большихъ добавленій и поправокъ. Въ ней больше обращено было вниманія на конструкцію архивнаго управленія въ центрахъ, особенно въ Петербургѣ, и не указана была конкретная работа, произведенная для упорядоченія архивовъ. Теперь прошло уже больше четырехъ лѣтъ послѣ изданія декрета 1918 года и можно представить вполнѣ ясную картину какъ состоянія архивовъ Россіи, такъ и дѣятельности Центральнаго Архивнаго Управленія (Центрархива).

Главное Управленіе Архивнымъ Дѣломъ (такъ прежде назывался теперешній Центрархивъ) возникло позднѣе другихъ совѣтскихъ учвежденій, когда жизнь поставила ребромъ вопросъ объ охранѣ архивнаго имущества Республики. Первоначальная организація Главархива въ Петербургѣ въ маѣ—іюнѣ 1918 года совпала съ первыми признаками начинающейся гражданской войны, а начало практической работы — осень 1918 года — относилось уже къ тому моменту, когда часть окраинъ была отрѣзана отъ центра. Это одна изъ главныхъ причинъ гибели большого количества архивовъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ налаживалась организаціонная связь Главархива, уже не приходилось особенно опасаться за судьбу архивнаго имущества, потому что представители Архивнаго Управленія, если не имѣли средствъ спасти отъ уничтоженія тотъ или другой архивъ, во всякомъ случаѣ могли установить то, что погибло. Поэтому Московское отдѣленіе Главархива, переименованное съ ноября 1918 года въ Главное Управленіе, сразу же направило свое вниманіе на установленіе связей и на подборъ лицъ, интересующихся судьбой архивнаго имущества. Къ концу 1919 года представители Главархива были на лицо въ 40 губернскихъ городахъ Республики. 31 марта 1919 года Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ было утверждено особое положеніе о губернскихъ архивныхъ фондахъ, которымъ опредѣлялись и примѣрные штаты — отъ 6 до 11 человѣкъ на губернію. И нужно сказать правду, что если мы до сихъ поръ имѣемъ еще сохранившіеся архивы, то главная заслуга въ этомъ лежитъ на тѣхъ культурныхъ труженикахъ провинціи, которые въ 1918 и 1919 году отозвались на призывъ Главнаго Управленія Архивнымъ Дѣломъ. Часто не встрѣчая сочувствія у мѣстной власти, утомленные отъ голода и холода, они на себѣ свозили угрожаемые архивы въ надежное помѣщеніе. Вспоминается такой ревностный любитель мѣстной старины, какъ И. А. Тихомировъ изъ Ярославля, который въ самый разгаръ ярославскихъ событій подъ обстрѣломъ спасалъ изъ огня архивные остатки.

Архивное Управленіе было организовано, какъ составная часть народнаго комиссаріата по просвѣщенію, и представляла собой совершенно самостоятельный отдѣлъ. Завѣдующій Архивнымъ Управленіемъ пользовался по декрету 1 іюня 1918 года пра-

вами члена Коллегін Наркомпроса и являлся представителемъ своего учрежденія въ центральномъ правительствѣ съ правомъ непосредственнаго доклада объ архивныхъ дѣлахъ Совнаркому. Фактически все направленіе работы и ея осуществленіе до мелочей зависѣло отъ главы вѣдомства. Такова судьба всѣхъ совѣтскихъ учрежденій.

Къ счастью для русскихъ архивовъ, во главѣ Архивнаго Управленія въ первый періодъ его дѣятельности оказался широкообразованный и знающій научную цѣнность архивовъ Д. Б. Рязановъ. Онъ сумѣлъ привлечь къ архивному дѣлу почти всѣ научныя силы Петербурга и Москвы, а главное, далъ возможность для спокойной дѣловой работы. Послѣ много разъ упрекали Рязанова за то, что въ своемъ учрежденіи онъ давалъ пріютъ антисовѣтскимъ элементамъ. Такъ какъ коммунистовъ, интересующихся архивнымъ дѣломъ, не было, то въ этомъ утвержденіи была нѣкоторая доля правды, но я утверждаю, что ни разу аппаратъ Главнаго Управленія архивнымъ дѣломъ при Рязановѣ не былъ использованъ для постороннихъ архивному вѣдомству цѣлей.

Къ сожалѣнію, конструкція Архивнаго Управленія не была доведена до конца. Дополнительное положеніе о центральномъ управленіи, а также о подвѣдомственныхъ ему областныхъ управленіяхъ такъ и не было издано, вопреки § 10 декрета отъ 1 іюня. Безъ точнаго опредѣленія рамокъ работы Главнаго Управленія, архивная реформа пріобрѣла черезчуръ широкій и неопредѣленный размахъ, совершенно не отвѣчающій ни средствамъ, отпускаемымъ на это дѣло, ни наличности подготовленныхъ кадровъ спеціалистовъ. По декрету предполагалось, что всѣ дѣла правительственныхъ учрежденій, законченныя къ 25 октября 1917 года, поступаютъ въ вѣдѣніе Государственнаго Архивнаго Фонда. Но для этого нужно было имѣть приспособленныя помѣщенія, а главное — хорошо подготовленныхъ сотрудниковъ. Естественно, что незначительныхъ наличныхъ силъ не хватало на собираніе и охрану гибнущихъ архивовъ. Задача централизаціи архивныхъ фондовъ была поставлена черезчуръ широко и безъ достаточно продуманныхъ подготовительныхъ мѣропріятій.

Съ начала 1919 года кромѣ гражданской войны, уничтожившей большое количество архивовъ, тяжесть архивной работы увеличили два фактора: Главбумъ и сокращеніе отпускаемыхъ государствомъ средствъ. Недостатокъ бумаги заставилъ правительство искать выхода изъ создавшагося бумажнаго кризиса. Казалось, что самое простое — это наладить производство бумажныхъ фабрикъ. Но отсутствіе готоваго сырья натолкнуло Главбумъ (Главное Управленіе бумажной промышленности) на очень оригинальный способъ — использовать старую бумагу для выработки новой. Начался походъ на архивы. Комиссія, возглавляемая чрезвычайнымъ уполномоченнымъ по дѣламъ бумажной промышленности при Совнаркомѣ Шведчиковымъ, повела настоящую погоню за архивами. Въ Москвѣ представителямъ Архивнаго Управленія еще удавалось иногда сговориться и выдавать наименѣе цѣнную часть архивнаго имущества, но въ провинціи это было безнадежно. Такимъ образомъ, погибли почти цѣликомъ провинціальные архивы Украины, потому что организаціонная связь Украинскаго Архивнаго Управленія была чрезвычайно слаба. Появились ловкіе дѣльцы, которые скупали архивы, какъ ненужный бумажный хламъ для выработки пакетовъ, блокнотовъ и т. п. Бумажный голодъ буквально съѣдалъ архивы. И здѣсь много энергіи положили провинціальные представители Главархива въ борьбѣ за спасеніе архивныхъ сокровищъ. Много разъ приходилось вмѣшиваться центру и спасать архивы, уже перевезенные на бумажныя фабрики.

Сокращеніе Наркомпроса, штаты котораго были непомѣрно раздуты въ 1918 — 1919 г. г., также тяжело отразилось на судьбѣ архивныхъ учрежденій. Возникшія позднѣе другихъ, безъ достаточной поддержки центра, архивныя отдѣленія не смогли занять болѣе прочнаго положенія. Нужно было какое-то болѣе сильное средство для поднятія престижа архивныхъ учрежденій. Начавшія возникать бюро Истпарта (комитета по изученію октябрьской революціи и Р. К. П.) имѣли свои спеціальныя задачи и смотрѣли на архивы не особенно благосклонно. Поговаривали объ образованіи особаго Архивно-музейнаго Комиссаріата. Если бы въ числѣ видныхъ членовъ руководящей партіи нашлось лицо, способное объединить въ своихъ рукахъ архивно-музейное дѣло, — это былъ бы наилучшій выходъ, но такого лица не было. Д. Б. Рязановъ, начавшій съ 1920 года организацію Соціалистической Академіи, постепенно охладѣвалъ къ архивному вѣдомству, а И. И. Троцкая, завѣдующая Главмузеемъ, совершенно не проявляла интереса къ архивамъ.

Неожиданно для архивныхъ дѣятелей Архивное Управленіе съ конца 1920 года

перешло въ руки Замнаркома по Просвѣщенію, М. Н. Покровскаго. Д. Б. Рязановъ, уѣхавшій въ заграничную командировку и оставившій временно своимъ замѣстителемъ по Главархиву Покровскаго, по пріѣздѣ узналъ, что временный замѣститель сдѣлался постояннымъ завѣдующимъ. Рязановъ попытался бороться за организованное имъ учрежденіе, но эта борьба дальше коллегіи Наркомпроса не пошла. М. Н. Покровскій сталъ постояннымъ завѣдующимъ Главархивомъ, оставаясь въ то же время замѣстителемъ Наркома. Первоначально казалось, что архивы отъ этого только выиграютъ. Видный русскій историкъ, которому должны быть особенно близки интересы русской культуры, видный работникъ Наркомпроса, М. Н. Покровскій при желаніи могъ очень многое сдѣлать для упорядоченія архивнаго дѣла. Фактически же Архивное Управленіе съ каждымъ мѣсяцемъ идетъ къ развалу и скоро встанетъ вопросъ о реорганизаціи архивнаго дѣла въ Россіи.

Недовѣрчивый къ людямъ и въ каждомъ спецѣ видящій существо, которому „пальца въ ротъ класть нельзя и которому дверь Чека должна быть всегда гостепріимно открыта" („Красная Новь", за прошлый годъ, № 5), М. Н. Покровскій началъ упорядоченіе архивнаго дѣла съ удаленія всѣхъ, казавшихся ему неблагонадежными, и съ привлеченія къ дѣлу лицъ, мало понимающихъ архивное дѣло. Къ тому же самъ Покровскій, занятый по Наркомпросу и другимъ учрежденіямъ, мало могъ удѣлять времени Архивному Управленію. Естественно, что часть прежнихъ сотрудниковъ, которые много сдѣлали при первоначальной организаціи Главархива, была уволена: А. А. Трояновскій, замѣститель Рязанова и завѣдующій военными архивами, его помощникъ Р. И. Карташевскій, управляющій дѣлами А. М. Полянскій, членъ коллегіи В. И. Сторожевъ, и рядъ профессоровъ, научныхъ сотрудниковъ — А. А. Кизеветтеръ, В. К. Мюллеръ, М. Н. Розановъ, Фельдштейнъ, въ послѣднее время Ѳ. В. Кельинъ. Часть ушла добровольно — петербургскіе видные работники А. С. Николаевъ и И. Л. Маяковскій. Авторъ настоящихъ строкъ былъ уволенъ съ 1-го мая 1922 года „согласно собственному желанію", какъ сказано было въ выданномъ удостовѣреніи, хотя такого желанія никому не высказывалъ. Покинули службу также многіе провинціальные работники, а многочисленныя сокращенія штатовъ рядовыхъ сотрудниковъ разбили въ конецъ налаженный аппаратъ.

Въ декабрѣ 1921 года Главное Управленіе Архивнымъ Дѣломъ изъ вѣдѣнія Наркомпроса перешло въ В. Ц. И. К. и стало именоваться Центральнымъ Архивомъ (сокращенно Центрархивъ Р. С. Ф. С. Р.). Если въ Москвѣ этотъ переходъ имѣлъ значеніе въ смыслѣ нѣкотораго улучшенія денежныхъ рессурсовъ и разныхъ матеріальныхъ благъ, то въ провинціи дѣло приняло еще худшій оборотъ, чѣмъ было раньше. Губисполкомы, которымъ было навязано архивное дѣло, мало въ этомъ были заинтересованы и не особенно заботились объ улучшеніи порученнаго имъ архивнаго строительства. Мѣстные органы Истпарта, спаянные по декрету организаціонной связью съ Центрархивомъ, скоро отошли и заняли самостоятельную позицію, получая директивы отъ Ц. К. Р. К. П. Въ самомъ Управленіи Центрархива былъ произведенъ рядъ реформъ, которыя не улучшили существа дѣла. Наиболѣе главный и дѣятельный аппаратъ инспекціи былъ замѣненъ организаціоннымъ отдѣломъ, который до сихъ поръ не можетъ привлечь къ себѣ знающихъ дѣло лицъ. Образованный вновь Научно-теоретическій отдѣлъ, который по идеѣ долженъ вести всю научную постановку архивнаго дѣла, до послѣдняго времени не наладилъ своей работы. И если гдѣ еще бьется пульсъ живого дѣла, то лишь въ издательской части Н. Т. О., что позволяетъ при поддержкѣ Госиздата издавать Красный Архивъ и разные историческіе матеріалы. Вообще же издательская дѣятельность Архивнаго Управленія, несмотря на колоссальное количество важнѣйшихъ историческихъ документовъ, за всѣ четыре года была незначительной. Было издано: „Историческій Архивъ". 1919 г. кн. I. Вторая книга вышла лишь въ 1922 г. подъ заглавіемъ „Сборникъ матеріаловъ и статей" в. I. Отдѣльнымъ изданіемъ вышла набранная для 2-й кн. „Историческаго Архива" „Исповѣдь" Бакунина. Въ послѣднее время вышла I книга журнала „Красный Архивъ" съ отдѣльнымъ оттискомъ „Русско-германскія отношенія", а также книга: Достоевскій „Исповѣдь Ставрогина" (неизданныя главы изъ ром. „Бѣсы") и „Житіе великаго грѣшника" (планъ романа). Въ 1921 году вышелъ „Сборникъ декретовъ, циркуляровъ, инструкцій и распоряженій по архивному дѣлу", в. I. И это все, что было издано за четыре года!

Каковы же достигнутые результаты и ближайшія перспективы архивнаго дѣла въ Россіи?

Въ смыслѣ охраны архивовъ и спасенія ихъ отъ гибели была произведена за 4 года колоссальная работа. Кромѣ чисто-вѣдомственныхъ собраній, было найдено и сохранено для потомства много документовъ исключительной исторической важности. Въ такъ называемый Романовскій архивъ вошли всѣ бумаги послѣдняго царя и его семьи. Личная переписка Николая II за время его пребыванія въ Ставкѣ была найдена въ Могилевѣ уже въ концѣ 1919 года. Собраны, насколько удалось, архивы противосовѣтскихъ правительственныхъ образованій эпохи гражданской войны. Вывезена значительная часть наиболѣе цѣнныхъ усадебныхъ и семейныхъ архивовъ: Рачинскихъ, Сухтеленъ-Боде, Гагариныхъ, Побѣдоносцева и мн. другихъ. Къ сожалѣнію, надо указать и на то, что много усадебныхъ архивовъ погибло. Составлены громадныя собранія историко-революціоннаго характера.

Но при слабой налаженности аппарата въ центрѣ и на мѣстахъ, гдѣ на губернію осталось по 1-4 сотрудника, Центрархивъ съ каждымъ мѣсяцемъ превращается въ безхозяйственнаго хозяина, къ которому по декрету 1 іюня 1918 года отошли архивы всѣхъ учрежденій и всѣхъ вѣдомствъ. Центрархивъ уже съ трудомъ ихъ можетъ охранять и совершенно не можетъ наладить въ нихъ серьезной работы. Ни одно изъ желаній конференціи архивныхъ дѣятелей осенью 1921 года до сихъ поръ не было исполнено. Въ рѣдкой книгѣ „Пролетарской Революціи", „Печати и Революціи" и др. подобныхъ изданій не встрѣтишь свѣдѣній о гибели архивовъ. За послѣднее время такіе факты наблюдались въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ въ 1921 году былъ разрушенъ Архивъ Революціи, въ Перми, гдѣ пострадали Строгановскіе архивы, а также есть опасеніе за судьбу Соловецкаго архива, вывезеннаго въ 1917 году въ Пермь.

Между тѣмъ, жизнь выдвигаетъ на очередь много новыхъ задачъ. Народный Комиссаріатъ Иностранныхъ Дѣлъ, который наиболѣе нуждается въ справкахъ среди старыхъ архивовъ, уже поднялъ вопросъ о передачѣ всѣхъ дипломатическихъ архивовъ въ вѣдѣніе комиссаріата. Съ развитіемъ НЭП'а все больше и больше встаетъ вопросъ о возстановленіи дѣятельности матеріальныхъ архивовъ. Передъ Центрархивомъ въ настоящее время два пути: или реорганизовать свой аппаратъ такъ, чтобы онъ отвѣчалъ назрѣвшимъ практическимъ потребностямъ, что едва ли позволятъ сдѣлать имѣющіяся въ его распоряженіи силы и средства, или отказаться отъ черезчуръ широко задуманной централизаціи архивныхъ фондовъ и начать планомѣрную передачу архивныхъ собраній тѣмъ вѣдомствамъ, которымъ они нужны. Повидимому, прійдется пойти по второму пути. За Центрархивомъ останется улучшеніе прочно сложившихся историческихъ архивовъ и общее наблюденіе за состояніемъ архивовъ другихъ вѣдомствъ Республики.

Оставленіе же архивовъ за учрежденіемъ, которое, ясно, не справляется со своей задачей, грозитъ окончательнымъ уничтоженіемъ архивнаго фонда Республики, что не можетъ быть допущено какъ по практическимъ соображеніямъ, такъ и во имя русской исторической науки.

А. Изюмовъ.

20. X. 1921 года.
Берлинъ.

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Герценъ и Короленко въ Вятской губерніи. — Воспоминанія о Некрасовѣ А. С. Суворина и Е. А. Рюмлингъ-Некрасовой. — Тургеневъ о Достоевскомъ. — М. Е. Салтыковъ въ своей семьѣ).

Если кто-нибудь захочетъ подмѣтить основную черту, отличающую характеръ появляющейся за рубежомъ исторической литературы отъ характера литературы, появляющейся въ Совѣтской Россіи, то онъ прежде всего долженъ будетъ обратить вниманіе на мѣсто, которое въ этой литературѣ занимаютъ архивные матеріалы. Въ то время какъ изданія, выходящія въ Совѣтской Россіи, насыщены архивными матеріалами, здѣсь, за рубежомъ, послѣдніе не играютъ почти никакой роли. Въ Совѣтской Россіи степень цѣнности и интереса книги опредѣляется, главнымъ

образомъ, характеромъ вошедшихъ въ нее архивныхъ матеріаловъ. Именно они дали то, что составляло за последніе годы „гвозди" литературныхъ сезоновъ: „Исповѣдь" Бакунина, неизданныя главы Достоевскаго, новую повѣсть Гоголя [1]) и т.д.

Мемуары играютъ тамъ болѣе скромную роль. Иное дѣло литература зарубежная. Весь интересъ выходящихъ здѣсь историческихъ книгъ и журналовъ базируется на воспоминаніяхъ; документы, если они печатаются, то печатаются въ небольшомъ количествѣ и преимущественно на задворкахъ, мелкимъ шрифтомъ.

Это отличіе, характерное для всей исторической литературы, вѣрно и въ отношеніи къ литературѣ, касающейся интересной для насъ области. Почти все новое, что появляется за рубежомъ, — если не говорить о перепечаткахъ изъ совѣтскихъ газетъ, — это воспоминанія изъ болѣе или менѣе недавняго прошлаго. Едва ли не единственное исключеніе составляютъ построенныя на архивныхъ данныхъ статьи А. Лясковскаго о Герценѣ [2]) и Короленко [3]).

Авторъ этихъ двухъ очерковъ, повидимому, не принадлежитъ къ числу архивныхъ работниковъ; достаточно сказать, что онъ не только не дѣлаетъ ссылокъ на названія дѣлъ, изъ которыхъ почерпнулъ использованные имъ документы, но даже не называетъ ни разу того архива, надъ документами котораго онъ работалъ. Правда, догадаться объ этомъ, прочитавъ его статьи, не трудно (рѣчь идетъ, несомнѣнно, объ „архивныхъ документахъ" изъ архива Вятскаго губернатора), но въ интересахъ будущихъ работниковъ, которымъ придется, б. м., ссылаться на статьи Лясковскаго, было бы далеко не лишнимъ назвать полнымъ именемъ и архивъ и тѣ дѣла, которыми онъ пользовался. Точно такъ же нужно было бы подкрѣплять ссылками на документы и всѣ свои утвержденія въ отдѣльности, а эти документы цитировать въ подлинникахъ, не прибѣгая къ ихъ изложенію „своими словами".

Существенно новаго статья Лясковскаго о Герценѣ къ тому, что уже было извѣстно о жизни послѣдняго въ Вяткѣ, прибавляетъ мало [1]). То, что онъ сообщаетъ новаго, нуждается въ большой провѣркѣ. Такъ, Лясковскій утверждаетъ, что полицейскаго надзора надъ Герценомъ въ Вяткѣ въ дѣйствительности не было установлено, что онъ не былъ даже включенъ въ списокъ поднадзорныхъ, о поведеніи которыхъ полицеймейстеръ долженъ былъ еженедѣльно рапортовать губернатору.

Очерки о Герценѣ Лясковскаго, повидимому, не доведены до конца; послѣдній имѣющійся въ нашемъ распоряженіи фельетонъ (изъ № 316) обрывается почти на полусловѣ и обѣщаетъ продолженіе, котораго, насколько намъ извѣстно, не послѣдовало.

Знакомство съ другой статьей Лясковскаго — „Ссылка В. Г. Короленко" заставляетъ съ еще большей осторожностью отнестись къ его выводамъ. Она показываетъ, что авторъ совсѣмъ не знакомъ съ той эпохой, писать о которой онъ взялся. Едва только онъ переходитъ отъ изложенія и цитированія документовъ къ „обобщеніямъ", какъ обнаруживаетъ полное незнакомство съ предметомъ и литературой. Такъ, напр., онъ пишетъ:

„Когда начались одинъ за другимъ террористическіе акты, когда обнаружились первые признаки революціоннаго движенія и началась агитація „хожденія въ народъ", правительство начало хватать и сажать въ тюрьму по малѣйшему подозрѣнію". [2])

О томъ, что между „началомъ агитаціи хожденія въ народъ" и слѣдующими одинъ за другимъ террористическими актами прошло цѣлыхъ 4—5 лѣтъ, ни автору, ни редакціи, повидимому, неизвѣстно, и они валятъ все въ общую кучу, не понимая, какъ это аттестуетъ автора. Не менѣе странное, чтобъ не сказать больше, впечатлѣніе производитъ попытка разбора обвиненій, выдвинутыхъ противъ Короленко при первой ссылкѣ. Автору статьи, повидимому, и неизвѣстно, что вся эта исторія, вмѣстѣ съ пресловутой подготовкой къ убійству сыщика, обстоятельно разсказана въ т. II „Исторіи моего современника".

Тѣмъ не менѣе, и въ этой статьѣ есть интересныя мѣста. Къ числу таковыхъ надо отнести, насколько намъ извѣстно, впервые цитируемую въ печати жалобу

---

[1]) Отмѣтимъ кстати, что послѣдняя впервые была опубликована не въ „Литературномъ музеумѣ", а въ „Нивѣ" за 1917 г.; редакція „Литерат. Музеума" это напрасно не оговорила.

[2]) „Изъ жизни А. И. Герцена въ ссылкѣ" (по неизданнымъ архивнымъ документамъ) — „Виленское слово" №№ 312, 313, 315 и 316 за 1921 г.

[3]) „Ссылка В. Г. Короленко" (по неизданнымъ архивнымъ документамъ) „Руль", Берлинъ, №№ отъ 25/26 іюля 1922 г.

[1]) Должны еще оговориться, что по отсутствію въ берлинскихъ библіотекахъ послѣдняго изданія сочиненій Герцена (ред. Лемке), въ которомъ обильно использованы матеріалы и Вятскаго архива, мы лишены возможности судить, насколько онъ повторяетъ или дополняетъ комментаріи Лемке.

[2]) „Руль" отъ 25 іюля 1922 г.

В. Г. Короленко губернатору на дѣйствія глазовскаго исправника, задерживавшаго, а порою и уничтожавшаго письма ссыльныхъ. Въ этой чрезвычайно интересной, судя по отрывкамъ (Лясковскій, къ сожалѣнію, ея не привелъ полностью), жалобѣ мы уже видимъ того Короленко, настойчиваго и упорнаго „борца за право" на легальной почвѣ, какимъ его знала вся Россія за послѣднія три десятилѣтія. Свою личную жалобу онъ растворяетъ въ „вопросѣ болѣе общаго свойства". Несомнѣнно, что въ архивѣ можно было бы найти еше немало такихъ характерныхъ черточекъ, — во всякомъ случаѣ, значительно больше, чѣмъ ихъ нашелъ Лясковскій. Нельзя не обратить вниманія и на нѣкоторую небрежность, съ которой статья написана; говоря о ссылкѣ В. Г. и приводя дату дня его высылки, авторъ ни разу не называетъ года, къ которому дата относится. Узнать этотъ годъ, конечно, не трудно, но указать его въ статьѣ, все же, слѣдовало бы.

На грани между воспоминаніями и документами стоятъ недавно опубликованныя въ „Новомъ Времени" выдержки изъ дневниковъ А. С. Суворина о Некрасовѣ.[1])

Въ небольшомъ редакціонномъ примѣчаніи сообщается, что эти выдержки являются отрывками изъ сохранившихся частей обширнаго дневника А. С. Суворина. Огромный интересъ, представляемый опубликованными записками, заставляетъ съ нетерпѣніемъ ждать слѣдующихъ частей его. Составленный, насколько можно судить по напечатаннымъ отрывкамъ, изъ наспѣхъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, сдѣланныхъ замѣтокъ, при обиліи и разносторонности встрѣчъ покойнаго создателя „Новаго Времени", онъ сулитъ много интересныхъ страницъ.

Опубликованныя выдержки являются записями А. С. Суворина объ его посѣщеніи Некрасова 16 янв. 1875 г. и 19 марта 1877 г. Во время перваго изъ этихъ посѣщеній Некрасовъ чрезвычайно много разсказывалъ о себѣ и о другихъ. Здѣсь все интересно: и упоминаніе о писаніи водевилей, и разсказъ о первыхъ скитаніяхъ въ Петербургѣ, и отзывы о Тургеневѣ, Гоголѣ, Бѣлинскомъ. У Некрасова была, повидимому, одна изъ тѣхъ покаянныхъ минутъ, о которыхъ разсказывали Елисеевъ, Михайловскій и др. И онъ все время стремился объяснить своему собесѣднику, какъ онъ сталъ такимъ, каковъ есть.

[1]) „Изъ записокъ А. С. Суворина (къ десятилѣтней годовщинѣ его смерти)"; „Новое Время", № отъ 24 августа 1922 г. Бѣлградъ.

„Я далъ себѣ слово не умереть на чердакѣ и убивалъ въ себѣ идеализмъ. У меня его было пропасть, но я старался у себя развить практическую смѣтку. Идеалисты сердили меня. Жизнь мимо нихъ проходила, они всѣ были въ мечтахъ и всѣ ихъ эксплоатировали. Я рѣдко говорилъ въ ихъ обществѣ, но когда напивался, начиналъ говорить противъ этого идеализма съ страшнымъ цинизмомъ".

Вспомнивъ дальше объ извѣстныхъ письмахъ Бѣлинскаго, опубликованныхъ тогда Тургеневымъ, гдѣ говорится, какъ „мялся, покашливалъ" Некрасовъ, когда рѣчь шла о расплатѣ съ сотрудниками, Некрасовъ говорилъ:

„Какъ же было не мяться и не покашливать, когда денегъ не было платить Плетневу, Никитенкѣ; Бѣлинскій забралъ пропасть и требовалъ себѣ пай. Я объяснилъ ему, что пай ему самому невыгоденъ, и онъ мнѣ писалъ на другой день благодарственное письмо: „Вы помѣшали мнѣ сдѣлать дурное дѣло". Письмо это есть у меня, а у жены Бѣлинскаго есть реестръ всѣхъ забранныхъ у меня денегъ. За недѣлю до смерти я былъ у него. Онъ лежалъ грустный. „Что съ вами, В. Г.?" — „Я думаю о томъ, — сказалъ онъ, — что года черезъ два и вы будете лежать такъ же безпомощно, как я. Берегите себя, Некрасовъ". Это онъ сказалъ съ такой душою, какъ только можно говорить съ человѣкомъ, котораго любишь. Мнѣ кажется, онъ любилъ меня и предвидѣлъ, что я еще пригожусь."

Въ передаваемыхъ Сувориным отзывахъ Некрасова о другихъ писателяхъ не чувствуется нѣжнаго отношенія, звучащаго въ этомъ разсказѣ о Бѣлинскомъ. Очень интересно упоминаніе Некрасова о начатомъ было имъ писаніи своихъ записокъ:

„Послѣ того какъ простили (?) меня Антоновичъ и Жуковскій, я сталъ писать свои „Записки", листовъ двѣнадцать печатныхъ написалъ, потомъ бросилъ. Если я проиграюсь, тогда я стану писать книгу, а теперь меня всегда останавливаетъ мысль, кто же деньги за нее получать станетъ? Эта практическая сторона всегда такъ и лѣзетъ мнѣ въ голову и останавливаетъ."

Задумалъ же Некрасовъ эти свои записки очень широко:

„Объ игрѣ я бы цѣлую книжку написалъ. Какіе тутъ люди, что я испыталъ тутъ. Одинъ Абаза чего стоитъ! Это герой мой былъ бы. Все были бы въ книжкѣ люди, которыхъ мы ежедневно встрѣчаемъ, а не сочиненные, какіе-то особенные, „игроки". Четыре женщины вывелъ бы тоже очень интересныя. Это была бы особая часть записокъ."

Интересно знать, не уцѣлѣли-ли гдѣнибудь написанныя Некрасовымъ части его воспоминаній. Цѣнность ихъ едва ли можно преувеличить.

Второе посѣщеніе Некрасова производитъ жуткое впечатлѣніе. Надъ ложемъ поэта уже чувствовалось дуновеніе смерти. Муки были нестерпимы. И, все же, въ головѣ роились планы поэтическихъ работъ.

„Я тутъ задумалъ. Это страшное что-то. Лежу и все мнѣ мерещатся степи, степи, степи. Сибирь и снѣга. Цѣлая поэма — „Безъ роду, безъ племени“. Я вамъ отдамъ все — дѣлайте что знаете, употребите, какъ матеріалъ. Этотъ человѣкъ бѣжитъ, голодаетъ, холодаетъ. Нигдѣ пріюта. И степь и снѣга. Только видитъ онъ что-то черное. Поднялъ — горностай, замерзъ, бѣдняга. Онъ его въ шапку и пошелъ. Шелъ, шелъ. Вдругъ слышитъ звонъ. Звонъ колокольчика. Какъ не быть богомольнымъ. Сиять, что ли, шапку и перекреститься. Снялъ. Да что-то шевелится въ шапкѣ. Смотритъ — горностайка въ теплѣ ожилъ. Онъ взялъ его въ руку, спустилъ — онъ прямо въ лѣсъ бросился, на свободу. Вотъ вамъ начало. Я самъ напишу.“

Повторяю: нельзя не пожелать, чтобы дневники Суворина какъ можно скорѣе были опубликованы, по возможности, полностью.

Совершенно иной характеръ носятъ опубликованныя въ „Сполохахъ“ воспоминанія о Некрасовѣ его сестры, Е. А Рюмлингъ-Некрасовой.[1])

Близкая поэту по крови и долго жившая у него на квартирѣ Рюмлингъ-Некрасова была, очевидно, совершенно чужда ему по духу и дѣло не сводилось къ одной огромной разницѣ въ возрастѣ (Е. А. — дочь отца поэта отъ другой жены): все, что она вспоминаетъ,[2]) чрезвычайно мелко, поверхностно. Если для чего-нибудь это и можетъ быть интереснымъ, такъ только для характеристики среды, окружавшей Некрасова дома и, въ первую очередь, для характеристики самого автора „Воспоминаній“.

„Увлеченія“, о которыхъ госпожа Рюмлингъ-Некрасова разсказываетъ, — это отношенія Некрасова къ Селинѣ Лефренъ, П. Н. Мейшень и З. Н. Некрасовой. Отношеніе автора воспоминаній къ послѣдней рѣзко-отрицательное; въ ея характеристикѣ она не скупится на черныя краски. По ея словамъ, З. Н. не отличалась ни образованіемъ, ни душевными качествами, ни даже внѣшностью (стр. 32); она даже одѣвалась „плохо и безвкусно“ (стр. 33); отношеніе поэта къ З. Н. авторъ воспоминаній рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ тонахъ, совершенно не вяжущихся со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ объ этомъ изъ „Послѣднихъ пѣсенъ“. Боимся, что въ данномъ случаѣ многое надо отнести на счетъ послѣдующей борьбы изъ-за наслѣдства Некрасова. По крайней мѣрѣ, это звучитъ въ фразѣ госпожи Рюмлингъ:

„Она (З. Н.) достигла своей цѣли — все состояніе брата осталось за ней“ (стр. 33).

Объ одномъ изъ тоже давно ушедшихъ писателей интересную страничку воспоминаній далъ Н. М. Минскій, разсказавшій о своей бесѣдѣ съ Тургеневымъ въ 1881 г., въ Буживалѣ.[1])

Въ этомъ разсказѣ, прежде всего, любопытны детали встрѣчи представителей двухъ поколѣній. Минскій отмѣчаетъ, какъ рѣзали ему ухо нѣкоторыя несловарныя выраженія Тургенева и его дѣйствительно грубоватое прикосновеніе къ темѣ объ его отношеніяхъ къ Віардо. Но самое цѣнное въ этомъ отрывкѣ — отзывы Тургенева о Достоевскомъ, Писемскомъ, Л. Н. Толстомъ. О первомъ Тургеневъ разсказалъ Минскому ту самую исторію о растлѣніи дѣвочки, которая недавно вновь поднята въ литературѣ въ связи съ „Исповѣдью Ставрогина“. Версія, переданная Тургеневымъ, существенно отличается отъ извѣстнаго разсказа въ письмѣ Страхова къ Толстому, и разбираться въ ней не входитъ въ наши задачи. Намъ нужно лишь отмѣтить ее. Отмѣтимъ также, что, какъ передаетъ Минскій, такъ нашумѣвшая впослѣдствіи повѣсть І. Ясинскаго, подъ прозрачными псевдонимами трактующая этотъ эпизодъ, была написана на сюжетъ переданнаго Минскимъ разсказа Тургенева. Интересенъ также разсказъ Минскаго о планѣ новаго романа, который разрабатывалъ тогда Тургеневъ.

„Задумываю, — говорилъ послѣдній Минскому, — новый романъ, который будетъ называться „Самистъ“. Васъ удивляетъ это слово? Самистъ, это значитъ человѣкъ, который признаетъ въ мірѣ только себя самого, свои собственныя желанія, страсти. Это новая, послѣдняя разновидность нигилиста“.

Очень интересны и содержательны воспоминанія кн. В. Оболенскаго о Салтыковѣ.[2]) Авторъ разсказываетъ о своихъ наблюденіяхъ надъ отношеніями М. Е. Салтыкова къ его женѣ и дѣтямъ и просто, безыскуственно, но съ достаточной силой рисуетъ картину полнаго одиночества М. Е. въ его собственной семьѣ. Эта картина не нова; о семейныхъ отношеніяхъ М. Е. многое извѣстно было и ранѣе, и все же нѣкоторыя мѣста изъ воспоминаній Оболенскаго производятъ сильное и жуткое впечатлѣніе.

Особенно тяжелъ разсказъ Оболенскаго объ его послѣднемъ посѣщеніи Салтыкова.

---

[1]) „Три послѣднихъ увлеченія Н. А. Некрасова“; „Сполохи“, № 2 за декабрь 1921 г. Берлинъ (стр. 31-33).

[2]) Ея воспоминанія напечатаны также въ петроградской „Книгѣ и Революціи“.

[1]) „Три часа у Тургенева“; „Посл. Новости“ № 215, отъ 2 января 1921 г. Парижъ.

[2]) „М. Е. Салтыковъ въ своей семьѣ (воспоминанія случайнаго знакомаго)“; „Совр. Записки“, № 6 за 1921 г. Парижъ (стр. 81-91).

М. Е. былъ боленъ, зналъ, что смерть близка, и говорилъ о смерти. Попытки Оболенскаго увѣрить, что дѣло не такъ еще плохо, Салтыковъ оборвалъ словами:

„Не говорите мнѣ вздора! Я знаю, что умираю... Вотъ сижу за письменнымъ столомъ, а писать больше не могу... Конецъ"...

Голосъ его задрожалъ и оборвался...

А изъ гостиной, черезъ полуоткрытую дверь, доносились обрывки веселой болтовни. Тамъ Елизавета Аполлоновна съ Лизой принимали визиты какихъ-то молодыхъ людей. Молодые люди отпускали остроты, дамы кокетливо смѣялись:

„Вы думаете? Ахъ, какой вы злой!!" „Не смѣйте такъ говорить, я разсержусь"...

„У-у-у," застоналъ Салтыковъ, — я умираю, а онѣ"... Лицо его гнѣвно задергалось и вдругъ со страшной ненавистью въ голосѣ, онъ прокричалъ: „Гони ихъ въ шею, шаркуновъ проклятыхъ Вѣдь я умираю! У-ми-раю!"

Въ сосѣдней комнатѣ сразу затихли разговоры, послышался скребъ отодвигаемыхъ стульевъ и удаляющіеся шаги. Черезъ минуту въ кабинетъ вбѣжала Елизавета Аполлоновна и, надувъ губки, хныкающимъ тономъ обиженной гимназистки сказала: „Ну, вотъ, ты всегда, Мишель, такія грубости говоришь. Къ намъ никто ходить не будетъ."

„Мишель" не отвѣтилъ. Онъ усталъ отъ только что пережитаго возбужденія, сидѣлъ молча, по-прежнему положивъ ладони на письменный столъ и уставившись въ одну точку своими отвлеченными глазами.

А черезъ нѣсколько дней по Лиговкѣ тянулась многотысячная толпа, предводимая съ опаской поглядывавшими на нее конными жандармами.

Б. Н — скій.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗІИ

БОР. ПИЛЬНЯКЪ. Голый годъ. Изд-во З. И. Гржебина. Петербургъ—Берлинъ. 1922.

Бор. Пильнякъ — новый человѣкъ въ русской литературѣ, не въ томъ только смыслѣ, что первая книга его разсказовъ появилась въ 1918 году, а и потому, что у него новое ощущеніе Россіи и революціи, и новый, собственный, творческій путь. Не тотъ путь интеллигентскихъ колебаній, смятенья, надрывовъ, — крестный путь размагниченнаго русскаго лишняго человѣка. Нѣтъ, Пильнякъ не критикуетъ, не морализируетъ. Онъ гармонически сливается со всей эпопеей русскаго Sturm und Drang'a. Духъ эпохи, ея стиль, дыханіе русскаго взбаламученнаго моря — вотъ подлинная стихія творческаго „я" Пильняка. Онъ не мастеръ тонкихъ психологическихъ рефлексовъ, самоанализа одинокой души. Онъ зарисовываетъ общій фонъ, какъ лѣтописецъ, какъ наблюдатель, какъ свидѣтель нашихъ великихъ дней. И въ этомъ сила, значеніе и пафосъ Пильняка, особенно ярко проявившіеся въ романѣ-хроникѣ „Голый годъ". Можно сказать, что Пильнякъ не только ощущаетъ по новому Россію и революцію, — но онъ пріемлетъ ее, сливаясь со всѣмъ добрымъ и злымъ хаосомъ, со всей жутью и мутью нашихъ испепеляющихъ лѣтъ, почти не пытаясь разложить хаосъ и преодолѣть его.

Дѣйствіе преимущественно развивается въ русскомъ захолустьѣ, въ уѣздномъ „Ордынинѣ-городѣ", — одномъ изъ варіантовъ горьковскаго городка Окурова, — или въ деревнѣ, или на старыхъ русскихъ безкрайныхъ дорогахъ. Но въ сущности, авторъ говоритъ о всей Россіи, и героемъ романа-хроники является Россія. Мы склонны обычно, по трафарету, говоря о революціи, имѣть въ виду красныя столицы, фабрики, заводы, солдатскія казармы. Но Пильнякъ не хочетъ этого трафарета и пишетъ исторію революціи, какъ она произошла въ деревянной и соломенной Россіи, гдѣ нѣтъ заводовъ, совѣтовъ, профсоюзовъ, гдѣ безформенно и нелѣпо, мучительно и безумно, въ грозѣ и бурѣ прошлась по всему лицу земли революціонная стихія.

Есть незабываемыя картины сегодняшней, теперешней Россіи въ книгѣ Пильняка. Въ извѣстномъ смыслѣ, это даже трудно назвать искусствомъ, художественнымъ изображеніемъ жизни Весь условный эстетизмъ, всѣ привычные критеріи художественности разлетаются вдребезги передъ ужасающими своей правдой картинами съ натуры. Да, это натурализмъ. Но ему дано, — и въ послѣдній ли это разъ? — потрясти сердца, ударить и ужаснуть. Это — картины русскихъ дорогъ, по которымъ медленно движутся биткомъ набитыя теплушки, переполненныя красноармейцами, мужиками, бабами. Они бѣгутъ отъ голода и смерти въ погонѣ за хлѣбомъ въ царство вшей, сыпняка и разврата. Тутъ право на проѣздъ покупается бабами продажей своего тѣла, и люди въ поискахъ хлѣба смиренно и покорно падаютъ жертвой болѣзней и смерти. И такимъ же подлиннымъ ужасомъ и отчаяніемъ вѣетъ отъ другихъ страницъ книги, гдѣ изображается современный русскій базаръ, на которомъ единственный предметъ торга — ... гробы, и каждый благоразумно вымѣриваетъ свой ростъ и спокойно, безропотно запасается гробомъ. „Не страна, а Азія" — упрямо подводитъ авторъ итоги своимъ наблюденіямъ.

Чрезвычайно рельефно удалось Пильняку противопоставить другъ другу два міра: старый міръ разрушенныхъ революціей дворянскихъ гнѣздъ и новый міръ новыхъ людей. Онъ разлагается, онъ гніетъ, этотъ старый міръ величественной когда-то княжеской семьи Ордыниныхъ. Сейчасъ они всѣ обречены. Послѣдніе часы доживаетъ фамильная традиція, подъ ударомъ жизни гибнутъ остатки привязанностей, приличій, старая мать, продающая домъ съ молотка татарамъ, окруженная такими же старыми приживалками, — безумные самодуры, тѣни прошлаго, — и старый князь, замаливающій свои грѣхи и впавшій въ полудѣтство отъ обрушившейся на него катастрофы.

Новое поколѣніе, новые люди въ изображеніи Пильняка это — большевики. Вотъ какъ описываетъ онъ эту новую породу: „Кожаные люди въ кожаныхъ курткахъ (большевики) — каждый въ стать, каждый красавецъ, каждый крѣпокъ, и кудри кольцами подъ фуражкой на затылокъ, — у каждаго больше всего воли въ обтянутыхъ

скулахъ, въ складкахъ у губъ, въ движеніяхъ утюжныхъ, — и дерзанія. Изъ русской рыхлой, корявой народности — лучшій отборъ. И то, что въ кожаныхъ курткахъ — тоже хорошо: не подмочишь этихъ лимонадомъ психологіи, — такъ вотъ поставили, такъ вотъ и знаемъ, такъ вотъ хотимъ, и — баста. Впрочемъ, Карла Маркса никто изъ нихъ не читалъ, должно быть. Петръ Орѣшинъ, поэтъ, про нихъ (про насъ!) сказалъ: „Или — воля голытьбѣ, или — въ полѣ на столбѣ" ...

Это немного лубочное изображеніе большевиковъ, это любованіе ими, „русскими удалыми, добрыми молодцами" нашего времени, нужно Пильняку, чтобы рельефнѣе противопоставить новыхъ людей старому, обреченному міру. Но также и для того изображаетъ Пильнякъ большевиковъ такими крѣпкими, кожаными, непроницаемыми, чтобы лишній разъ, — наперекоръ всѣмъ сердобольнымъ, — бросить свое „да" революціонной стихіи, ея пламенной, разрушительной сущности. Но кромѣ лубочныхъ фигуръ большевиковъ, изъ исполкома и чеки, Архипова, латыша Лайтиса есть и другія фигуры — анархисты, живущіе коммуной на землѣ, интеллигенты, мятущіяся мужицкія души, пріемлющія революцію. За что они пріемлютъ революцію? Княжеская дочь Наталія говоритъ брату: „Всѣ кто живы, должны итти . . . Въ революцію. Эти дни не вернутся еще разъ... Пусть мужики и мастеровые сами распорядятся своими цѣнностями". Дѣдъ Егорка, отвергая коммунистовъ, горой стоитъ за большевиковъ и провозглашаетъ свое credo: Нѣтъ никакого интернаціонала, а есть народная русская революція, бунтъ и больше ничего. По образу Степана Тимофеевича". Членъ анархистской коммуны, Андрей Волковичъ, ищетъ радости страданья: „Пусть въ Россіи перестанутъ ходить поѣзда, — развѣ нѣтъ красоты въ лучинѣ, голодѣ, болѣзняхъ?" Но Пильнякъ, какъ и старый революціонеръ Семенъ Ивановичъ „съ бородою какъ у Маркса", не можетъ скрыть горькой истины: „Не было хлѣба. Не было желѣза. Были голодъ, смерть, ложь, жуть и ужасъ, — малъ девятнадцатый годъ". И съ безпокойствомъ и тревогой вглядывается въ даль, вопрошая ее о грядущемъ русскаго народа.

Такова эта книга, — ужасающая и страшная, какъ и русская жизнь. Кое-гдѣ мелькаютъ свѣтлыя зарницы, но это рѣдкія, эпизодическія строки. Страница за страницей, неумолимо, неуклонно нарастаютъ безуміе и ужасъ въ голые годы революціи. И надобно владѣть своимъ особеннымъ крѣпкимъ, кряжистымъ языкомъ и стилемъ и надобно имѣть недрожащую руку и неробкій глазъ, чтобы безъ сентиментовъ и безъ слезъ разсказать — то, что есть. И это удалось Б. Пильняку въ романѣ „Голый годъ".

Г. А.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГЪ. 6 повѣстей о легкихъ концахъ. Изд. „Геликонъ". Москва-Берлинъ. 1922.

Повѣсть вторая — „Сутки". День парижскаго делегата Поля Луи въ совѣтской Москвѣ. Еще вчера, размѣренный ходъ европейской жизни: жатцъ-бандъ, Жерменъ, кафе Ваграмъ. О революціи — ходячее представленіе передового европейца: „легчайшее вино бурлитъ и каждый день серебряная быстрая крупинка ввысь". Сегодня оснѣженная Москва, хожденіе по мукамъ изъ Коминтерна въ Наркомземъ, государственная столовка въ кафе поэтовъ и извозчичій подвалъ. Пьянство тамъ съ партійнымъ работникомъ, поэтессой изъ Неофуги, извозчикомъ и художникомъ. Трагическій въ своей нелѣпости финалъ. Зимній студеный разсвѣтъ, сразу отрезвѣвшій извозчикъ:

> — „Хозяйка, хозяйка, отомкни. Я, видишь ли, того! Делегата прикончилъ!.'. Коняга околѣла! Зови скорѣй милицію!.."

Жестокая повѣсть несущихъ съ собой смерть и разрушеніе дней. И все же оправданіе, случайное въ устахъ средняго европейца Поля Луи, — характерно для самого Эренбурга.

> „Гдѣ-то идутъ часы. Гдѣ-то Парижъ. Свѣтло, Жерменъ. Ему не надо. Поѣздъ прилетитъ, сюда не сядетъ. Куда? Смѣяться, жить. Прошло. Теперь вотъ сжать, сжечь, раздавить, или еще покорно лечь, чтобы били, измывались."

Революція разящая, сжигающая — ея карающій образъ — связываетъ воедино всѣ шесть повѣстей. Почти библейское: пришелъ вѣтеръ съ пустыни и все унесъ. Снесъ дикимъ мужичьимъ бунтомъ „опытно-показательную колонію № 62", прервалъ существованіе старенькаго Гирши, принявшаго смерть съ непокидающей его мечтой о таинственной шифсъ-картѣ. Оставшіеся едва-ли найдутъ отвѣтъ. Можетъ быть, они, какъ бѣдный Мойша („Шифсъ-карта"), обратятся съ вопросомъ къ мудрому рэбби. И сѣдой рэбби покажетъ имъ древнюю книгу Зогаръ: —

> „Зло — складки одежды Бога."

Или въ обгорѣлой, сожженной поляками синагогѣ подниметъ горсточку пепла, и

сѣдой не утѣшительной мудростью прозвучатъ покорныя слова:

„Вотъ это — Тора. Кто сжегъ, освободилъ. Слова теперь, какъ птицы. Въ рукѣ, державшей спичку — жилъ Господь. И спичка на вѣтру не погасла."

О сжигающихъ вѣтрахъ революціонной стихіи пѣлъ свою лебединую пѣсню умирающій Блокъ. Случайно ли, что образъ его запечатлѣнъ на страницахъ новой книги Эренбурга.

Принялъ оттого, что вѣрилъ. И за бурей сегодняшняго видѣлъ будущаго Христа. Эренбургъ пріемлетъ, не вѣруя. Бурю ради бури. Оттого такъ часто усмѣшка, спокойствіе, холодная иронія у автора „Акціонернаго общества Мерикюръ де Рюсси."

Тема послѣдней повѣсти — эпопейна, и та виртуозность, съ которой онъ укладываетъ громадное содержаніе въ рамки коротенькой повѣсти — достиженіе само по себѣ. Но о формѣ въ концѣ. Сначала о содержаніи: — Халчакъ. Ртутные пріиски. Гдѣ-то тамъ въ Парижѣ — владѣльцы Феликсъ Вандэнмэръ и С-вья. Здѣсь смерть, жадная до жертвъ: разбитной Андрюшка разбился, свалившись въ бутъ, Егорка харкаетъ, — проклятая ртуть, а тамъ, въ Парижѣ — устрицы изъ Атлантики, яванскій кофе, испанскій хересъ, „сердце Вандэнмэра сладко бьется въ тактъ грустному Шопену." —

Война и революція. Въ Халчакѣ засѣданіе Совѣта: „отобрать, реквизировать, распредѣлить, „въ Парижѣ" у огромнаго стола, гдѣ рамы фотографій, прессъ-папье, балансы, въ креслѣ бьется Вандэнмэръ. Приподымается, руками тычетъ, какъ будто ищетъ рукава пальто, и медленно сползаетъ наверхъ, рядомъ газета: радіо „всѣмъ всѣмъ"...

... Четыре года спустя картина мѣняется: ...

„Пріѣхали въ Брюссель. Переговоры. Концессіи. Конечно, преступники, но все же... Францъ рѣшаетъ попробовать. Завтракъ въ Грандъ-Отелѣ. Человѣкъ — какъ человѣкъ — въ Того были страшнѣе, и даже пріятныя слова: — необходимость, гарантіи. Блестящія условія на 20 лѣтъ. Халчакъ. И Францъ считаетъ, взвѣшиваетъ. Послѣ сыра и до груши въ торжественный интервалъ рѣдко, ясно: — Идетъ. Мы заключаемъ договоръ: „Мерикюръ де Рюсси воскресаетъ. Двѣ стороны: ваше правительство съ длиннымъ именемъ и наша фирма Вандэнмэръ и С-вья."

Во имя чего же тогда опустошеніе и кровь. Неужели только во имя „легенды".

„чтобы надышавшись, встали, кровью побрызгавъ, пробудили мертвые и вновь огромнымъ „трахомъ", майскимъ октябремъ заставили бы Эмиля или Луи сползти на мягкій коврикъ кабинета."

Не спрашивайте Эренбурга. Онъ не отвѣтитъ вамъ. У него своя правда. Правда Агасфера, вѣками познавшаго тщету и юдоль земного, спокойно взирающаго на гибель культуры и міровъ, ибо не оцѣнить нищему, знающему только холодъ бродяжничества, знающему послѣднюю человѣческую мудрость, мудрость покорности — радость уютнаго жилья. Вотъ основное, что придаетъ новой книгѣ Эренбурга своеобразное очарованіе и остроту. Остальное — фонъ. Искусный художникъ, Эренбургъ нерѣдко съ присущимъ ему юморомъ зачерчиваетъ подробности быта, случайныхъ спутниковъ на своемъ пути. Вотъ любопытный по сжатости и яркости образъ поэтессы нео-фугистки:

„Вы отстали, во Франціи лирика. Не понимаю. Все должно быть ясно. Жизнь — фуга. Утромъ я на службѣ въ Гисѣ. Вырабатываю планы. Потомъ поэтесса — дѣлаю стихи. Ночью — женщина. У меня есть полъ. Безъ ложной стыдливости. У васъ тоже полъ. Надо использовать. Мнѣ девятнадцать. Черезъ одиннадцать я буду старой дѣвой. Пока живу."

Въ смыслѣ внѣшнихъ пріемовъ письма, новая книга Эренбурга — большое продвиженіе впередъ. Слогъ ея намѣренно лакониченъ. Часто опускается глаголъ, предпочтеніе автора на сторонѣ существительныхъ. Достиженіе: большая выразительность. Какъ примѣръ, — характеристика фамиліи Вандэнмэровъ:

„Феликсъ Вандэнмэръ и С-вья. Два сына — Эмиль и Францъ. Эмиль — толстякъ — любитъ спокойные доходы, легкія рубашки -сѣтки, коктайль со льдомъ, мечтательныхъ модистокъ и — никуда, лежать до краха банка или до страшнаго суда. Зато Францъ — порывъ: Конго, Того, Баку, цифры, ноли, баръ, флипъ, Фордъ, ночь, — вотъ Францъ. Отецъ — синтезъ, цѣнитъ и возбуждающее, и прохладительное. 59 лѣтъ. Вдовъ. Два вечера въ недѣлю (среды и субботы) у артистки Жанны. Два сына. Два вечера. Но двадцать два предпріятія."

Ф. Ивановъ.

ГЕОРГІЙ ГРЕБЕНЩИКОВЪ. Чураевы. Романъ. Изд. „Русская Печать". Парижъ. 1922 (238 стр.). Путь человѣческій. „Русское унив. изд." Берлинъ. 1922 (126 стр.).

Мельниковъ - Печерскій, Маминъ - Сибирякъ, Боборыкинъ, отчасти Потапенко — вотъ тотъ безкрасочный, повѣствовательный русскій романъ, который окончательно похоронила революція. Затѣйливый разсказчикъ съ потухшей папиросой, роняю-

щій въ мѣстахъ, требующихъ паузы, платокъ, полковникъ подъ конецъ разсказа въ этотъ платокъ усердно сморкающійся. Однотонный, безъ красокъ, безъ нерва, безъ напряженности (а не напряженность-ли единственная мѣра художника вообще?) разсказъ, который жужжитъ, какъ муха, растрогалъ или насмѣшилъ, пока его слушаешь, и благополучно забылъ на слѣдующее утро, ибо къ бѣгу жизни онъ ничего не прибавилъ, не взялъ и взять и показать отъ жизни ничего не показалъ, никакой красотой не тронулъ. Въ наше время, когда писатель вынашиваетъ разсказъ мѣсяцъ и потомъ, вмѣсто разсказа, пишетъ стихотвореніе, повѣсть годъ — и создаетъ разсказъ, казалось, что такая вотъ дѣланная, искусственная, безполая литература умерла. До полковника-ли съ его универсальнымъ платкомъ, когда отъ каждой строки шибаетъ кровью и все-таки она не поражаетъ, ибо жизнь больше!

И поэтому какъ-то не знаешь, какъ поступить, когда сталкиваешься именно вотъ съ такимъ искусственнымъ и опоздавшимъ лѣтъ на двадцать произведеніемъ. А „Чураевы" именно такая вещь. На 238 страницахъ ея ни одна строка не вскрикнула, ни одинъ образъ не пронзилъ, не упалъ въ память, ни одна мысль не толкнула мыслей, не навела, не обожгла.

„Сергѣю Дмитріевичу казалось, что этими словами она увѣряетъ не его, а самое себя. И онъ, собравшись съ духомъ, все-таки сказалъ:

— Но ты же его не любишь?

— Папочка! — запротестовала Наденька, — ты наконецъ становишься несноснымъ! и... нескромнымъ. Что же тебѣ надо? Чтобы мы разыгрывали сцены нѣжности?"

Не правда-ли дальше въ старыхъ добрыхъ русскихъ романахъ полагалось: —

„Она преувеличенно звонко засмѣялась и лукаво погрозила отцу пальчикомъ".

эта фраза и слѣдуетъ.

Не вѣришь — „былъ или не былъ этотъ вечеръ" — ну, хотя бы рядомъ съ „Цвѣтными Вѣтрами" Вс. Иванова — сегодня, или рядомъ съ „Хожденіемъ по мукамъ" гр. А. Н. Толстого — вчера.

Или пейзажъ:

„Онъ сошелъ на крутой, лѣсистый берегъ и надъ обрывомъ его, въ густыхъ елкахъ, на мягкомъ мху, присѣлъ и задумался. Безсонная ночь и одуряющій ароматъ утра клонили его голову къ землѣ. Онъ легъ на мхи и, поглядѣвъ немного въ чистое голубое небо съ темно-зеленою чеканкой узоровъ изъ хвои, отрадно улыбнулся"...

Именно только при такихъ техническихъ средствахъ, въ которыхъ небо обязательно голубое и чистое, а берегъ — крутъ и лѣсистъ, — изъ разсказа о томъ, какъ жили-были на таежномъ вѣтру Чураевы, крѣпкая семья — на отлетѣ, и какъ развалилъ, удушилъ эту семью городъ, изъ самой Москвы дотянувшій щупальцы къ ея цѣльному быту—могъ получиться романъ. Нуженъ ли этотъ романъ? Бытъ отраженъ — Гребенщиковъ сибирскій писатель, знаетъ бытъ Сибири и ея фольклоръ, постигъ особенную психологію сибиряка — вольную, не отдавленную въ прошломъ крѣпостнымъ правомъ, пріученную къ простору... Но бытъ этотъ скользилъ въ русской литературѣ и раньше, — полновѣсно у Мельникова-Печерскаго, поверхностнѣе — у Мамина-Сибиряка, Сѣрошевскаго... Къ „Скитамъ" Печерскаго Гребенщиковъ ничего не прибавилъ, фабула романа завязана удачно съ чисто-горьковской попыткой выдѣлить сильные характеры — (Викулъ, Василій), но безъ горьковской вѣры въ правоту этихъ характеровъ и безъ горьковскаго паѳоса, — преклоненія передъ очевидной силой. Поэтому типъ Викулы, напримѣръ, кажется срывистымъ, нецѣльнымъ, а его медвѣжьимъ продѣлкамъ въ Москвѣ, передъ которыми пасуетъ, впрочемъ, и самъ авторъ, не довѣряешь.

„Викулъ, раскачиваясь, подошелъ и крѣпко стиснулъ маленькую теплую руку.

— Ой, — съ едва замѣтной гримасой боли и усмѣшки простонала дѣвушка."

Не правда ли, можно разсказать, что случилось дальше, и безъ автора. Платокъ, платокъ на сцену...

„На шумъ и смѣхъ изъ столовой прибѣжала любопытная дѣвица, и, въ конецъ смущенный Викулъ, доставъ изъ кармана поддевки синій платокъ, протеръ глаза и, не зная (о, конечно!!), что съ собою дѣлать, просто подошелъ къ смѣшливой дѣвицѣ и, чтобы одолѣть смущеніе, полнымъ голосомъ промолвилъ:

— Н-ну, ловко ты меня! Въ слезу даже ударило!"

Внѣ своей Сибири Гребенщиковъ просто безпомощенъ. Въ самомъ романѣ описанія московской жизни, Москвы — не ярки, не художественны, зачастую просто невѣрны. Такъ, купеческій бытъ, въ которомъ, по увѣренію автора, лихачъ съ золотыми кудрями—превращается въ джентльмена, въ которомъ все вдругъ стало инымъ: „и золотое пенснэ, неохотно державшееся на толстомъ носу, и незастегнутый сюртукъ поверхъ лиловой бархатной жилетки, и бѣлый отложной воротничекъ, какъ у попутчика-профессора" — совершенно не убѣдителенъ. Таковъ же разсказъ „Свѣтъ въ окошкѣ", гдѣ въ видѣ аргументированнаго отображенія украинскаго быта фигурируютъ длиннѣйшія выписки изъ украинскихъ сказокъ и украин-

скій разговоръ между героями — синтаксически неправильный переводъ съ русскаго.

О двухъ разсказахъ изъ недавняго времени — войны и революціи — „Сивый меринъ“ и „Путь человѣческій“ надлежитъ сказать въ первую очередь то, что темы ихъ, ихъ нервъ, ихъ кровь у автора еще не отлежались, того „холоднаго (какъ кипятокъ) спокойствія“, о которомъ говаривалъ Чеховъ, по близости событій, не отстоявшихся въ памяти, еще нѣтъ, а потому нѣтъ и объективности, первѣйшаго качества художественнаго произведенія, особенно бытового.

Глѣбъ Алексѣевъ.

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Дальній Край. Романъ. Изд-во „Слово“. Берлинъ. 1922.

Въ петербургскихъ альманахахъ „Шиповника“ намъ пришлось читать романъ Зайцева, сейчасъ вышедшій въ берлинскомъ изданіи. За этой книгой русскій читатель, какъ бы снова переживаетъ свою молодость: годы студенчества, революціонные кружки, демонстраціи, періодъ острыхъ неуловимыхъ исканій „смысла жизни“, броженіе юныхъ, еще не растраченныхъ силъ. На фоиѣ наростающей волны студенческихъ и рабочихъ волненій, вначалѣ въ предчувствіи революціи, а затѣмъ въ разгарѣ ея (1905 годъ, всеобщія забастовки, московское вооруженное возстаніе) встаетъ молодая Россія. На нашихъ глазахъ растетъ, формируется, самоопредѣляется русская молодежь, — и въ дни подъема, въ яркіе революціонные дни, и въ дни тяжелаго похмѣлья,

Тонкой художественной кистью Б. К. Зайцевъ зарисовалъ цѣлую галлерею портретовъ представителей русской молодежи, и въ центрѣ ихъ два друга: революціонеръ - террористъ Степанъ, пламенный искатель правды на землѣ, — и его антиподъ Петя, индивидуалистъ, неумѣющій слиться со стихіей общественности и весь своимъ добрымъ сердцемъ и пытливымъ умомъ остающійся въ сферѣ личнаго начала. Передъ нами проходитъ рядъ эпизодическихъ фигуръ, исполненныхъ трепета подлинной жизни: мечтающая о славѣ актрисы учительница Полина: Ольга Александровна, вѣящая очарованіемъ первой любви, голубоглазый, безпечный, кудрявый Алеша; страстная, бурная, берущая жизнь съ бою Анна Львовна. Есть что-то особенное, трогательное въ женскихъ образахъ Зайцева. Въ нихъ чувствуется твердая литературная традиція: это — тургеневскія женщины. И двѣ исторіи, развертывающіяся въ романѣ: — потрясающая драма нелюбимой и гибнущей Клавдіи и исторія любви Лизаветы, въ которой черты неземной, женственной прелести сплетаются съ готовностью къ жертвѣ за дѣло земли, — воскрешаютъ передъ нами тургеневскіе чистые образы русскихъ дѣвушекъ, такихъ разныхъ и такихъ родственныхъ по своей основной душевной линіи: готовыхъ беззавѣтно отдать себя во имя любви.

Картины первой русской революціи, — плѣнительныя описанія Петербурга, Москвы, Крыма, сибирской ссылки, поэзіи русской мятели и русскихъ безбрежныхъ просторовъ, — и бытъ, и природа и весь стиль схваченной художникомъ жизни возсоздаютъ незабываемый обликъ того, что называется „родиной“ — прекрасной, мятежной, печальной Россіи, — отъ которой Зайцевъ уводитъ насъ въ даль, въ страну гармоніи, душевнаго міра и радостей жизни, — въ Италію, во Флоренцію, къ берегамъ Адріатики.

Тотъ самый путь развитія, который совершило художественное творчество Зайцева, оказывается путемъ его любимыхъ центральныхъ героевъ: отъ города и революціи, черезъ самоуглубленіе передъ лицомъ русской природы, тамъ, на чужбинѣ, подъ небомъ Италіи, они обыкновенно находятъ себя, обрѣтая вѣру и душевное спокойствіе.

Также сильно вліяніе толстовскаго міровоззрѣнія и въ романѣ „Дальній Край“, гдѣ оба центральныхъ дѣйствующихъ лица — Степанъ и Петя, каждый по своему, приходятъ къ толстовскимъ выводамъ о правдѣ и смыслѣ жизни. Съ замѣчательной силой и глубиной разсказано Зайцевымъ превращеніе Степана въ христіанина.

Революціонеръ-террористъ, отъ брошенной бомбы котораго погибли невинныя дѣти, упрямый, прямолинейный, до конца отдавшій себя дѣлу революціи человѣкъ послѣ бѣгства изъ дальней ссылки въ Италію „онъ съ ужасомъ увидалъ, что въ сущности онъ на краю гибели. Какъ это такъ вышло, что онъ . . . заблудился, зашелъ въ тупикъ и едва держится? Все происходитъ отъ того, что какія-то силы, темные вѣтры его существа отнесли его въ сторону отъ настоящей дороги. Но гдѣ она? Какъ ее найти“. Такъ мучительно вопрошаетъ Степанъ.

У моря, въ горахъ собирая съ толпой ребятишекъ прибрежные камешки, слушая пѣніе птицъ „сердце его смягчалось“ — пишетъ Зайцевъ. И вотъ наступилъ

часъ преображенія. Въ руки Степана попало Евангеліе. Въ немъ онъ обрѣлъ смыслъ жизни, внутреннее спокойствіе, душевный міръ: „Дойдя до нагорной проповѣди и заповѣдей блаженства онъ почувствовалъ необыкновенное блаженство.“ И въ безсонную лунную ночь подъ рокоты моря, на скалахъ у сосенъ близъ развалинъ монастыря, Степанъ „вдругъ ясно и кротко почувствовалъ, что истина уже вошла въ него, что онъ уже не тотъ, что раньше, а какъ бы новый, обреченный. Эта истина была евангельская простота, любовь, смиреніе и самопожертвованіе.“ И вернувшись изъ эмиграціи въ Россію и попавъ на каторгу за старое дѣло Степанъ выполнилъ завѣтъ Христа просто и безъ словъ отдалъ свою жизнь и принявъ на себя чужую вину былъ казненъ.

Петя — натура другого склада. Въ противовѣсъ общественнику онъ индивидуалистъ. Личная любовь, которую подавилъ въ себѣ Степанъ, для него все, и смыслъ онъ обрѣтаетъ въ атмосферѣ семейной жизни. Апофеозомъ семейной жизни Пети и Лизаветы кончается романъ Зайцева и невольно сопоставляешь послѣднія страницы „Дальняго Края“ съ послѣдними страницами „Войны и Мира“, гдѣ Пьеръ и Наташа закладываютъ основы своего семейнаго прочнаго счастья. Петя и Лизавета живутъ въ деревнѣ, вдали отъ города и его соблазновъ. Лизавета ожидаетъ ребенка. Горе и радости тонутъ въ ощущеніи прочности и предопредѣленности жизни. „Теперь въ его думахъ не было скачковъ отъ восторга къ отчаянію, сомнѣній, трудности и мученій — пишетъ Зайцевъ о Петѣ — многое осталось неяснымъ и главные вопросы по прежнему не рѣшенными. Взамѣнъ — у него явилось опредѣленное жизненное чувство.“ Такая опредѣленность и въ Лизаветѣ: она все больше обращается въ прочнаго человѣка съ яснымъ взглядомъ на жизнь.

„Петя поддерживалъ Лизавету, она крѣпко опиралась на его руку, онъ внимательно слѣдилъ какъ бы Лизавета не оступилась“... заканчиваетъ Зайцевъ свой романъ.

Завершилась молодость. Началась новая, трудная пора взрослой жизни. „Какъ безпредѣльна, сурова и печальна жизнь!“ Наступала новая полоса для Россіи. Г. А.

МАРИЕТТА ШАГИНЯН. Литературный дневник. Изд. „Парфенон“. Санкт-Петербург. 1922. (110 стр.)

Въ этой книгѣ рядъ статей на различныя темы, напечатанныхъ въ повременныхъ изданіяхъ. Книга крайне полезная, особливо теперь. Послѣреволюціонное дитя часто попадаетъ въ нѣжныя руки дореволюціонныхъ нянекъ. Вслѣдъ за бакалейными лавками и титулами воскресли „честные, идейные журналы“ со своими вѣчно-юными критиками. Эти господа пытаются обстричь новаго читателя или вѣрнѣе причесать его этакъ на народническій манеръ, подъ Михайловскаго. Новаго культа Пушкина они не понимаютъ, за то требуютъ изжитого, слава Богу, „надрыва“, прививаютъ допотопные микробы Чехова или Успенскаго и пр.

Какъ разительно отличается отъ нихъ Шагинянъ! Ея книга, дневникъ современника, т. е. человѣка, пережившаго 1914—1922 гг. не только какъ продовольственные и квартирные кризисы. Гете и Шекспиръ провѣрены изъ Петербурга зимы 21 г. Во всемъ провѣрка, переоцѣнка, вѣрнѣе, новое зрѣніе. Поэтому поэтесса, кровно связанная съ символизмомъ, Шагинянъ понимаетъ правду новой реальности, изысканная и, пожалуй, пресыщенная — не завидуетъ мелкомѣстнымъ Сенекамъ и съ величайшимъ вниманіемъ подходитъ къ творчеству т. н. „пролетарскихъ писателей“.

Основа — какъ и у всѣхъ неоколпаченныхъ или заколпаченныхъ людей нашего времени — ощущеніе глубокаго кризиса культуры, омертвѣнія тканей. Съ тѣмъ бо́льшимъ волненіемъ смотрятъ проницательные кораллы на движущихся полиповъ. Оцѣнены и новая проза „Серапіоновыхъ“ и закорузлый стихъ „пролеткультцевъ“ и формальный методъ Шкловскаго. Молодымъ читателямъ Россіи, которыхъ напрасно пытаются иные критики загнать въ старыя закутки, эта книжка поможетъ разобраться въ различныхъ судорожныхъ схваткахъ; написанная въ 1921—22 гг., она не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ книги о коконахъ.

И. Э.

ЕВГ. ЗАМЯТИНЪ. Островитяне. Изд. З. И. Гржебина. Петербургъ-Берлинъ. 1922 (167 стр.)

Есть писатели, которые ко всему подходятъ со смѣхомъ. И вотъ читателю объявляютъ заранѣе — книга или журналъ или опредѣленный разсказъ — юмористическій, будетъ смѣшно. И одинъ читатель смѣется, потому что не можетъ не смѣяться, разъ ему велѣли. Другой же приготовится смѣяться, а потомъ раздумаетъ, быть можетъ, именно потому, что смѣяться ве-

лятъ (есть и такой читатель). И ужъ, во всякомъ случаѣ, если и будетъ онъ смѣяться, то смѣхъ у него выйдетъ раскатистый, грубый.

Не смѣхъ, но улыбка задумчивая и тонкая появляется, когда юморъ не объявленъ, а въ произведеніи серьезномъ и художественномъ, быть можетъ, даже не юморъ, а иронія. Въ повѣсти „Островитяне“ иронія эта родилась не изъ желанія во что бы то ни стало смѣяться, а потому что сторонній наблюдатель невольно заулыбается, примѣтивъ особенности нрава островитянъ. И у читателя особенности эти безъ принужденія вызовутъ такую вотъ улыбку. Порой она переходитъ въ смѣхъ, порой же становится печальной.

Повѣсть, конечно, написана съ точки зрѣнія сторонняго наблюдателя, — однако, несравненно болѣе тонкаго, нежели многіе западно-европейскіе писатели, пытавшіеся описать нравы русскіе, — ибо въ настоящемъ островитянинѣ, вѣроятно, не вызоветъ удивленія или улыбки ни викарій Дьюли съ его „Завѣтомъ принудительнаго спасенія“ и расписаніемъ ежедневныхъ занятій, какъ то: часовъ пріема пищи, пользованія свѣжимъ воздухомъ и т. п., ни женщины-офицеры арміи спасенія, колотящія молоткомъ въ дверь: — Господинъ Христосъ призываетъ васъ въ церковь! — ни предательскій доносъ того же викарія, слѣдствіемъ котораго было убійство изъ ревности и казнь убійцы — событіе, протолкнувшее билль о принудительномъ спасеніи. Въ самой фабулѣ повѣсти проходятъ всѣ оттѣнки ироніи, начиная отъ легкой усмѣшки и до „смѣха сквозь слезы“.

Но вотъ другое — въ разсказѣ „Мамай“ о домахъ петербургскихъ, ночью превращающихся въ шестиэтажные корабли, которые несутся по разбунтовавшемуся каменному океану улицъ, а днемъ пристаютъ къ утренней пристани въ странномъ, незнакомомъ городѣ Петроградѣ, такъ непохожемъ на Петербургъ, бродятъ растерянно пассажиры. И въ „пещерѣ“ — „ледники, мамонты, пустыни. Ночныя, черныя, чѣмъ то похожія на дома, скалы; и въ скалахъ пещеры“. Это тоже петербургскіе дома. И настоящій чай въ нихъ пьютъ въ исключительныхъ случаяхъ, по большимъ только праздникамъ, и Мартинъ Мартинычъ для больной жены дрова воруетъ, а потомъ женѣ по ея просьбѣ ядъ даетъ. И въ каждомъ, кто былъ пассажиромъ такого корабля и такимъ пещернымъ жителемъ разсказъ этотъ вызоветъ невеселую, горькую улыбку, такую улыбку, какъ бываетъ у нѣкоторыхъ, когда имъ говорятъ о чьей-нибудь смерти.

Такъ отъ легкаго, холодноватаго, какъ хрустальный блескъ стеколъ пенснэ миссисъ Дьюли, юмора, черезъ горькую иронію подходимъ мы къ настоящей трагедіи, трагедіи собаки съ человѣчьими глазами, по которымъ плеткой двухвосткой хлещетъ хозяинъ.

Разсказъ „Сѣверъ“ какъ то отдѣленъ отъ всего остальнаго. Въ немъ не наблюденіе, и не смѣхъ, и не слезы, въ немъ настоящее чувство сѣвера. Слова отчетливы и изъ нихъ слагаются отчетливые образы, прозрачно-стеклянные, какъ сѣверъ.

Наталія Потапенко.

„МОСКОВСКІЙ АЛЬМАНАХЪ“. Изд-во „Огоньки“. Берлинъ. 1922 (215 стр.).

Три писателя — о Россіи сегодняшняго дня: В. Лидинъ, знавшій радости спокойной работы предреволюціоннаго „вчера“, пришедшій въ революцію уже во всеоружіи писательской техники, Пильнякъ — извѣстный съ послѣоктябрьскихъ дней, революціей вскормленный и ею повитой, и третій, чье имя звучитъ впервые, но такъ обѣщающе. Я говорю о разсказѣ „Идутъ“ и объ авторѣ его Яковлевѣ.

„Апрѣль“ — Вл. Лидина о революціонной Москвѣ, но не о табельныхъ дняхъ ея, не о герояхъ, чьи имена равнодушная къ добру и злу исторія занесетъ въ безконечный свой свитокъ. О будняхъ разсказываетъ Лидинъ, о маленькихъ людяхъ большихъ временъ, разныхъ въ смыслѣ соціальнаго положенія, но одинаковыхъ въ неуемной тоскѣ по „человѣческой близости“, „вѣрно познавшихъ уже единые и малые земные сроки“. И въ единой усталости и жаждѣ любовнаго тепла одинаково равны: и недобитая „буржуйка“, врачъ Клара Львовна, одна изъ тѣхъ, чье имя — легіонъ, мерзнущая по очередямъ, растапливающая печурку толстыми томами „Русской Мысли“, бѣгающая по книжнымъ лавкамъ съ „Вселенной и человѣчествомъ“, въ надеждѣ ее продать и на пять минутъ почувствовать себя человѣкомъ, и товарищъ Урваева, партійная работница, прочитавшая много умныхъ книгъ, и Маркса, и Лассаля, и Каутскаго, побывавшая въ подпольѣ и въ тюрьмѣ, но на тридцатиседьмомъ году жизненнаго пути, приведшемъ ее отъ парижской глясерки и бульвара Сенъ-Жермэнъ въ коммуно-чиновничій кабинетъ, познающая въ первый разъ любовное участіе въ кабинетѣ зубоврачебномъ, „классоваго врача“, отъ случайной спутницы

случайной встрѣчи. И даже герой сегодняшняго дня, матросъ Женишокъ, чье сердце, казалось бы, космато и не открыто для любви — у послѣдней черты познаетъ любовную жалость и къ кому же, — забитому еврейчику, вчера еще только презираемому „жиду", ибо гдѣ страданіе и боль — равенство единаго креста и нѣтъ ни эллина ни іудея для тѣхъ, кто остановился на мигъ и, перейдя черту, заглянулъ въ зіяющую бездну. И, можетъ быть, оттого нѣтъ въ разсказѣ Вл. Лидина ни ненависти къ сегодня, ни запоздавшей жалости къ вчера. Мудрое пріятіе жизни, такой, какая она есть, безъ благословенія и проклятія — только покорная скорбь и усталое желаніе человѣческой любви, единственнаго чуда.

Если у Лидина покорная мудрость скорби, то у Пильняка, этого воистину писателя уѣзднаго — лукавая усмѣшка съ хитрецой. Онъ хитрый, онъ знаетъ, что незыблемы человѣческіе законы, едины великія силы плоти и подъ современной машиною дремлетъ тотъ же неуемный стихійный Панъ. Оттого для Пильняка не существуетъ времени. Третій Интернаціоналъ не застращаетъ; живъ для него сѣдой Кремль, и каменныя бабы не археологія, не миѳъ. Ибо и при „бабахъ" и въ лѣто отъ Рождества Христова двадцать первое одинаково каждую весну „цвѣтутъ яблони въ старыхъ садахъ и будутъ цвѣсти, пока есть земля". И въ новой пѣснѣ, частушкѣ, распѣваемой рязанскими дѣвками —

Я у тяти пятая,
У мила девятая,
Ничего насъ такъ не губитъ,
Какъ любовь проклятая —

все тотъ же зовъ неистовой плоти, бѣснующейся въ стародавнюю, и сегодняшнюю, и давно бывшую іюльскую ночь. И если у другого писателя превращеніе сельской коммуны въ секту едва ли не хлыстовскую, мы сочли бы за гротескъ, Пильняку вѣримъ, ибо вѣками трубитъ ему Трубежъ, а что передъ вѣками — революція, наклейка, которую поставилъ на рѣкѣ Рязанскій Комздравъ:

„Въ рѣкѣ Трубежѣ купаться строго воспрещается, такъ какъ рѣка Трубежъ заражена сифилисомъ".

И третій разсказъ — о голодѣ.

Тема — жестокая. И авторъ какъ бы намѣренно не бѣжитъ ея. Страненъ образъ матери, въ порывѣ отчаянія убивающей своего ребенка, или интеллигента, умирающаго отъ истощенія на пути. И все-же, основное не въ описаніи потрясающихъ сценъ голода; цѣнность разсказа въ духовномъ прозрѣніи автора, въ свѣтломъ религіозномъ настроеніи, которымъ проникнутъ этотъ разсказъ. Голодъ, какъ послухъ духу. Слова вѣры и любви, какъ давно они не были произнесены. И отрадно сознавать, что впервые за столько темныхъ и жестокихъ лѣтъ, они сказаны молодымъ писателемъ А. Яковлевымъ.

Федоръ Ивановъ.

Н. МИНСКІЙ. „Кого ищешь?" Мистерія. Изд. „Мысль". Берлинъ. 1922.

Столкновеніе двухъ основъ, плоти и духа и борьба ихъ — сущность мистеріи Минскаго. „Что надо считать реальнымъ — вымышленную ли мысль или осязаемость плоти и ея радость?"

Въ провинціальномъ городкѣ живетъ ученый Борисъ, весь погрузившійся въ себя, въ свои изысканія; у Бориса жена Анна. Онъ любитъ Анну, но любитъ по своему, находя въ ней только свою безплотную мысль. Въ тотъ же городъ пріѣзжаетъ, послѣ долгой разлуки, старый другъ Бориса и давній соперникъ его — Андрей, полная ему противоположность. Его идеалъ „устроить кружки для гимнастики, для фехтованія" ... Онъ легко поднимаетъ шкафъ съ книгами и просто чувствуетъ и воспринимаетъ всю радость бытія. И вотъ, — между ними становится женщина. Въ силу своей физической неудовлетворенности Анна тянется къ Андрею. Чувствуя къ Борису лишь тяготѣніе духа, она томится подлѣ него; для Андрея понятно только одно: „я нормальный, здоровый, жизнерадостный хозяинъ жизни долженъ изнемогать, для чего? Для того, чтобы любимая женщина томилась тамъ вдали рядомъ съ хилымъ мыслетворомъ" ...

Съ пріѣздомъ Андрея и Борисъ видитъ всю пропасть, возникшую между нимъ и Анной; и онъ рѣшается отойти: принимаетъ тихо и неслышно ядъ. Это голая схема. Но основная идея лежитъ глубже. Борисъ только что окончилъ большой трудъ „Кого ищешь?" Трудъ этотъ и составляетъ его бытіе. Смерть Бориса физическая — начало его жизни вѣчной, торжество духа и въ этой смерти земной, протекающей такъ не замѣтно, и есть тайна мистеріи.

Для однихъ — „неужели вы вѣрите, что Борисъ когда нибудь существовалъ?" Для другихъ очевидно, „если хотите найти его, ищите здѣсь въ этихъ листахъ." И если съ перваго взгляда кажется, что плоть Андрея одержала полную побѣду, то идея мистеріи, глубокое ея внутреннее содержаніе, вся эта неуловимая игра полуто-

новъ и намековъ говорятъ о другомъ — о вѣчной, сіяющей въ вѣкахъ побѣдѣ духа, о торжествѣ мысли, временно находящей себѣ пріютъ въ человѣческой плоти.

Мистерія написана въ обычныхъ для поэта тонахъ, выдержана въ стройныхъ діалогахъ и представляетъ интересный матеріалъ для сценическаго воплощенія. О.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Стихи о Россіи. Изд. „Эпоха". Берлинъ. 1922 (50 стр.). Обл. раб. худ. Г. Гликмана.

Маленькая, прекрасно изданная книжка. Тема собранныхъ Бѣлымъ стиховъ — Россія. Трудная тема. Говоря о „Россіи-Родинѣ" легко соскользнуть съ плоскости подлиннаго въ пусть утонченную, но все же — „Russland Russland über alles". Этотъ аккордъ явно антимузыкаленъ, но имъ грѣшны многіе. Съ Бѣлымъ этого не случилось. Его Россія внѣ „государственныхъ границъ". Это — мутное небо, грязь, хлипь, осенній вѣтеръ, и надъ всѣмъ, въ вѣтрѣ летящая, — смерть.

„Поѣздъ плачется: въ дали родныя
Телеграфная тянется сѣть.
Пролетаютъ поля росяныя;
Пролетаю въ поля: умереть.

Пролетаю: такъ пусто, такъ голо!...
Пролетаютъ — вонъ тамъ; и вотъ здѣсь —
Пролетаютъ: за селами — села...
Пролетаютъ: за весями — весь.

. . . .

И въ раздольѣ, на волѣ — неволя...
И суровый, свинцовый нашъ край
Намъ бросаетъ съ холоднаго поля,
Посылаетъ намъ крикъ: „Умирай"

Въ поляхъ вѣтряной Россіи А. Бѣлый — „просторовъ рыдающій сторожъ". Его любовь: — къ Россіи „Серебрянаго Голубя", гдѣ „холубинину лику сподобится всякій, ежели броситъ имущество, малую броситъ землицу, броситъ бабу свою и пойдетъ бродить по Рассеюшкѣ".

Не случайно же пѣсни Бѣлаго о Россіи звучатъ надгробнымъ рыданіемъ.

„Исчезни въ пространство, исчезни,
Россія, Россія моя".

Это — ощущеніе уклона русскаго духа. Его можно любить, какъ свои болѣзни любятся крѣпче чужого здоровья.

Только на мигъ — въ тысяча девятьсотъ семнадцатомъ августѣ — Бѣловское надгробное рыданіе срывается звуками геніальной музыки, изступленной вѣры.

„Пылай, огневая стихія,
Въ столбахъ громового огня...
. . . .
Россія, Россія, Россія —
Мессія грядущаго дня".

А потомъ?.. Пророчества смолкли. На устахъ Бѣлаго — неувѣренная улыбка.

„Россія — Ты?.. Смѣюсь и — умираю..."

Ром. Гуль.

С. ГОРНЫЙ. Пугачевъ или Петръ? Душа Народа. Психологическіе этюды. Изд. Отто Кирхнеръ. Берлинъ. 1922 (96 стр.).

Въ книгѣ — 11 фельетоновъ на тему объ интеллигенціи и народѣ. Тема старая, писали на нее давно, очень много и очень хорошо („Вѣхи", все вокругъ нихъ, статьи А. Блока и т. д.). Кажется писать объ этомъ не такъ ужъ своевременно. Правда, тогда, къ этой большой темѣ подходили соціологически, философски, религіозно, С. Горный же подошелъ къ ней „лирически", новаго въ смыслѣ содержанія онъ не даетъ ничего; — перепѣвы о мягкотѣлости, непониманіи, о грядущемъ днѣ, словомъ, именно все — интеллигентское.

Это заставляетъ перейти отъ — „что" къ „какъ". Въ стилѣ автора — обиліе эпитетовъ. Но напрасно онъ думаетъ, что это придаетъ бо́льшую образность его прозѣ. Это только умаляетъ. Любовь къ „образному" слову изрѣдка отнимаетъ у словъ смыслъ: „брызги момента", „самоцвѣтныя пригоршни", мн. др.

Иногда отъ уснащеннаго эпитетами и выдержками абзаца эффектъ получается обратный.

Такую, неизбывную драму изживаетъ сейчасъ страна — наша мать, наша родина. Одурманенный, усталый, темный ея же сынъ насилуетъ ее. „Нѣтъ повѣсти горшей на свѣтѣ" (стр. 14).

Совершенно невольно читатель въ памяти доканчиваетъ: — „чѣмъ повѣсть о Ромео и Джульетѣ". Получается не трагично.

Иногда, въ деталяхъ, есть неточности:

„Когда мечтатели Волынскіе и Трубецкіе выводили гарнизонъ на площадь, часть солдатъ вмѣсто „конституціи" кричали „да здравствуетъ Констанція!" (стр. 63).

Какъ свидѣтельствуютъ мемуаристы и историки, солдаты кричали именно „конституція", полагая ее „женой" Константина. Въ этомъ соль, непонятая, или забытая авторомъ. Если ссылаться на историческіе факты, надо ссылаться правильно.

Хуже, когда опять-таки отъ любви къ „красивой" фразѣ:

„Защелкали выстрѣлы и дробно, пачками, отдались разстрѣлами" (стр. 64).

Портитъ „стиль" сочетаніе медицинскихъ терминовъ съ „лиричностью".

„Позвоночникъ въ эмбріонѣ" и „экстатическое изощреніе"; „протоплазма, мерцающая усиками" и „ритмика усталой души"; „эскизная жизнь" и „молекулы творчества"; „стылые зубы" и „кробяные шарики"; „мистическій флюидъ" и „каріозъ съ гангреной".

Кирхнеръ издалъ книгу просто, но не плохо. Р. Г.

И. КОНОПЛИНЪ. Печальный Богъ. Изд. Отто Кирхнера. Берлинъ. 1922 (258 стр.).

„И жить торопится, и чувствовать спѣшитъ"... — Вотъ ужъ этого никакъ нельзя сказать про И. Коноплина! Изъ двѣнадцати разсказовъ, широко растекшихся на 257 страницъ, только послѣдній посвященъ недавней современности — революціи. Остальные — о романахъ-ли въ Кисловодскѣ, о бабѣ-ли, избитой свирѣпымъ мужемъ, гдѣ я ихъ всѣ читалъ? Съ этой, „классической" манерой — герой (или героиня) случайно заѣзжаютъ куда-либо и печальный встрѣчный за чашкой чая или рюмкой водки начинаетъ разсказъ:

„Письмо, это я храню до сихъ поръ," — снова заговорила тетя.

„Боже мой," — едва слышно проговорила Ксенія, вздрогнувъ, какъ будто ея спину облили холодной водой..."

И далѣе обычно слѣдуетъ „печальной жизни повѣсть". Нужды нѣтъ, что она банальна свыше силъ — на слушателя она дѣйствуетъ такъ, что

„отъ толчка кровь на секунду остановилась въ жилахъ, потомъ сердце учащенной дробью забилось и застучало въ вискахъ.(?)"

До того у И. Коноплина сердце стучитъ въ вискахъ, что и Чатыръ-Дагъ оказывается на Кавказѣ.

Конечно, я читалъ всѣ эти разсказы въ томительныя іюльскія жары въ деревнѣ, вытаскивая ихъ изъ объемистаго книжнаго шкафа, — бурно расточались они по безчисленнымъ приложеніямъ къ „Нивѣ" и къ „Родинѣ" за 900 года.

И. Коноплинъ! Къ чему эта тонкая стилизація? Правда, надъ всѣми разсказами имѣются даты: 14 г.... 15 г.... 16 г.... Но, думается, менѣе всего интересно, какого рода рукодѣліемъ занимался въ эти времена И. Коноплинъ. Хотя тотъ, кто имѣетъ много свободныхъ часовъ, можетъ быть и просмакуетъ весь этотъ увѣсистый томъ, полюбовавшись на „выдержанную" обложку. Ю. О.

Б. СОКОЛОВЪ. Палачъ. Изд. „Сила". Брюссель. 1922 (124 стр.).

Три разсказа Б. Соколова — изъ послѣдняго быта гражданской войны и большевистскихъ дней. Главнымъ образомъ, производятъ они впечатлѣніе благодаря остротѣ своего содержанія, которое въ иное время показалось бы изощренной выдумкой. Увы — всѣ мы знаемъ теперь по опыту эту больную, жестокую правду. Достоинство книжки — строгая объективность, человѣчность: у Б. Соколова нѣтъ узкаго дѣленія на — красныхъ, — бѣлыхъ есть одни страдающіе люди.

Немного фальшивъ первый разсказъ „Палачъ", развязка котораго ясна съ первыхъ страницъ; но два остальные — волнуютъ своей недавней былью. Къ недостаткамъ автора относятся витіеватость стиля, попытка дать ритмическую прозу, что ли, и иногда перегруженность отвлеченными „партійными" разсужденіями.

Не будь этого — простой, безхитростный разсказъ — повѣсть о дняхъ нашихъ — волновалъ бы глубже. О.

М. А. БЕКЕТОВА. Александръ Блокъ. Біографическій очеркъ. Изд. „Алконостъ". Петербургъ—Берлинъ. 1922 (306 стр.).

Въ связи съ огромнымъ значеніемъ, какое имѣетъ творчество Блока въ современной русской поэзіи, — его личная жизнь сдѣлается, конечно, предметомъ всесторонняго изученія. Поэтому надо радоваться, что собираніе матеріаловъ для его будущей біографіи началось такъ скоро послѣ его кончины, — по свѣжему, такъ сказать, слѣду. Кое-что цѣнное уже появилось: таковы личныя воспоминанія писателей, напечатанныя въ № 6 „Записокъ Мечтателей"; книга П. П. Перцова о молодомъ Блокѣ; цѣнностью документа обладаетъ библіографія Блока и особенно — хронологическій списокъ его стиховъ, составленный Е. Ф. Книповичемъ и приложенный къ книгѣ К. Чуковскаго. Чрезвычайно важны воспоминанія А. Бѣлаго.

Въ ряду подобныхъ работъ книга М. А. Бекетовой, тетки покойнаго А. А., займетъ, несомнѣнно, первенствующее мѣсто. Здѣсь развернута вся исторія блоковской жизни, со дня рожденія до дня смерти. Даны даже обстоятельныя свѣдѣнія о происхожденіи поэта, его семьѣ, дѣтствѣ. Будущій историкъ неизбѣжно станетъ обращаться къ этой книгѣ, какъ къ собранію документовъ и показаній первостепенной важности. Справедливость, однако, требуетъ признать, что трудъ М. А. Бекетовой останется въ литературѣ именно какъ собраніе матеріаловъ, а не какъ законченная біографія. Тому — двѣ причины: —

Первая лежитъ, такъ сказать, въ области методологической и заключается въ томъ

что жизнь Блока представлена М. А. Бекетовой почти исключительно въ семейно-бытовомъ разрѣзѣ. Блокъ-писатель лишь изрѣдка въ ней появляется, чтобы вновь уступить мѣсто Блоку-сыну, или мужу, или, наконецъ, гражданину. Литературная біографія Блока протекала, видимо, не въ такой близости отъ М. А. Бекетовой — и это весьма отразилось на ея работѣ. Здѣсь очень поверхностно, слабымъ пунктиромъ намѣчены тѣ идейно-жизненныя отношенія Блока, которыми будущій изслѣдователь его жизни и творчества долженъ будетъ заняться въ первую очередь. Для такихъ темъ, какъ, напримѣръ, Блокъ и Брюсовъ, Блокъ и Мережковскій, Блокъ и Скифы въ этомъ очеркѣ почти не найдется данныхъ. Ближе другихъ знакомъ М. А. Бекетовой Андрей Бѣлый, но и отношенія съ нимъ намѣчены очень не глубоко и не проникновенно. Говоримъ это никоимъ образомъ не въ упрекъ М. А. Бекетовой, но лишь для того, чтобы намѣтить то мѣсто, которое предстоитъ занять ея книгѣ въ общемъ ряду литературы о Блокѣ. Хочется подчеркнуть еще разъ, что трудъ ея весьма цѣненъ — но лишь въ предѣлахъ того семейно-бытового подхода, который почти неизбѣжно предрѣшается ея положеніемъ: съ одной стороны — близкой родственницы, съ другой — положеніемъ лица, не участвующаго активно въ литературной жизни.

Вторая причина, заставляющая смотрѣть на книгу преимущественно какъ на собраніе матеріаловъ, заключается въ томъ освѣщеніи, которое придано жизни и личности Блока. Опять-таки это очень понятно психологически; къ личнымъ чувствамъ М. А. Бекетовой должно отнестись чрезвычайно почтительно, — а все-таки приходится признать, что ея очеркъ типиченъ для такъ называемыхъ „семейныхъ воспоминаній", въ которыхъ писатель обычно изображается нѣсколько иконописно: одно слегка затушевано, другое и вовсе спрятано, все очень добродѣтельно, очень почтенно и такъ удивительно благопристойно, что хочется спросить: какъ могъ этотъ средній, приглаженный, благонамѣренный господинъ, окруженный такимъ многоуважаемымъ бытомъ, оказаться такимъ неблагополучнымъ, порой надрывнымъ поэтомъ? Какъ могъ этотъ безупречный сынъ, идеальный мужъ и заботливый племянникъ, пребывавшій въ такомъ неизмѣнномъ и вожделѣнномъ покоѣ, волнующійся лишь постольку, поскольку сіе подобаетъ члену коллегіи „Всемірной Литературы", покидающій родной кровъ единственно по необходимости или съ благою цѣлью побесѣдовать за дружескою бутылкою вина съ Георгіемъ Чулковымъ, — какъ могъ этотъ человѣкъ притвориться тѣмъ Александромъ Блокомъ, котораго всѣ мы знаемъ и который такъ дорогъ намъ именно потому, что не былъ онъ „только литераторъ модный", глядящій со всѣхъ страницъ этой книги?

И вотъ, съ глубочайшею благодарностью М. А. Бекетовой, ставимъ мы ея книжку на полку „матеріаловъ" и ждемъ той поры, когда жизнь и личность Блока смогутъ быть изучены полно и всесторонне, безъ недомолвокъ и затушевываній, къ которымъ (необходимо подчеркнуть и это) М. А. Бекетова отчасти вынуждена была и тѣмъ, что о многихъ событіяхъ, лицахъ и обстоятельствахъ, вліявшихъ на судьбу Блока, нельзя еще говорить во весь голосъ. Поэтому пока приходится благодарить автора очерка и семью Блока за сообщенные матеріалы и надѣяться, что они въ полной цѣлости сохранятъ письма и другія бумаги поэта для работъ будущаго историка. Эти драгоцѣнные документы принадлежатъ всей Россіи.

Владиславъ Ходасевичъ.

КНИЖНЫЕ ЗНАКИ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ. Изд. „Петрополис". Петроград. 1922 (239 стр.).

Невелика литература о русскихъ книжныхъ знакахъ. Большей частью она разбросана по библіографическимъ журналамъ и изданіямъ, извѣстенъ только одинъ крупный трудъ У. Г. Иваска. Нужно привѣтствовать всякую новую работу въ этой области.

Недавно вышедшая въ Петербургѣ книга „Книжные знаки русскихъ художниковъ", составленная Митрохинымъ, Нерадовскимъ и Соколовскимъ особенно интересна попыткой систематизировать литературу о книжномъ знакѣ и собрать матеріалы для словаря русскихъ художниковъ, дѣлавшихъ знаки. Составители книги стояли передъ трудной задачей — вѣдь только въ три послѣднія десятилѣтія привился и широко распространился у насъ книжный знакъ — „ex libris". Страсть коллекціонерская и интересъ къ нему проявленный группой художниковъ изъ „Міра Искусства" вспахали почву для насажденія среди владѣльцевъ библіотекъ добраго обычая украшать книгу знакомъ собственника. Матеріалъ, собранный авторами, по новизнѣ дѣла довольно великъ: въ книгѣ перечислены 614 знаковъ и даны свѣдѣнія о 226 художникахъ, дѣлавшихъ „ex lib-

ris". Къ книгѣ приложенъ указатель владѣльцевъ знаковъ, а также и художниковъ, имя которыхъ встрѣчается въ книгѣ.

Составители, совершенно отбросивъ въ сторону систематизацію знаковъ на „мужскіе и дамскіе", частные и общественные и прочія малообоснованныя раздѣленія, подошли къ своей работѣ съ очень выгодной стороны — со стороны внѣшности книжнаго знака. Даже въ выборѣ знаковъ иллюстрирующихъ книгу сказалось желаніе воспроизвести знаки наиболѣе красиво исполненные. Среди воспроизведенныхъ въ книгѣ знаковъ настоящій, правовѣрный коллекціонеръ найдетъ нѣсколько, не отвѣчающихъ принятому заграницей канону книжнаго знака: характеризировать личность владѣльца. Таковы напримѣръ знакъ Нотгафта, работы Билибина и собственный знакъ Чехонина. Но эти знаки красивы. Соглашаться со вкусомъ составителей — дѣло читателя. На мой взглядъ слѣдовало бы разгрузить слегка иллюстраціонный матеріалъ отъ части работъ Митрохина и Калмакова. Нѣсколько „ex libris" старыхъ мастеровъ и Павлова, прекраснаго гравера и одного изъ продуктивнѣйшихъ работниковъ въ этой области, — дали бы иллюстраціонному матеріалу большую наглядность и расширили бы его діапазонъ.

Словарь художниковъ нуждается въ пополненіи. Къ недочетамъ его указаннымъ въ рецензіи Вл. Б-тъ въ номерѣ 2 „Литературныхъ записокъ" за 1922 г., издаваемыхъ домомъ литераторовъ въ Пет-дѣ нужно прибавить отсутствіе указанія на новѣйшія работы харьковской „семерки" и „артели художниковъ". Книжный знакъ Чернышева приписанный Залѣсскому исполненъ на самомъ дѣлѣ Н. В. Зарѣцкимъ. Не указаны, воспроизведенные въ брошюрѣ Иваска, знаки Клочкова съ Аѳиной Палладой и другой—бояринъ съ ларцомъ въ книгохранилищѣ, исполненные Соломко. Особенно досадно полное отсутствіе указаній на старые ex libris исполненные въ 18 и 19 столѣтіяхъ, а среди нихъ много прекрасно выполненныхъ. Нѣтъ библіографическаго указателя. Нужно думать, что всѣ подобные недочеты объясняются общей болѣзнью нашей современности, разобщенностью центровъ съ окраинами, разорванностью связей и новизной работы.

Внѣшность книги великолѣпна; хороши красочныя заставки и виньетки Митрохина, нѣкоторые знаки воспроизведены въ краскахъ. Изъ помѣщенныхъ въ книгѣ особенно выдѣляются работы Бенуа (знакъ Дрампова), Бѣлкина (знакъ профессора Ященко), Добужинскаго (знакъ В. Добужинскаго), Кустодіева (знакъ К. Кустодіева), Масютина, Нарбута, цвѣтные знаки Остроумовой-Лебедевой, собственные знаки Чехонина и Шарлемана.

Бумага и печать превосходны. Немного раздражаетъ сильная вдавленность клише и небрежно исполненный рисунокъ Митрохина, помѣщенный на оборотѣ титульнаго листа. Какой нибудь изъ крупныхъ знаковъ, хотя бы знакъ Миронова, работы Сомова, грандіозный по мысли и исполненію, былъ тутъ бы куда умѣстнѣй.

Книга хороша. Для коллекціонеровъ и любителей красиваго книжнаго знака — кладъ. Н. П.

Ю. МАРТОВЪ. Записки соціалъ-демократа. Кн. I. Наканунѣ. Изд. Гржебина. Берлинъ. 1922 (412 стр.).

В. ЧЕРНОВЪ. Записки соціалиста-революціонера. Кн. I. Изд. Гржебина. Берлинъ. 1922 (389 стр.).

Если основные моменты исторіи революціоннаго движенія 70—80 г. г. были, поскольку рѣчь идетъ о мемуарной литературѣ, болѣе или менѣе удовлетворительно освѣщены еще въ дореволюціоные годы, главнымъ образомъ, въ 1906—08 г. г., то къ разработкѣ исторіи слѣдующаго періода движенія — 90 г. г. — приступлено только за послѣдніе годы. Именно этому періоду, чрезвычайно важному съ исторической точки зрѣнія, — ибо въ теченіе его складывались тѣ основныя группировки, которыя затѣмъ отлились въ политическія партіи слѣдующаго десятилѣтія, — посвящено большинство воспоминаній, вышедшихъ за послѣдніе годы въ Россіи — Лепешинскаго, Зеликсонъ-Бобровской, Рябинина, сборники „На зарѣ рабочаго движенія въ Москвѣ", „Отъ Благоева къ Союзу Борьбы", рядъ статей въ журналахъ, — историческихъ и общихъ и т. д. Но все это были воспоминанія рядовыхъ, — второстепенныхъ, а порою третьестепенныхъ участниковъ движенія, дававшихъ иногда цѣнныя детали, рисовавшихъ интересные уголки картины, но все же только детали и уголки картины, а не самую картину, даже не ея основные, опредѣляющіе контуры. По самому своему положенію въ движеніи, по роли, которую они въ немъ играли, эти авторы и не могли дать много, не могли со сколько нибудь достаточною полнотою знакомить насъ съ основными моментами развитія движенія за тѣ годы, такъ какъ и сами не рѣдко въ нихъ плохо разбирались.

Только что вышедшіе тома воспоминаній Ю. О. Мартова и В. М. Чернова, посвященные какъ разъ періоду 90-хъ г. г., знакомятъ насъ именно съ такими основными моментами, на цѣлые годы опредѣлившими характеръ движенія.

Наиболѣе цѣнна въ этомъ отношеніи книга Ю. О. Мартова. Имя этого автора тѣсно связано съ соц.-дем. работой въ двухъ пунктахъ, едва ли не самыхъ интересныхъ для историка с.-д. движенія первой половины 90-хъ годовъ — въ Вильнѣ и въ Петербургѣ. Въ первой авторъ вмѣстѣ съ А. Кремеромъ, супругами Айзенштадтъ, Гожанскимъ и др. принималъ въ 1893—95 г. г. дѣятельное участіе въ работахъ той группы, изъ которой впослѣдствіи выросъ „Бундъ"; во второмъ, не говоря уже о работѣ въ марксистскихъ интеллигентскихъ кружкахъ начала 90-хъ г. г., авторъ, вмѣстѣ съ Ленинымъ, Кржижановскимъ, Ванѣевымъ и др. входилъ въ составъ руководящаго ядра такъ назыв. „перваго" „Союза Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса". Основной моментъ, характеризующій этотъ періодъ движенія, — переходъ отъ узко-кружковой пропаганды къ массовой агитаціи на почвѣ экономическихъ требованій, — авторомъ освѣщенъ болѣе подробно, чѣмъ гдѣ бы то ни было до сихъ поръ. Имъ подробно разсказана исторія составленія знаменитой брошюры „объ агитаціи" (написанная А. Кремеромъ, она была редактирована авторомъ воспоминаній), споровъ вокругъ нея въ руководящихъ кругахъ организаціи, борьбы съ противниками „новаго метода", первыхъ опытовъ приложенія послѣдняго въ Вильнѣ и Петербургѣ. Не менѣе подробно освѣщенъ другой, въ высшей степени важный для историка, моментъ — зарожденія специфически „бундовской" идеологіи, первымъ этапомъ выявленія которой было выступленіе автора на виленской маевкѣ въ 1895 г. съ рѣчью, изданной впослѣдствіи (въ 1900 г.) подъ вполнѣ отвѣчающимъ ея значенію заглавіемъ: „Поворотный пунктъ въ исторіи еврейскаго рабочаго движенія". Если мы прибавимъ, что наряду съ освѣщеніемъ этихъ основныхъ, съ точки зрѣнія развитія и д е о л о г і и движенія, моментовъ авторъ даетъ богатѣйшій матеріалъ для ознакомленія съ его п р а к т и к о й, съ внутреннимъ бытомъ и съ строеніемъ организацій, характеромъ и методами ихъ работы, съ личнымъ составомъ ихъ участниковъ, причемъ необыкновенная память автора позволяетъ ему приводить десятки фамилій работниковъ движенія, порою съ мѣткими характеристиками, съ біографическими справками, съ прослѣживаніемъ ихъ жизненнаго пути иногда до настоящаго времени, — то намъ будетъ понятна вся цѣнность книги.

Значительно слабѣе освѣщена авторомъ исторія первыхъ выступленій „легальныхъ марксистовъ", извѣстныхъ споровъ вокругъ книги Струве, послѣдующаго союза „легальныхъ марксистовъ" съ „стариками", дѣятелями петербургской нелегальной организаціи, на почвѣ изданія „Матеріаловъ". Вся эта полоса авторомъ, отбывавшимъ тогда въ Вильнѣ годы надзора полиціи, описана на основаніи отчасти отрывочныхъ воспоминаній о своихъ рѣдкихъ наѣздахъ въ Петербургъ, отчасти по разсказамъ непосредственныхъ участниковъ, а потому далеко не такъ полна и цѣнна, какъ другія части.

Кромѣ главъ, посвященныхъ воспоминаніямъ о революціонной работѣ, въ томъ вошли главы съ воспоминаніями о годахъ дѣтства и ученія, съ одной стороны, и тюрьмы и ссылки въ далекомъ Туруханскѣ, — съ другой. Представляющія цѣнность, какъ матеріалъ для будущихъ изслѣдователей на тему „революціонеръ какъ психологическій типъ", эти главы интересны и обиліемъ бытового матеріала, почти художественно переработаннаго авторомъ. Нѣсколько суховато-точный въ другихъ главахъ, здѣсь онъ развертывается, какъ писатель съ большимъ талантомъ художника-бытовика и мастера-стилиста; отдѣльныя мѣста (напр., дѣтскія воспоминанія объ еврейскихъ погромахъ, картины жизни заштатнаго городка Туруханска и др.), на нашъ взглядъ, принадлежатъ къ числу наиболѣе яркихъ въ нашей мемуарной литературѣ.

Нѣсколько иной типъ представляютъ собой воспоминанія В. М. Чернова. Авторъ — одинъ изъ создателей будущей партіи с.-р., ея главный и признанный теоретикъ періода формулировки партійной программы (это его имѣлъ въ виду недавно умершій И. А. Рубановичъ, когда на первомъ съѣздѣ партіи с.-р. въ 1906 г. предложилъ чествовать „молодого гиганта, на своихъ плечахъ вынесшаго весь трудъ по разработкѣ партійной программы" [1]), — руководящую роль въ революціонномъ движеніи начинаетъ играть нѣсколько позднѣе, съ начала 900-хъ г. г. Періодъ 90-хъ г. г. для него въ значительно большей степени, чѣмъ для Мартова, былъ годами „кануна". Революціонеръ въ теченіе всего десятилѣтія, вначалѣ онъ не связываетъ себя ни съ какимъ крупнымъ революціоннымъ пред-

[1]) Цитирую по памяти.

пріятіемъ. Работа въ московскомъ студенческомъ „Союзномъ Совѣтѣ" начала 90-хъ г. г., битвы съ марксистами въ кружкахъ и на студенческихъ сходкахъ, причастность къ организаціи „Группы народовольцевъ" и „Партіи народнаго права" — вотъ и весь „послужной революціонный списокъ" автора за первую половину десятилѣтія. Въ то время какъ его сверстникъ, Мартовъ, сразу нашелъ для себя мѣсто въ революціонныхъ организаціяхъ, В. М. Черновъ это мѣсто еще искалъ, уйдя отъ идеологіи „народовольчества" и не придя къ идеологіи марксизма. Свое мѣсто онъ находитъ позднѣе, въ годы отбыванія надзора въ Тамбовѣ. Главы, посвященныя жизни въ послѣднемъ, особенно описанію работы среди крестьянства, являются наиболѣе цѣнными въ отношеніи историческомъ и наиболѣе яркими съ точки зрѣнія литературнаго достоинства. Они написаны какъ-то особенно мягко, я сказалъ бы, почти любовно. У каждаго революціонера бываетъ въ жизни полоса революціонной работы, о которой хранятся наиболѣе дорогія воспоминанія, — его, если позволено будетъ такъ выразиться, — первая революціонная любовь. У В. М. Чернова, чувствуется, такой первой революціонной любовью были годы его работы среди тамбовскихъ крестьянъ.

Изъ отдѣльныхъ мѣстъ книги слѣдуетъ отмѣтить очень интересные разсказы о встрѣчахъ и столкновеніяхъ автора съ Н. К. Михайловскимъ, Войноральскимъ, П. Милюковымъ и др.

Оба автора дали пока только первые тома своихъ воспоминаній, остановившись на порогѣ 1900-хъ г. г., когда движеніе отъ формированія теченій перешло къ созданію политическихъ партій, къ періоду „Искры" и „Революціонной Россіи", въ дѣлѣ созданія и процвѣтанія которыхъ такъ велика роль авторовъ. Все это заставляетъ надѣяться, что слѣдующіе тома ихъ воспоминаній будутъ еще болѣе интересны и цѣнны. Съ нетерпѣніемъ ждемъ ихъ появленія.

Б. Н-скій.

ЭДУАРДЪ БЕРНШТЕЙНЪ. Германская революція. Исторія ея возникновенія и ея перваго періода. Авториз. перев. съ нѣм. съ пред. Александра Штейна. Изд. „Востокъ" Берлинъ-Дрезденъ. 1922. (XVI 330 стр.)

Книга Бернштейна не принадлежитъ къ числу мемуаровъ. О себѣ авторъ упоминаетъ лишь нѣсколько разъ и то вскользь. Самъ авторъ склоненъ считать свою работу историческимъ изложеніемъ перваго періода германской революціи, но скорѣе всего книгу Бернштейна слѣдуетъ причислить къ разсказамъ современниковъ о событіяхъ ихъ эпохи. Бернштейнъ даетъ прагматическое изложеніе событій германской революціи съ начала ноября 1918 г. и до 19 янв. 1919 г. (день выборовъ въ Учред. Собраніе — самый бурный, и, въ сущности говоря, единственный носящій дѣйствительно революціонный характеръ) и сознательно уклоняется отъ изслѣдованія внутреннихъ пружинъ этихъ событій. Казалось, отъ автора марксиста слѣдовало бы ожидать анализа классовой борьбы и сознательныхъ взаимоотношеній революціоннаго періода, но у Бернштейна нѣтъ и слѣда такого анализа. То, что явилось конечнымъ результатомъ описываемаго имъ историческаго періода — консолидація германской буржуазной республики и созданіе политическаго блока между значительнѣйшей частью соц. дем. пролетаріата и буржуазной демократіей, то развитіе классовыхъ взаимоотношеній, которое подготовило этотъ результатъ — все это лежитъ внѣ рамокъ Бернштейновской работы. Для него весь этотъ періодъ является лишь „проявленіемъ глубокой борьбы между двумя принципіально-различными пониманіями соціализма и соціальнаго развитія" (стр. XV). А такъ какъ всѣ симпатіи Бернштейна на сторонѣ одного „пониманія соціализма", именно большинства герм. соц. демократіи, то книга его, при всемъ его стремленіи къ объективности — что дѣлаетъ, конечно, честь автору — является, въ сущности говоря, большимъ политическимъ памфлетомъ, написаннымъ въ оправданіе политики умѣренныхъ соц.-дем. круговъ въ первые мѣсяцы революціи. И въ этомъ какъ разъ историческое значеніе работы Бернштейна. Она показываетъ намъ, какъ оправдывали и какъ измѣняли свою тактику сами руководящіе круги „большинства" соц.-дем. партіи. Авторъ не принадлежитъ къ этому тѣсному правящему кругу того времени, онъ даже не членъ партіи, но старый реформистъ Бернштейнъ всецѣло проникнутъ духомъ политики Эбертъ-Шейдемана, и невольно становится ея апологетомъ. Это придаетъ книгѣ большой историческій и психологическій интересъ: Бернштейнъ глубоко честный человѣкъ, передаетъ не случайные мотивы, не поверхностныя попытки политическаго оправданія, а излагаетъ намъ цѣлое міросозерцаніе главныхъ политическихъ дѣятелей той эпохи, даетъ намъ политическое и нравствен-

ное обоснованіе ихъ тактики. Если прибавить къ этому живой языкъ, стройное изложеніе фактовъ, обиліе конкретныхъ подробностей, то можно считать книгу Бернштейна заслуживающей серьезнаго вниманія со стороны рядового читателя и историка. Повторяемъ, объективность Бернштейна не исключаетъ извѣстной односторонности. Бернштейнъ слѣдилъ за собраніемъ не въ качествѣ непосредственнаго очевидца, а въ роли довольно отдаленнаго наблюдателя. Источники информаціи его носятъ большей частью отрицательный или односторонне партійный характеръ. Притомъ симпатіи и антипатіи автора противъ его воли налагаютъ на книгу опредѣленный отпечатокъ. Но эта односторонность неизбѣжна для всякаго современника, ему не дано ни безпристрастія, ни перспективы, необходимой для историка.

Для русскаго читателя особенную цѣнность придаетъ книгѣ Бернштейна обиліе цитируемыхъ, иногда цѣликомъ, документовъ: прокламацій, воззваній, приказовъ и т. д. Это даетъ возможность почувствовать самый тонъ и характеръ эпохи. А это, пожалуй, самое важное.

Книга издана тщательно и безъ опечатокъ, переводъ хорошъ. Мы почти не замѣтили обычныхъ ляпсусовъ. Г. Б-къ.

ГАРРИ ШМИДТ. Теория относительности и наше представление о вселенной. Перевод Е И. Рабиновича. Изд. Ладыжникова. Берлин. 1922 (150 стр.).

Главнымъ достоинствомъ общедоступныхъ книгъ является несомнѣнно то, что онѣ популяризируютъ научныя теоріи, отнюдь не вульгаризируя ихъ. Большинство общедоступныхъ книгъ появляющихся на книжномъ рынкѣ грѣшитъ противъ этого требованія. Одни изъ авторовъ, предполагая у публики наличность слишкомъ большого количества знаній, строятъ свое изложеніе строго научно. Характеръ общедоступности, конечно, теряется при этомъ совершенно. Другіе считаютъ, что средній культурный уровень читающей публики чрезвычайно не высокъ, и полагая, что доказать что-нибудь такой публикѣ совершенно невозможно, пытаются только нарисовать передъ ней красочную картину, поступаясь при этомъ самой сущностью излагаемой теоріи, думая, что красочность замѣнитъ собою глубину.

Однимъ изъ рѣдкихъ на русскомъ книжномъ рынкѣ классическихъ примѣровъ того, какъ надо писать общедоступныя книги, является совершенно свободная отъ вышеуказанныхъ недостатковъ книга Гарри Шмидта. Увлекательное изложеніе, чрезвычайно простой и общедоступный подходъ къ основнымъ вопросамъ, связанный съ научной точностью въ терминологіи и объясненіи опытовъ и явленій дѣлаютъ эту книгу дѣйствительно образцовой. Авторъ не предполагаетъ у своихъ читателей никакихъ познаній. Онъ начинаетъ поэтому съ основныхъ законовъ небесной механики, вводитъ понятіе системы координатъ и останавливается на научномъ опредѣленіи понятія абсолютно-неподвижнаго пространства. Указавъ на принципъ относительности классической механики и полную равноцѣнность равномѣрно движущихся Галлилеевскихъ системъ и системы абсолютно неподвижной, объяснивъ читателю понятіе мірового эфира, Шмидтъ переходитъ къ опыту Майкельсона и постулатамъ Эйнштейна. Изложеніе принципа регулированія часовъ, слѣдующее далѣе, поистинѣ изумительно. Рѣдко кому удается такъ живо, ясно и понятно выразить свою мысль. Четырехмѣрный „временно пространственный" міръ Минковскаго описанъ съ чувствомъ сдѣлавшимъ бы честь любому поэту. Слѣдующее затѣмъ изложеніе общаго принципа относительности тоже не оставляетъ желать ничего лучшаго.

При всемъ томъ авторъ ни разу не употребилъ во всей книжкѣ ни одной математической формулы; во всей книгѣ всего 5 чертежей. Эти качества дѣлаютъ ее доступной всякому грамотному человѣку.

Книга Гарри Шмидта является несомнѣнно лучшей общедоступной книгой по принципу относительности. Поставленную имъ себѣ цѣль „изложить постепенное возникновеніе теоріи относительности на почвѣ прежней физики" онъ выполнилъ блестяще.

Русскій переводъ Е. И. Рабиновича сдѣланъ аккуратно и добросовѣстно.

А. Ц.

СПОЛОХИ. Литературно-художественный и общественный ежемѣсячный журналъ. Ред. А. Дроздовъ, изд. Е. А. Гутновъ. №№ 1—12 (ноябрь 1921—ноябрь 1922).

Среди эмигрантскихъ періодическихъ изданій мало такихъ, которыя обнаружили бы продолжительную живучесть и сумѣли бы найти спокойный и безпартійный тонъ. Впрочемъ, первое, по нашему мнѣнію, находится въ прямой зависимости отъ второго: для того, чтобы создать что-нибудь

длительное и живучее среди разноголосицы и разброда нашей эмиграціи, нужно сумѣть подняться au dessus de la mêlée, нужно обратиться къ публикѣ, состоящей не изъ однихъ коммунистовъ или смѣновѣховцевъ, или монархистовъ, или врангеліанцевъ, или кадетовъ, или эсеровъ черновскаго толка, или эсеровъ толка Керенскаго, а надо презрѣть всѣ эти раздѣленія, перешагнуть черезъ нихъ и говорить просто русскимъ людямъ, одинаково доброжелательно относясь ко всему положительному, что можетъ оказаться и что дѣйствительно имѣется въ каждомъ изъ безчисленныхъ лагерей, на которые разбились русскіе люди. Къ сожалѣнію, мало кому удается найти такой безпристрастный, благожелательный тонъ. На большинствѣ нашихъ періодическихъ изданій лежитъ печать кружковщины, партійности, взаимной ненависти. Поэтому въ большинствѣ случаевъ они такъ же быстро исчезаютъ, какъ и возникаютъ, а если кое-какія и существуютъ, то лишь искусственной жизнью, питаясь субсидіями и меценатскими даяніями.

Однимъ изъ счастливыхъ исключеній является небольшой литературный журналъ „Сполохи", начавшій выходить въ изд-вѣ Е. А. Гутнова, подъ ред. А. Дроздова въ ноябрѣ прошлаго года и регулярно появляющійся каждый мѣсяцъ, постоянно повышаясь и по содержанію и по внѣшнему своему виду. Редакторъ этого журнала, А. Дроздовъ, обнаружилъ рѣдкую и очень цѣнную способность хорошаго вкуса и широкой терпимости. Начавши съ привлеченія въ журналъ нѣкоторыхъ молодыхъ писателей, находящихся въ эмиграціи, онъ постепенно расширялъ кругъ сотрудниковъ журнала, печатая и писателей, живущихъ въ Россіи.

За истекшій годъ въ журналѣ „Сполохи" были помѣщены произведенія слѣдующихъ авторовъ: Б. Пильняка, Н. Никитина, Н. Ашукина, Юрія Слезкина, А. Дроздова, графа А. Толстого, Бальмонта, Ходасевича, Голлербаха, Ремизова, Соколова-Микитова, Федора Иванова, Пуни, Піотровскаго, Росимова и др. Въ иллюстраціонномъ отдѣлѣ журнала были помѣщены репродукціи произведеній Врубеля, Бакста, Лукомскаго, Пуни, Шагала, Архипенко, Лагоріо, Богуславской, Мозалевскаго, Бѣлкина, Нарбута и др. Съ внѣшней стороны журналъ производитъ прекрасное впечатлѣніе.

А. Я.

ХРОНИКА
и
РАЗНЫЯ ЗАМѢТКИ

КУЛЬТУРНЫЯ СОКРОВИЩА РОССІИ И ТРЕБОВАНІЯ ПОЛЬШИ.

Надъ оставшимися еще не расхищенными послѣдними очагами русской культуры нависъ тяжелый ударъ. XI ст. Рижскаго договора съ Польшей, заключеннаго въ крайне невыгодныхъ для Сов. Россіи условіяхъ, казалось, все же, обезпечивала сохраненіе наиболѣе крупныхъ собраній культурнаго значенія. 7 пунктъ XI-ой ст., въ которомъ обѣ стороны дали торжественное обѣщаніе не разрушать сокровищницъ мірового значенія, систематизированныхъ и научно-подобранныхъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда предметы, входящіе въ собраніе, имѣютъ тѣсную связь съ исторіей или культурой Польши, давалъ возможность россійской научной экспертизѣ опираться на этотъ путь для отстаиванія наиболѣе цѣнныхъ памятниковъ культуры отъ разрушенія.

Польская сторона чрезвычайно неохотно пользуется 7 п. XI-й ст. Рижскаго договора. Сначала она трактовала, что примѣненіе указаннаго пункта можетъ имѣть мѣсто лишь по обоюдному согласію сторонъ, т. е. фактически тамъ, гдѣ пожелаетъ польская сторона. Въ вопросѣ о Петербургской Академіи Художествъ, изъ которой поляки требуютъ изъятія графическаго кабинета короля Станислава-Августа, польская сторона рѣшительно заявила, что собранія Академіи Художествъ не могутъ быть разсматриваемы, какъ культурныя собранія мірового значенія. Русская же экспертиза — художники А. Бенуа, И. Грабарь, акад. Марръ и др. опредѣленно стали на точку зрѣнія примѣнимости 7 пункта къ собраніямъ Академіи Художествъ.

Особенно же обострились отношенія изъ за Петербургской Публичной Библіотеки, въ основаніе которой, какъ извѣстно, легли фонды, вывезенные въ XVIII вѣкѣ изъ Польши (Библіотека Залуцкихъ и др.). Русской стороной, въ лицѣ академиковъ С. Ф. Ольденбурга, С. Ф. Платонова, профессоровъ О. А. Добіашъ-Рождественской, М. Я. Пергамента, вице-директора Библіотеки А. Н. Браудо, и др. были заявлены предѣлы уступокъ, которыя русская сторона готова сдѣлать въ отношеніи Публичной Библіотеки по VII п. XI-й ст. Рижскаго договора. При этомъ „тѣсная связь съ исторіей или культурой Польши" трактовалась, какъ происхожденіе предметовъ съ территоріи Польши или прямое отношеніе къ исторіи и культурѣ Польши. Польская сторона потребовала толкованія „тѣсной связи" гораздо шире — въ смыслѣ принадлежности предметовъ тому или другому общественному дѣятелю Польши, а иногда просто въ смыслѣ внѣшнихъ признаковъ — польскій переплетъ для книгъ, случайная польская надпись на поляхъ и т. п. На дѣлѣ примѣненіе 7 пункта снова свелось къ п. I-му, т. е. къ возвращенію изъ Публичной Библіотеки всѣхъ предметовъ, вывезенныхъ изъ Польши съ 1-го января 1772 г. Окончательный отвѣтъ польской стороны былъ крайне вызывающимъ. Поляки заявили, что они не намѣрены разбивать изъ фондовъ Публ. Библіотеки лишь отдѣлъ славяно-русскихъ рукописей, россику и парижской коммуны (?!).

Россійскіе эксперты въ засѣданіи 23 сентября объявили грани своихъ уступокъ, которыя можно сдѣлать, не разрушая въ основѣ Публичной Библіотеки. Послѣ длительныхъ переговоровъ, польская сторона 25 сентября прекратила участіе въ засѣданіяхъ. Такимъ образомъ, вопросъ о Публичной Библіотекѣ, равно какъ и о Петербургской Академіи Художествъ, повисъ въ воздухѣ и долженъ разрѣшиться дипломатическимъ путемъ.

Вопросъ о собраніяхъ Эрмитажа еще не обсуждался въ засѣданіяхъ Специальной Смѣшанной Комиссіи, но можно думать, что здѣсь натискъ польской стороны будетъ еще болѣе настойчивъ.

Такова фактическая сторона дѣла.

Мнѣ пришлось работать совмѣстно съ поляками по выполненію Рижскаго договора въ качествѣ эксперта по архивной части почти годъ (съ декабря 1921 г. по сентябрь 1922 г.), и впечатлѣнія отъ засѣданій Специальной Смѣшанной Комиссіи были всегда очень тяжелыми. Поляки во всѣхъ вопросахъ проявляютъ упорное нежеланіе считаться съ интересами культуры въ цѣломъ,

и во имя собиранія якобы остатковъ старой Польши, готовы разрушить культурныя собранія, которыя давно систематизированы и сдѣлались достояніемъ міровой культуры. Въ самомъ дѣлѣ, почему Варшавская Публичная Библіотека имѣетъ больше правъ на обладаніе рукописями Бл. Августина, Тертулліана и другихъ средневѣковыхъ писателей, чѣмъ Петербургская? Почему эти рукописи, появившіяся отнюдь не на территоріи Польши и не имѣющія прямого отношенія къ культурѣ Польши, нужно вырвать изъ цѣлостныхъ собраній и перевезти съ береговъ Невы на берега Вислы? Очевидно, это нужно сдѣлать только во имя того, что полтора столѣтія тому назадъ эти рукописи были перевезены изъ Варшавы въ Петербургъ. Но, не говоря уже томъ, что иногда трудно доказать самый фактъ вывоза изъ Польши, опредѣленно можно сказать, что практика конца XVIII в. и начала XIX в. въ культурномъ отношеніи непригодна для XX в. Если опираться на старые факты, то поляки повинны въ разрушеніи культурныхъ цѣнностей Россіи не меньше Екатерины II-й и Александра I-го.

Польская экспертиза очень часто дѣлаетъ заявленія о томъ, что многіе ученые Зап. Европы вполнѣ одобряютъ польскую позицію въ вопросѣ о реэвакуаціи культурныхъ цѣнностей изъ Россіи. Фамиліи этихъ ученыхъ обычно не называются. Русская экспертиза, въ виду разобщенности отъ Западной Европы, не можетъ провѣрить польскихъ утвержденій. Петербургскій Университетъ въ концѣ 1921 года сдѣлалъ попытку пригласить польскихъ ученыхъ перенести щекотливый вопросъ о культурныхъ памятникахъ міровогo значенія на обсужденіе ученыхъ спеціалистовъ Запада (напечатано въ VII кн. „Русскаго Историческаго Журнала“), но польская сторона отвѣтила несогласіемъ.

Хотѣлось бы думать, что и у Россіи есть свои друзья среди ученыхъ Западной Европы, которые посмотрятъ на польскія требованія нѣсколько иначе. Пусть русскіе люди, находящіеся за границей и болѣющіе за судьбы русской культуры, найдутъ своихъ друзей и союзниковъ, которые смогутъ повліять на поляковъ въ томъ направленіи, чтобы они умѣрили свои требованія и отказались отъ разрушенія культурныхъ сокровищницъ міровогo значенія.

Совѣтское правительство до послѣдняго времени не расходилось съ мнѣніемъ ученой экспертизы, но, при создавшемся положеніи, остается опасность, что къ чисто-научнымъ соображеніямъ будетъ примѣнено дипломатическое рѣшеніе, совершенно не отвѣчающее научнымъ интересамъ. Уже одна подобная ошибка сдѣлана согласіемъ, изъять для грузинъ изъ Эрмитажа и другихъ хранилищъ предметы грузинской культуры.

Противъ польскихъ доводовъ — „вы грабили у насъ чужое, а намъ не отдаете своего“, нужно противопоставить трезвое убѣжденіе, что интересы міровой культуры требуютъ сохраненія культурныхъ памятниковъ первой величны, потому что временный упадокъ русской культуры еще не говоритъ о ея смерти, и мы увѣрены, что русская культура воскреснетъ вмѣстѣ съ новой Россіей.

А. Изюмовъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ.

ДѢЙСТВІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Постановленіемъ отъ 31 августа 22 г. Президіумъ В. Ц. И. К. разъяснилъ, что органы совѣтской періодической печати, перешедшіе на начала хозяйственнаго расчета, не въ правѣ отказываться отъ безплатнаго распубликованія матеріала, входящаго подъ рубрику „Дѣйствія и распоряженія мѣстной власти“, если таковые органы являются единственными періодическими изданіями въ губерніи.

*

Въ цѣляхъ защиты книжныхъ богатствъ Республики, расыпленныхъ между частными владѣльцами и скупаемыхъ иностранными агентами для экспорта, при государственномъ книжномъ фондѣ организуется комиссія по пріобрѣтенію рѣдкихъ и цѣнныхъ изданій.

На комиссію возлагается созданіе сѣти представительствъ въ Петроградѣ и провинціи для установленія связи съ владѣльцами книгъ, оцѣнка предлагаемыхъ къ пріобрѣтенію изданій, отборъ изданій, предназначенныхъ къ экспорту заграницу въ обмѣнъ на литературу, необходимую для государственныхъ книжныхъ хранилищъ и т. д. Въ составъ комиссіи будутъ входить спеціалисты-книговѣды. Въ распоряженіе комиссіи предоставляется оборотный капиталъ въ размѣрѣ 5.000.000 рублей образца 22 г.

*

Въ Петроградѣ воспрещена постановка пьесы Смолина „Товарищъ Хлестаковъ“.

*

Постановленіями С. Н. К. композитору А. К. Глазунову и артисту Южину, въ связи съ юбилеемъ ихъ дѣятельности, присвоено званіе „народныхъ артистовъ“.

*

По постановленію Н. К. Просв., въ измѣненіе прежнихъ правилъ, газеты, ноты и листы, раз-

мѣромъ не болѣе 2-хъ страницъ, представляются въ Россійскую книжную палату, въ количествѣ 9 экз.; при тиражѣ ниже 100 экз. — въ количествѣ 5% тиража. Одновременно Н. К. Просв. возложилъ на издательства, работающія за границей, но ввозящія свои изданія въ Р. С. Ф. С. Р., обязанность доставлять установленное обязательное количество всѣхъ своихъ изданій въ Россійскую центральную книжную палату. („Изв.", 198).

*

Главлитомъ въ Москвѣ объявлена съ 20 октября перерегистрація всѣхъ издательствъ. Издательства, уклонившіяся отъ перерегистраціи, подлежатъ закрытію.

*

Терскій Губ. Отд. Народнаго Образованія постановилъ произвести ремонтъ домика М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскѣ. Организуется общество имени поэта.

*

Лазаревское кладбище въ Петроградѣ, славящееся своими надгробными памятниками, признано музейнымъ; дальнѣйшее погребеніе на немъ воспрещено. Образована комиссія изъ А. Бенуа, Л. Ильина и В. Курбатова на предметъ реставраціи памятниковъ.

*

Мастерская Передвижного театра въ Петроградѣ 30-тилѣтній юбилей литературной дѣятельности А. М. Горькаго рѣшила ознаменовать постановкой его „Города Окурова".

*

Коллегіей Наркомпроса постановлено ассигновать 15.000 руб. золотомъ на покупку находящагося въ Парижѣ Пушкинскаго музея, собраннаго А. Ф. Онѣгинымъ для Академіи Наукъ, назначивъ А. Ф. Онѣгина пожизненнымъ хранителемъ музея и представителемъ Академіи.

*

Объявлены неприкосновенными памятниками природы и культуры усадьбы поэтовъ и писателей:

Усадьба поэта Пушкина „Михайловское", Псковской губ., и „Тригорское", гдѣ находится паркъ и домикъ няни поэта.

Имѣніе поэта Тютчева „Мураново", Московской губ., гдѣ имѣется домъ-музей 40 г.г. и паркъ. Въ этомъ имѣніи жили Энгельгардтъ и Баратынскій.

Имѣніе И. А. Аксакова „Абрамцево", Московской губ.: тамъ основанъ музей имени Аксакова, и сохранились въ неприкосновенности паркъ и пруды.

Имѣніе поэта Вяземскаго „Остафьево" Московской губ., гдѣ имѣется музей, библіотека и комната писателя Карамзина, въ которой онъ писалъ знаменитую „Исторію Государства Россійскаго". Тутъ же бывали Пушкинъ и Жуковскій. Реликвіи послѣднихъ хранятся при музеѣ.

Имѣніе Л. Толстого „Ясная Поляна", въ Тульской губ.; въ немъ сохраняется вся усадьба и музей имени великаго писателя.

Имѣніе писателя Григорьевича „Дулебино", Тульской губ., гдѣ имѣется домъ писателя и паркъ.

Имѣніе писателя Тургенева „Спасское-Лутовиново", Орловской губ.; тамъ сохраняется флигель, гдѣ жилъ писатель, и паркъ.

Дача писателя Чехова въ Ялтѣ, гдѣ имѣется музей имени писателя.

Отдѣломъ охраны природы приняты всѣ мѣры къ охранѣ этихъ культурно-историческихъ памятниковъ. Часть изъ нихъ національзирована.

*

Въ виду тяжелаго положенія русской полиграфической промышленности Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ постановляетъ:

1. Всѣ государственныя учрежденія и предпріятія обязаны издавать необходимую имъ литературу исключительно въ Россіи черезъ Госиздатъ, при помощи кооперативныхъ или частныхъ издательствъ, а также своими средствами.

2. Въ случаѣ затруднительности по техническимъ условіямъ осуществленія какого либо изданія въ Россіи и при наличіи отказовъ въ выполненіи этого изданія со стороны Госиздата, кооперативныхъ и частныхъ издательствъ, допускается выполненіе заказа за границей, но не иначе, какъ по особому всякій разъ постановленію СТО.

3. Государственнымъ учрежденіямъ и предпріятіямъ воспрещается открывать за границей какія либо издательскія отдѣленія или предпріятія; всѣ существующіе за границей государственные издательскіе органы должны быть ликвидированы въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ со дня опубликованія настоящаго постановленія.

Замѣститель Предсѣдателя Совѣта Народныхъ Комиссаровъ Л. Каменевъ. Управдѣлами Н. Горбуновъ. Секретарь Л. Фотіева.

Москва, Кремль, 11 октября 1922 г.

НАУЧНЫЯ ОБЩЕСТВА И УЧРЕЖДЕНІЯ.

Изъ 17 тыс. пудовъ собранныхъ въ церквахъ цѣнностей, комиссія Главмузея отобрала 39 ящиковъ (всего 113 пудовъ) предметовъ музейной рѣдкости и цѣнности.

*

Въ Кіевѣ открывается новая картинная галлерея, въ которой собраны полотна старыхъ мастеровъ, взятыя изъ разныхъ усадебъ лѣвобережной Украины. Корресп. „Правды" пишетъ, что галлерея будетъ самымъ богатымъ собраніемъ полотенъ мастеровъ XV-XVIII в.в. итальянской, голландской, французской и русской школъ.

Въ Московскихъ „Изв. ВЦИК" появилось сообщеніе, имѣющее отношеніе къ загадочному дѣлу о хищеніяхъ въ Историческомъ Музеѣ и ограбленію Иверской часовни: Московскимъ Трибуналомъ ведется слѣдствіе по дѣлу членовъ коллегіи Историческаго Музея, которымъ ставится въ вину рядъ упущеній по службѣ, благодаря чему были похищены картины, старинныя вещи, серебро и драгоцѣнные камни. По дѣлу привлечены лица, принадлежащія къ составу администраціи. Но черезъ нѣсколько дней на страницахъ „Изв." это сообщеніе было опровергнуто директоромъ коллегіи Щепотовымъ, заявившимъ письмомъ въ редакцію, что ни ему, ни кому либо другому изъ администраціи ничего о привлеченіи ихъ къ суду неизвѣстно, но что самый фактъ привлеченія онъ и его сотрудники могли бы привѣтствовать, такъ какъ это помогло бы раскрытію истины.

*

10 сентября въ помѣщ. Моск. Цент. латышскаго коммунистическаго клуба (уголъ Б. Дмитровки и Страстного бульвара) открыта выставка молодыхъ латышскихъ художниковъ В. Андерсона, К. Вейдмана, Э. Гринвальда, Ж. Романа.

*

Въ Эрмитажѣ приступлено къ организаціи выставки изъ изъятыхъ церковныхъ вещей, выдѣленныхъ особой комиссіей, какъ имѣющихъ особую художественную цѣнность.

Во второй половинѣ сентября въ Москвѣ открывается выставка произведенiй худ В. Пальмова, привезенная имъ изъ Японiи, гдѣ она имѣла большой успѣхъ.

*

Въ Россiйскомъ Историч. Музеѣ идетъ работа по открытiю большого читальнаго зала, вмѣстимостью въ 500 единовременныхъ посѣтителей. Читальный залъ, отдѣланный въ стилѣ „empire,“ прекрасно оборудованъ удобнымъ инвентаремъ. Изъ библiотеки Музея, насчитывающей свыше миллiона томовъ, въ читальный залъ перемѣщаются многiя тысячи ходовыхъ научныхъ книгъ по русской и всеобщей исторiи искусства, литературы и т. д.

Не ограничиваясь механической выдачей книгъ, библiотека намѣчаетъ широкую работу по оказанiю библiографическо-справочной помощи читателямъ по научнымъ предметамъ, входящимъ въ компетенцiю Росс. Историческаго Музея и его фундаментальной библiотеки. Читальный залъ будетъ работать по 12 часовъ въ сутки.

*

За годы революцiи въ Росс. Истор. Музей въ Москвѣ поступилъ рядъ цѣннѣйшихъ частныхъ собранiй и библiотекъ, въ томъ числѣ знаменитая Патрiаршая Библiотека рукописей и старо-печатныхъ книгъ, отдѣлъ древностей Румянцевскаго Музея, рукописное собранiе Хлудова, коллекцiи Уварова.

Учеными сотрудниками Музея ведется энергичная работа по перегруппировкѣ отдѣловъ Музея соотвѣтственно сторонамъ быта; намѣчены отдѣлы: домашнiй, государственный, хозяйственный, церковный, военный и др. По мѣрѣ завершенiя работъ, отдѣлы будутъ открываться для посѣтителей. Почти готовъ къ открытiю отдѣлъ религiознаго быта, одинъ изъ самыхъ богатыхъ отдѣловъ Музея.

За послѣднiе годы Музеемъ организованъ рядъ выставокъ: три выставки русскихъ лицевыхъ рукописей (въ 1918-19 и 20 г.г.), выставка русскаго шитья (1920), рядъ выставокъ, посвященныхъ отдѣльнымъ дѣятелемъ культуры, выставка литературы по музейному дѣлу и существующая въ настоящее время замѣчательная по художественному богатству выставка крестьянского бытового искусства. Въ настояшее время подготовляются къ открытiю выставки иконъ и историческихъ портретовъ-миніатюръ, а также выставка по старой Москвѣ.

Количество посѣтителей Музея быстро растетъ; однихъ экскурсiй Музеемъ предпринято въ 1920 г. — 478 (11 тыс. чел.), въ 1921 — 1297 (24.700 чел.); въ 1922, судя по первому полугодiю, число посѣтителей увеличится минимумъ на 50%.

Издательская дѣятельность Музея развернулась крайне слабо, но подготовлено къ печати значительное количество томовъ научныхъ работъ ученыхъ сотрудниковъ Музея по матерiаламъ послѣдняго; въ ихъ числѣ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ большой томъ воспоминанiй вдовы Ф. М. Достоевскаго, обстоятельно комментированный работниками Музея.

*

Открывшаяся въ iюнѣ при Петроградскомъ Пушкинскомъ Домѣ выставка „Пушкинъ и его современники“ организована въ составѣ отдѣловъ: рукописнаго, книжнаго и иконографически-иллюстрацiоннаго. Въ рукописномъ отдѣлѣ выставлены автографы А. С. Пушкина и его современниковъ — С. Т. Аксакова, Баратынскаго, Вяземскаго, Гоголя, Грибоѣдова, Дельвига, Державина, Жуковскаго, Кольцова, Лермонтова, Погодина, Тургенева, Тютчева, Чаадаева и др. Изъ пушкинскихъ автографовъ имѣются рукописи „Воспоминанiй о Царскомъ Селѣ“ (1814 г.), „Кавказскiй Плѣнникъ“ (1820-21 г.г.), отрывки изъ „Онѣгина“ (18-24-30 г.г.), „Мѣднаго всадника“ (1831 г.) и др.; изъ писемъ А. С. выставлено его послѣднее письмо къ А. О. Ишимовой. Богато представленъ иконографическiй отдѣлъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ И ОРГАНИЗАЦIЯХЪ.

Въ Москвѣ положено начало организацiи подъ названiемъ „Коммунистическое объединенiе художниковъ слова“. Объединенiе организуетъ издательство. Выбрана теоретическая группа, которой поручено разработать вопросъ о примѣненiи и развитiи дiалектическаго метода въ искусствѣ. Выработанъ уставъ объединенiя. Коммунистическое объединенiе художниковъ слова представляетъ собой союзъ поэтовъ и писателей-коммунистовъ, поставившихъ себѣ цѣлью: — „борьбу съ мелкобуржуазной идеологiей и мѣщанствомъ въ области литературы, поэзiи и искусства вообще“.

Выбрано организацiонное бюро въ составѣ слѣдующихъ писателей и поэтовъ: Вл. Бахметьевъ, Сергѣй Городецкiй, Вл. Кирилловъ, О. Литовскiй, Н. Ляшко, Г. Санниковъ, Георгiй Устиновъ.

Намѣчено открытiе ряда ячеекъ „объединенiя“ въ другихъ городахъ, въ первую очередь въ Петроградѣ, Харьковѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Казани, Кiевѣ, Ростовѣ н/Д., Екатеринбургѣ, и Ново-Николаевскѣ.

*

Въ Москвѣ 27—28 августа состоялась 1-ая Губернская конференцiя работниковъ печати; принято положенiе о тарифахъ; признано необходимымъ стремиться къ созданiю самостоятельнаго союза, который долженъ объединить всѣхъ, какъ идеологическихъ работниковъ печати, такъ и обслуживающихъ ее технически. Избрано бюро въ составѣ: Флеровскаго, Литовскаго, Майберга, Бахметьева, Эрде, Валя и Коваленко.

РАЗНОЕ.

Редакцiя Екатеринбургской газеты „Уральскiй рабочiй“ готовитъ къ предстоящему 15 ноября с. г. десятилѣтiю со дня смерти Мамина-Сибиряка юбилейный сборникъ. Редакторомъ приглашенъ родственникъ покойнаго писателя С. А. Удинцевъ.

*

Среди рукописей, хранящихся въ Госархивѣ, найдено много писемъ композитора А. Н. Скрябина къ Н. В. Гурляндъ; письма, числомъ около 20-ти, относятся къ 1896—99 г.

*

А. К. Глазуновымъ передѣланъ „Славянскiй маршъ“ Чайковскаго. Въ новой редакцiи изъ марша устраненъ царскiй гимнъ.

*

Въ виду большого интереса къ вышедшимъ въ Берлинѣ воспоминанiямъ С. Ю. Витте и недоступности этого изданiя для русскаго читателя, оба

тома воспоминаній Витте будутъ переизданы Петроградскимъ Отделеніемъ Государственнаго Издательства.

*

Московское коммунальное хозяйство приступило къ очисткѣ площади на мѣстѣ разрушеннаго дома у Никитскихъ воротъ, предназначенной для установки памятника проф. К. А. Темирязеву. Памятникъ заказанъ московскимъ совѣтомъ скульптору С. Д. Меркулову, архитектурная часть памятника выполнена архитекторомъ Д. И. Осиповымъ, Памятникъ весь изъ гранита, представляетъ собою шестиаршинную фигуру, изображающую К. А. Темирязева во весь ростъ въ плащѣ доктора Оксфордскаго Университета. Постаментъ для памятника также изъ гранита вышиною въ 9 аршинъ. Къ памятнику ведутъ ступеньки, заканчивающіяся на большой площадкѣ, двумя фонтанами. С. Д. Меркуловъ работаетъ надъ памятникомъ у себя въ студіи въ Измайловскомъ звѣринцѣ, а также на Цвѣтномъ Бульварѣ. Памятникъ будетъ законченъ и установленъ лѣтомъ 1923 года.

Скульпторъ Меркуловъ является авторомъ двухъ памятниковъ на Цвѣтномъ бульварѣ — Достоевскаго и „Мысль".

*

Профессоръ Болухатый, работающій сейчасъ въ центральной библіотекѣ академической драмы, нашелъ тамъ нѣсколько рукописей А. П. Чехова съ новыми варіантами „Чайки",„Трехъ сестеръ" и „Иванова".

*

Конфликтъ издателя „Театральной Москвы" съ редакціей разрѣшенъ въ Главлитѣ въ пользу редакціи, какъ идеологической группировки, создавшей этотъ журналъ. Издателю Дортману дальнѣйшій выпускъ журнала не разрѣшенъ, право это передано редакціонной коллегіи, которая въ ближайшее время возобновляетъ его съ прежнимъ составомъ сотрудниковъ и въ прежнемъ направленіи.

Россійскій Историческій Музей въ ближайшее время издаетъ „Письма и архивъ Ф. М. Достоевскаго" подъ ред. В. Е. Чешихина-Вѣтринскаго.

Редакторомъ въ настоящее время приготовленъ къ печати первый томъ, заключающій въ себѣ переписку родителей писателя, переписку писателя съ братьями и нѣкоторыми другими лицами (Катковъ, Побѣдоносцевъ, Некрасовъ, кн. Мещерскій и др.). Всего въ книгѣ будетъ около 100 писемъ и записокъ Достоевскаго.

Наибольшій интересъ представляютъ письма Достоевскаго, рисующія его отношенія къ первой женѣ, и почти неизвѣстный біографамъ его заграничный романъ, изъ котораго вышелъ „Игрокъ". Публикуемыя письма даютъ много матеріала для сужденій о романахъ „Униженные и оскорбленные" и „Вѣчный мужъ".

*

Въ декабрѣ 1921 года исполнилось 10 лѣтъ существованія московскаго кооперативнаго книгоиздательства „Задруга". Этотъ моментъ совпалъсъ оживленіемъ его дѣятельности, сильно упавшей послѣ 1918 г. Несмотря на затрудненія финансовыя, въ области техники и сбыта книги, „Задруга" съ конца 1921 г. энергично принялась за работу. Объ этомъ наглядно свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя:

Съ декабря 1921 г. по августъ 1922 г. „Задруга" выпустила слѣдующія книги:

По отдѣлу изящной литературы: Короленко, В. Г. Очерки и разсказы. Т. т. V и VI. Чулковъ, Г. Стихотворенія. Соловьевъ, В. Шуточныя пьесы.

По отдѣлу мемуаровъ: Фигнеръ, В. Н. Запечатлѣнный трудъ. Дейчъ. Л. За полвѣка. Короленко, В. Г. Исторія моего современника. Т. III. Маковицкій, Д. П. Яснополянскія записки. В. 1. Костомаровъ, Н. Автобіографія (подписное изданіе).

По отдѣлу критики и исторіи литературы: Короленко, В. Г. Письма къ И. П. Бѣлоконскому. Бальмонтъ, К. Д. Поэзія, какъ волшебство. Батюшковъ, Ф. Д. В. Г. Короленко. Сборникъ „Памяти В. Г. Короленко", съ ст. Фигнеръ, Мякотина, Кизеветтера, Мендельсона и др. Козловскій, Л. С. В. Г. Короленко. Аптекманъ, О. Глѣбъ Успенскій.

По исторіи и обществовѣдѣнію: Семевскій, В. И. М. М. Буташевичъ-Петрашевскій и петрашевцы. Ч. I Русскій бытъ по воспоминаніямъ современниковъ XVIII в. Ч. II. В. 2. Время Екатерины II. Булгаковъ, В. Ф. Опомнитесь, люди-братья. Т. I. Шпенглеръ, О. Пессимизмъ-ли это? Со вступ. статьей П. С. Попова.

По отдѣлу педагогики и дѣтской литературы: Румянцевъ, Н. Психологическія основы трудового воспитанія. Шубертъ, А. Методы изслѣдованія умствен. одаренности дѣтей. Каррикъ, В. Сказки-картинки.

По математикѣ и естествознанію: Млодзеевскій, Б. К. Основы аналитической геометріи на плоскости. Хименковъ, В. Настоящее, прошедшее и будущее земли. Григорьевъ, С. Г. Крыша міра (Памиръ). Дрентельнъ, Н. Воздухъ, вода, тепло.

Въ ближайшее время должны выйти: Шмелевъ, И. Неупиваемая чаша. Кизеветтеръ, А. А. Театръ — сборникъ статей о театрѣ. Соколовъ, Б. М. М. Волконская и Пушкинъ. Короленко, В. Г. Исторія моего современника. Т. IV. Массонство въ его прошломъ и настоящемъ. Т. III. (отдѣльные выпуски). Мельгуновъ, С. П. Изъ исторіи религіозно-общественныхъ движеній XVII-XVIII в. в. и другія.

Одновременно оживилась и дѣятельность кооперативнаго товарищества по изданію журнала „Голосъ Минувшаго", близкаго во всѣхъ отношеніяхъ къ „Задругѣ". Въ результатѣ послѣ значительнаго перерыва вышли одна за другой двѣ очередныя книжки „Голоса Минувшаго": одна книга за 1920-21 г. г. и № 1 за 1922 г. Въ нихъ много мѣста удѣлено послѣднимъ произведеніямъ В. Г. Короленко: „Исторія моего современника", ч. IV (послѣднее, что успѣлъ написать покойный авторъ), „Земли, земли" и „Символъ". Изъ другихъ статей и матеріаловъ нужно отмѣтить: Левъ Дейчъ — „Южные бунтари", М. Р. Поповъ — „Къ исторіи рабочаго движенія въ концѣ семидесятыхъ годовъ", Е. А. Шаховская — „Дневникъ и письма 1826-27 г. г.", А. Ильинскій — „Новые матеріалы о Бакунинѣ", А. Ф. Кони — „Житейскія встрѣчи", В. Алексѣевъ „Студенческій кружокъ Аргилопула и Зайчневскаго", С. П. Мельгуновъ „Ап. Григорьевъ и Современникъ" (изъ архива В. П. Боткина) и проч. Въ выходящемъ въ ближайшее время 2-мъ № „Голоса Минувшаго" за 1922 г. будетъ между прочимъ напечатано: В. Н Фигнеръ — „Воспоминанія" (о пребываніи за границей). В. Г. Короленко — Пугачевская легенда. Кузьма Прутковъ — военные афоризмы (изъ архива Жемчужникова). М. Цявловскій — Пушкинъ и графиня Финкельметъ. А. А. Кизеветтеръ — Изъ переписки московскихъ словянофиловъ. Н. Л. Бродскій — Письма Салтыкова-Щедрина и проч.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМЪ.

БЕРЛИНЪ

Въ Берлинѣ 1-го октября состоялся съѣздъ русскихъ юристовъ (эмигрантовъ). Присутствовали делегаты изъ Парижа, Югославіи, Чехословакіи, Польши, Константинополя и т. д. Вступительную рѣчь произнесъ предсѣдатель союза русской адвокатуры въ Германіи Б. Л. Гершунъ. Въ президіумъ были избраны бар. Б. Э. Нольде и Б. Л. Гершунъ (предсѣдатели), А. Я. Гальпернъ (Лондонъ), С. К. Гогель (Прага), П. П. Гронскій (Парижъ), А. И. Каминка (Берлинъ), В. С. Мандель (Берлинъ), В. Н. Новиковъ (Парижъ) и А. Н. Мандельштамъ (Парижъ).

Съѣздъ былъ посвященъ вопросу о правовомъ положеніи эмиграціи и о правотворчествѣ въ Совѣтской Россіи. Съ докладами и рѣчами выступали: бар. Б. Нольде, проф. Гогель, проф. Тимашевъ, А. Н. Мандельштамъ, Е. А. Ефимовскій, проф. Пиленко, А. А. Покровскій, А. А. Горцевъ и др. Съѣздъ продолжался три дня и вынесъ слѣдующую резолюцію:

„1) Съѣздъ русскихъ юристовъ признаетъ, что при созданіи правовыхъ нормъ, опредѣляющихъ положеніе рос. гражд.-эмигрантовъ, надлежитъ рѣшительно и точно оговорить права эмигрантовъ, какъ не признающихъ совѣтскую власть, на убѣжище.

2) Съѣздъ считаетъ, что русскимъ эмигрантамъ должно принадлежать право свободнаго передвиженія въ предѣлахъ странъ, гдѣ они находятся, а равно право передвиженія изъ одной страны въ другую, на общихъ съ другими иностранцами основаніяхъ.

3) Съѣздъ поручаетъ комитету разработать вопросъ о профессіональныхъ правахъ эмигрантовъ въ странахъ ихъ пребыванія".

*

Въ текущемъ сезонѣ въ „Домѣ Искусствъ" состоялось нѣсколько засѣданій (пятницъ).

На первомъ — В. Шкловскій сдѣлалъ докладъ о жизни писателей въ Совѣтской Россіи и съ своими стихами выступили поэты Вл. Ходасевичъ и Н. Оцупъ. На второмъ — А. Н. Толстой прочелъ нѣсколько главъ своего новаго фантастическаго романа „Аэлита" и Б. Пастернакъ читалъ свои стихи. Третье засѣданіе было посвящено тридцатилѣтнему юбилею М. Горькаго. Съ привѣтственными рѣчами выступили Н. М. Минскій, А. Бѣлый и В. Ходасевичъ. На четвертомъ засѣданіи — И. Эренбургъ читалъ новые разсказы — „Трубки" и В. Позернъ — свои стихи. На пятомъ засѣданіи присутствовали нѣкоторые вновь прибывшіе изъ Россіи литераторы — Ю. И. Айхенвальдъ, В. Лидинъ и др. Въ эту пятницу Бѣлый читалъ свои „Афоризмы", Н. Оцупъ сдѣлалъ краткій докладъ о „Цехѣ поэтовъ" и Георгій Ивановъ прочелъ рядъ своихъ стиховъ. Шестая пятница была цѣликомъ посвящена пріѣхавшему изъ Россіи поэту В. В. Маяковскому, который послѣ краткаго теоретическаго вступленія, опредѣляющаго мѣсто футуризма въ современной литературѣ, прочелъ рядъ своихъ произведеній. На этой же пятницѣ присутствовалъ только что пріѣхавшій изъ Эстоніи Игорь Сѣверянинъ. На седьмомъ засѣданіи В. Шкловскій сдѣлалъ докладъ на тему „Литература и кинематографъ", вызвавшій оживленныя пренія, въ которыхъ участвовали А. Бѣлый, В. Маяковскій, Левидовъ, А. Шредеръ и др. На этомъ засѣданіи присутствовалъ только что пріѣхавшій Евг. Чириковъ.

На годовомъ собраніи „Дома Искусствъ" были произведены перевыборы правленія. Выбраны: — А. Бѣлый (предс.), А Ремизовъ, З. А. Венгерова, Н. М. Минскій, И. Эренбургъ, А. Толстой, В. Шкловскій, Влад. Ходасевичъ, И. Пуни, П. Сувчинскій, Феррари (секр.).

*

19 сентября пріѣхавшіе изъ Россіи Ю. В. Ключниковъ и Ю. М. Потѣхинъ сдѣлали докладъ на тему: „Россія — сегодня".

*

„Союзъ русскихъ журналистовъ въ Берлинѣ" 3-го октября устроилъ докладъ пріѣхавшаго изъ Россіи проф. Питирима Сорокина на тему: „Современное положеніе Россіи и ея ближайшія перспективы".

*

14-го октября состоялось общее собраніе „О-ва русскихъ врачей въ Германіи", на которомъ д-ръ Угринскій сдѣлалъ докладъ: „Коммунизмъ и индивидуализмъ у цвѣтовъ".

*

16-го октября въ „Союзѣ присяжной адвокатуры" Е. Ефимовскій прочелъ докладъ на тему: „Уголовная отвѣтственность вождей побѣжденной революціи."

*

Е. Д. Кускова въ Берлинѣ прочла нѣсколько лекцій на тему: „Умерла ли Россія?"

1-го октября подъ предсѣдательствомъ Л. Н. Урванцова состоялось годичное общее собраніе „Союза сценическихъ дѣятелей въ Берлинѣ". Были заслушаны доклады секретаря Союза Александровскаго о дѣятельности правленія, финансовый отчетъ казначея Союза Шнейдера, докладъ предсѣд. рев. ком., Кроля, и произведены выборы въ правленіе. Новый составъ правленія: — предс. А. Мурскій, тов. предс. Л. Урванцовъ и Д. Монко, секретарь В. Нарцевъ, казн. Р. Шнейдеръ.

*

Въ помѣщеніи книжнаго магазина „Заря" со 2-го октября открыта выставка пріѣхавшаго изъ Парижа худ. Константина Терешковича. Въ Парижѣ К. Терешковичъ участвовалъ на многихъ выставкахъ и прочелъ рядъ докладовъ по искусству.

*

Съ пріѣздомъ изъ Россіи многихъ русскихъ философовъ въ Берлинѣ проектируется организація „Академіи духовной культуры".

*

Въ Берлинѣ организовалась „Община евангельскихъ христіанъ", состоящая изъ русскихъ гражданъ. Община устраиваетъ два раза въ недѣлю публичныя собесѣдованія со свободнымъ входомъ для желающихъ.

*

Въ Берлинѣ основалось новое изд-во „Книгоиздательство писателей въ Берлинѣ". Новое изд-во намѣтило къ выпуску рядъ книгъ по художественной литературѣ. Въ первую серію книгъ, выходящихъ въ декабрѣ, входятъ художественныя произведенія, отражающія жизнь и бытъ русской эмиграціи за послѣдніе четыре года, а имени . „Зарубежный сборникъ" —

„Одиссея". 2) Романъ Глѣба Алексѣева изъ жизни эмиграціи въ Германіи „Мертвый бѣгъ" (повѣсть зарубежныхъ лѣтъ).

ПРАГА.

9-го октября въ Прагѣ открылся второй академическій съѣздъ. На съѣздъ прибыло до 50 делегатовъ отъ русскихъ академическихъ организацій за границей. На съѣздѣ присутствуютъ: проф. Г. В. Бернадскій, Д. Д. Гриммъ, акад. Н. Н. Кондаковъ, П. И. Новгородцевъ, Е. В. Спекторскій, П. Б. Струве и др.

Предс. О-ва русскихъ ученыхъ въ королевствѣ СХС, проф. Е. В. Спекторскій, по поводу второго съѣзда русскихъ ученыхъ за границей, заявилъ слѣдующее: „Въ отличіе отъ перваго съѣзда, выносившаго резолюцію декларативнаго характера, предстоящій съѣздъ, главнымъ образомъ, будетъ занятъ техническими вопросами, связанными съ организаціей русскаго просвѣщенія заграницей. Въ программу съѣзда входятъ вопросы объ изданіи русскихъ научныхъ трудовъ заграницей, о помощи ученымъ въ Сов. Россіи, о предоставленіи высшаго образованія возможно большему числу русской эмигрантской молодежи, объ ознакомленіи ея съ литературой, исторіей, правомъ, хозяйствомъ Россіи".

Съѣздъ открылъ отъ имени правленія „Союза русскихъ академическихъ организацій" старѣйшій профессоръ-академикъ, Н. Н. Кондаковъ, обратившійся съ привѣтственной рѣчью къ съѣзду. На открытіи присутствовали представители правительства Чехословацкой Республики, чешской общественности и русскихъ общественныхъ организацій. На первомъ засѣданіи проф. П. Б. Струве сдѣлалъ докладъ „Русская наука въ русской культурѣ", въ которомъ было указано, что русская наука, какъ одно изъ явленій русской культуры, тѣснѣйшимъ образомъ связана въ своемъ развитіи со всей государственной и національной жизнью Россіи.

*

Въ августѣ, закончился первый семестръ русскаго юридическаго факультета въ Прагѣ. На семестрѣ числилось 228 студентовъ и 50 вольнослушателей. Рядъ лицъ включенъ русскимъ юридическимъ факультетомъ въ составъ группы, оставленной при факультетѣ для подготовки къ профессорскому званію. Среди этихъ лицъ С. С. Ольденбургъ по кафедрѣ политической экономіи, И. Д. Гриммъ по кафедрѣ государственнаго права, И. И. Лаппо — гражданскаго права, Е. В. Бѣлановичъ — международнаго права, А. Г. Сергѣевъ — финансоваго права.

*

Открылось при русскомъ юридическомъ факультетѣ „О-во правовѣдѣнія и общественныхъ знаній". Предсѣдателемъ О-ва избранъ Д. Д. Гриммъ, товарищами предсѣдателя — П. Б. Струве и В. А. Косинскій, секретаремъ — А. В. Маклецовъ.

ПАРИЖЪ.

Въ Парижѣ въ кафэ „Хамелеонъ" на Монпарнассѣ открылась „Выставка Тринадцати" — русскихъ поэтовъ и художниковъ.

Выставлены картины художниковъ: В. Барта, П. Кремня, Л. Воловика, К. Терешковича и А. Федера, и стихи поэтовъ: Бориса Божнева, Алекс. Гингера, Георгія Евангулова, Давида Кнута, Вал. Парнаха, Влад. Познера, Марка Талова и Анатолія Юліуса.

На вернисажѣ профессоромъ К. В. Мочульскимъ былъ прочитанъ докладъ о парижской группѣ русскихъ поэтовъ.

РИГА.

Занятія на Русскихъ Университетскихъ Курсахъ начались торжественнымъ открытіемъ. На актѣ выступили проф. А. Глейе съ рѣчью о „Лжегреческой культурѣ во второмъ высячелѣтіи до Р. Х.", пр.-доц. Вайнтробъ со словомъ о философско-художественныхъ взглядахъ В. Соловьева и проф. К. Арабажинъ съ краткимъ докладомъ о дѣятельности Курсовъ за минувшій академическій годъ. Изъ отчета проф. К. Арабажина видно, что въ теченіе двухъ семестровъ было прочитано 15 курсовъ и кромѣ того организовано нѣсколько торжественныхъ выступленій для чествованія и поминовенія великихъ русскихъ писателей; такъ, по случаю 40-лѣтія со дня смерти Достоевскаго было устроено чествованіе его памяти; второе чествованіе было посвящено памяти В. Г. Короленко; затѣмъ былъ организованъ публичный диспутъ на тему: „Что такое нація?"; кромѣ того, было устроено три литературно-научныхъ засѣданія, докладчиками на которыхъ выступали: проф. К. Арабажинъ, В. Грибовскій и М. Лазерсонъ.

*

При Рус. Унив. Курсахъ организована „Литературная Студія" для лицъ, интересующихся вопросами литературы. Цѣль Студіи: выработка сознательнаго читателя и литературнаго работника. Занятія вечернія и групповыя. Періодически устраиваются литературные вечера. Справки въ канцеляріи Универс. Курсовъ (Александровская ул., 38, гимн. Залеманъ).

Утвержденъ уставъ „О-ва дѣятелей литературы и искусства" въ Ригѣ. О-во имѣетъ цѣлью объединеніе лицъ, проявившихъ свое участіе въ литературѣ и въ искусствѣ. Организаціонная группа состоитъ изъ лицъ: ак. Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, св. худ. Ю. І. Брадецкій, Б. Витвицкая, журн. Д. И. Заборовскій, Л. С. Остроуховъ и др.

НА БАЛКАНАХЪ.

Въ Бѣлградѣ функціонируетъ „Русское лит.-худ. о-во". На полугодовомъ собраніи, подъ предсѣд. Н. А. Ростовцева, были произведены выборы правленія. Избраны: — М. А. Суворинъ (предс.), П. В. Семичовъ и А. М. Ренниковъ (товарищи предс.), Ю. Л. Ракитинъ, К. Я. Шумлевичъ, И. И. Слатинъ, Н. А. Ростовцевъ и Ю. П. Ковалевскій.

*

При просвѣтительномъ отдѣлѣ О-ва попеченія о духовныхъ нуждахъ русскихъ въ королевствѣ СХС въ Бѣлградѣ организована библіотека, преимущественно изъ книгъ духовно-философскаго содержанія.

*

По приглашенію О-ва сибиряковъ, прибывшій изъ Владивостока прот. А. Русецкій сдѣлалъ въ Бѣлградѣ докладъ: „О положеніи русскаго дѣла на Дальнемъ Востокѣ". Докладчикъ состоялъ главнымъ священникомъ Сибирской Арміи. Докладъ собралъ большое количество слушателей.

*

Въ октябрѣ, въ Софіи открытъ организованный Американскимъ Союзомъ Христіанской Молодежи техникумъ для русскихъ бѣженцевъ.

Техникумъ имѣетъ три отдѣленія: электро-техническое, строительное и землемѣрное. Курсъ обученія — 6 мѣс.

*

Въ Константинополѣ организовался „Цехъ поэтовъ", провозглашающій слѣдующее: „Къ чорту кривляніе и хулиганскую истерику — простота. Будемъ просты (въ своей сложности), какъ царьградскія фрески. Долой школу (акмеистовъ, имажинистовъ и пр.), ибо революція утвердила личность" и т. п.

Кромѣ выпускаемаго Цехомъ журнала „Театръ", Цехъ выпустилъ книгу стиховъ А. Авина „Солнечный итогъ" и готовитъ четыре книги членовъ Цеха.

*

Въ Константинополѣ функціонируютъ безплатные курсы (средства франц. верховн. комиссаріата) для молодыхъ людей и дѣвицъ района Перы и Стамбула. На курсахъ преподается французскій языкъ и коммерческія науки.

НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

По иниціативѣ комитета старшинъ коммерческаго собранія, въ Харбинѣ организовался литературно-артистическій кружокъ при собраніи для оживленія культурной жизни его путемъ взаимныхъ литературно-артистическихъ встрѣчъ, устройства вечеровъ, спектаклей, концертовъ, студій, изданія органа печати. При кружкѣ будетъ организована касса взаимопомощи.

Въ общемъ собраніи членовъ кружка 30 іюля с. г. было избрано правленіе въ составѣ: М. Э. Гильчера, А. Д. Лаврентьева, В. Я. Ротта, Ю. Е. Эльясона, А. Л. Гальперина, С. И. Гусева-Оренбургскаго, Н. И. Сусанина, Е. Х. Нилуса, Э. Л. Меттера и П. Ф. Григорьева. Предсѣдателемъ кружка избранъ М. Э. Гильчеръ, его замѣстителемъ — Е. Х. Нилусъ, казначеемъ — А. Л. Гальперинъ, завѣдующимъ литературной секціей — С. И. Гусевъ-Оренбургскій, музыкальной — Э. Л. Меттеръ, драматической — Н. И. Сусанинъ, художественной — приглашенъ Анастасьевъ, балетной — Е. Л. Оссовская.

Правленіемъ были заслушаны и утверждены доклады завѣдующихъ секціями. Литературная секція въ ближайшее время предполагаетъ устройство, кромѣ закрытыхъ вечеровъ для членовъ кружка, цѣлаго ряда публичныхъ вечеровъ. Предполагается изданіе литературно-художественнаго журнала.

Музыкальная секція предполагаетъ открыть студію музыки и пѣнія. Впослѣдствіи студію эту предположено преобразовать въ музыкальное училище. Въ теченіе зимняго сезона предполагается дать нѣсколько концертовъ камерной музыки, симфоническаго оркестра, оперныхъ спектаклей, сольныхъ выступленій и т. д.

Драматическая секція предполагаетъ открыть студію подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей. Предполагается рядъ постановокъ въ зимнемъ сезонѣ. При обсужденіи вопроса объ организаціи студіи драматическаго искусства выяснилась необходимость приглашенія преподавателей по эстетикѣ и психологіи, исторіи театра и костюма. Организуется также студія художественная и балетная.

*

Подготовительныя работы по организаціи въ Харбинѣ Общества изученія Манчжурскаго края значительно расширились: привлечено къ работѣ много знатоковъ края, собрано уже много экспонатовъ для созданія музея.

Открытіе офиціальной дѣятельности Общества задерживается отсутствіемъ посланнаго для утвержденія подлежащимъ властямъ устава, объ ускореніи утвержденія каковаго Исполнительное Бюро Общества усиленно хлопочетъ. Представители Китайской власти очень сочувственно отнеслись къ идеѣ созданія Общества и обѣщали всячески содѣйствовать его процвѣтанію.

РАЗНОЕ.

Выпущенная изд. И. П. Ладыжникова книга М. Горькаго „О русскомъ крестьянствѣ" вызвала многочисленные и различные отзывы въ русской прессѣ за рубежомъ. Большими статьями отозвались газеты: „Голосъ Россіи" (В. Черновъ), „Руль" (А. Яблоновскій), „День" (проф. К. Арабажинъ), „За Свободу", „Новое Время", „Сегодня", „Жизнь" и др.

*

Лондонское изд-во G. Bell выпустило на англійскомъ языкѣ новую книгу Енг. А. Зноско-Боровскаго, посвященную шахматной игрѣ, подъ названіемъ „The Middle Game in Chess" (Середина игры въ шахматахъ).

*

Пьеса С. Л. Полякова „Лабиринтъ" съ успѣхомъ идетъ въ Стокгольмѣ и въ Нюренбергѣ. Въ предстоящемъ зимнемъ сезонѣ „Лабиринтъ" будетъ поставленъ въ одномъ изъ нѣмецкихъ театровъ.

*

Русскій карикатуристъ Mad выпускаетъ въ свѣтъ альбомъ своихъ антибольшевистскихъ карикатуръ, какъ новыхъ, такъ и помѣщенныхъ уже въ парижскихъ газетахъ и журналахъ (Matin, Liberté, Aux Ecoutes).

3-го сентября въ Ригѣ въ больницѣ на Александровской высотѣ скончался Д. С. Гумилевъ (братъ разстрѣляннаго въ Петербургѣ поэта Н. С. Гумилева).

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Весной сего года безъ моей просьбы и даже безъ моего вѣдома, совѣтъ содружества „Веретено" любезно включилъ меня въ число членовъ содружества, послѣ чего я ни разу не получала извѣщеній о собраніяхъ. Желая ознакомиться съ содружествомъ „Веретено", я выразила желаніе присутствовать на одномъ изъ собраній, однако, одинъ изъ членовъ совѣта сказалъ мнѣ, что мое присутствіе нежелательно и просилъ меня повременить. Такимъ образомъ, содружество „Веретено" по существу является для меня таинственнымъ и судить о немъ я могу лишь по двумъ вышедшимъ номерамъ „Веретеньша", что, надѣюсь, недостаточно для ознакомленія съ настоящими цѣлями и задачами содружества. Въ виду всего вышесказаннаго, прошу содружество „Веретено" болѣе не считать меня въ числѣ своихъ членовъ.

НАТАЛІЯ ПОТАПЕНКО.

Берлинъ, 15-го окт. 1922 г.

ПИСАТЕЛИ

СУДЬБА И РАБОТЫ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, УЧЕНЫХЪ И ЖУРНАЛИСТОВЪ ЗА 1918 — 1922 г.

С. Л. Авалiани, коопераоръ, профессоръ сельско-хоз. экономiи, скончался въ Тифлисѣ.

Арк. Тимоф. Аверченко прiѣхалъ изъ Праги въ Берлинъ.

Д. Айзманъ, беллетристъ, послѣ продолжительной болѣзни скончался осенью с. г. въ Царскомъ Селѣ.

Юлiй Исаев. Айхенвальдъ, литературный критикъ, висланъ совѣтской властью изъ предѣловъ Р. С. Ф. С. Р. за границу. Находится въ настоящее время въ Берлинѣ (Kaiserallee, 207, Pension Marzan).

Глѣбъ Васильевичъ Алексѣевъ (Berlin, Culmstr. 36), написалъ романъ изъ жизни эмиграцiи въ Германiи „Мертвый Бѣгъ" (повѣсть зарубежныхъ лѣтъ). Романъ выходитъ въ свѣтъ въ „Книгоиздательствѣ писателей въ Берлинѣ" въ декабрѣ. Въ книгоиздательствѣ Е. А. Гутнова вышла въ свѣтъ книжка его разсказовъ „Живая Тупь" — отображенiе войны и революцiи. Въ изд-вѣ „Мысль" выходитъ его книга „Живыхъ Встрѣчъ" (русскiе писатели въ революцiи). Въ издательствѣ С. Ефрона выходитъ подъ его редакцiей альманахъ новѣйшей украинской литературы „Жатва". Работаетъ надъ книгой „Чаша Св. Дѣвы".

А. Андогскiй, профессоръ, бывш. начальникъ Воен. Академiи, выпустилъ во Владивостокѣ книгу „Встрѣчный бой". Въ 1921 г. сотрудничалъ въ газетѣ „Голосъ Родины", гдѣ напечаталъ „Соперничество Японiи въ Тихомъ Океанѣ". Въ iюнѣ 1922 года былъ избранъ владивостокскимъ городскимъ головой.

Б. П. Бабкинъ, профессоръ физiологiи Одесскаго Ун-та, высланъ изъ предѣловъ Р. С. Ф. С. Р. за границу и прибылъ въ Константинополь.

Ал-дръ Львовичъ Байковъ, проф. международнаго права, по возвращенiи въ Москву изъ Крыма, гдѣ читалъ лекцiи въ Симферопольскомъ ун-тѣ, высланъ изъ предѣловъ Совѣтской Россiи за границу и находится въ Берлинѣ (Berlin, Kleiststr. 32).

Ник. Ал-дров. Бердяевъ, философъ, высланъ изъ предѣловъ сов. Россiи, находится въ Берлинѣ (Berlin, Rankestrasse 31 —32 bei Dehme). Издаетъ въ Американскомъ Изд-вѣ слѣдующiя книги: „Мiросозерцанiе Достоевскаго", „Религiозный смыслъ исторiи", „Типы современной религiозно-философской мысли въ Россiи и на Западѣ". Съ группою другихъ философовъ, высланныхъ изъ Сов. Россiи, организуетъ „Общество духовнаго возрожденiя".

Мих. Павл. Бобинъ, профессоръ римскаго права Московскаго у-та, скончался 22 сентября с. г. въ Москвѣ.

Евг. Ал-дровичъ Болотовъ, проф. Московскаго Высшаго Техническаго Училища, скончался 28 сентября с. г. въ Москвѣ.

Протоiерей Буткевичъ, бывш. членъ Гос. Совѣта, авторъ ряда работъ по богословскимъ вопросамъ, послѣ постановленiя Высшаго Церковнаго Управленiя объ увольненiи его на покой объявилъ о своемъ переходѣ въ католицизмъ.

Н. Н. Веселовскiй, проф. геодезiи, скончался 28 авг. с. г. въ Москвѣ.

Мих. Ос. Гершензонъ выѣхалъ изъ Москвы для лѣченiя за границу. Находится въ настоящее время въ одномъ изъ санаторiевъ въ Германiи.

В. А. Гиляровскiй, старѣйшiй русскiй поэтъ, заканчиваетъ свои воспоминанiя „За сорокъ лѣтъ" и поэму „Москва" (вторую часть его вышедшей книги „Петербургъ").

Н. А. Гофманъ, пушкинiанецъ, прiѣхалъ изъ Петербурга въ Берлинъ. Въ мѣстныхъ издательствахъ издаетъ нѣсколько своихъ послѣднихъ работъ о Пушкинѣ.

Георг. Дм. Гребенщиковъ написалъ пьесу, въ 4-хъ дѣйств. „Изъ пѣсни слово".

Борисъ Ал-дровичъ Гривцовъ живетъ въ Москвѣ (Большой Чернышевскiй, д. 11, кв. 2), работаетъ въ театральныхъ журналахъ, состоитъ ректоромъ Госуд. Института Слова, издаетъ „Альбомъ Фалилѣева", сотрудничаетъ въ журналѣ „Среди Коллекцiонеровъ".

Влад. Христіан. Даватцъ, проф. Харьковскаго у-та, сотрудникъ „Таврическаго Голоса“, офицеръ арміи Врангеля, находился въ Галлиполи, гдѣ читалъ лекціи по математикѣ, переѣхалъ въ Болгарію, гдѣ занимался культурно-просвѣтительной дѣятельностью среди русскихъ солдатъ. По распоряженію болгарскаго правительства высланъ въ Тырновъ-Сейменъ.

Сергѣй Есенинъ, поэтъ, выѣхалъ вмѣстѣ съ танцовщицей Айседорой Дунканъ и А. Ветлугинымъ въ концѣ сентября изъ Парижа въ турнэ по Америкѣ.

Владиміръ Григорьевичъ Жуковскій, авторъ премированнаго Академіей Наукъ сборника стихотвореній, бывшій совѣтникомъ адм. Колчака по иностраннымъ дѣламъ, былъ взятъ совѣтскими войсками въ поѣздѣ Колчака; осужденъ трибуналомъ на 10 лѣтъ принудительныхъ работъ. Скончался въ іюлѣ с. г. въ Новониколаевской тюрьмѣ отъ болѣзни сердца.

Бор. Конст. Зайцевъ живетъ въ Берлинѣ (Kurfürstenstr. 144), работаетъ надъ новымъ романомъ.

Михаилъ Зощенко въ ближайшее время выпускаетъ въ изд-вѣ „Былое“ книгу „Разнотынъ“.

Георгій Ивановъ, поэтъ, выѣхалъ изъ Россіи за границу, живетъ во Франціи, въ Нормандіи. Проѣздомъ выступалъ въ Берлинѣ въ „Домѣ Искусствъ“ съ чтеніемъ своихъ произведеній.

Ив. Ал-дров. Ильинъ, проф. философіи Московскаго ун-та, высланъ изъ предѣловъ Россіи за границу. Живетъ въ Берлинѣ (Bayreuther Strasse 12, Pension Holtz).

Н. А. Казнинъ, бывш. редакторъ „Таврическаго Голоса“, живетъ въ Софіи, редактируетъ газету „На родину“, принимаетъ дѣятельное участіе въ „Союзѣ возвращенія на родину“.

Левъ Платоновичъ Карсавинъ, проф. исторіи Петрогр. у-та, находится до сихъ поръ въ тюремномъ заключеніи въ Петроградѣ.

Ал-дръ Ал-дровичъ Кизеветтеръ, проф. русской исторіи Моск. у-та, высланъ изъ предѣловъ Россіи. Находится въ Берлинѣ.

Д. Н. Крачковскій, беллетристъ, жившій послѣ новороссійской эвакуаціи на островѣ Кипрѣ, находится въ настоящее время въ гор. Тырново въ Болгаріи. За это время имъ написанъ рядъ новыхъ разсказовъ, закончены воспоминанія, первая часть которыхъ была издана „Шиповникомъ“, и приготовленъ къ печати сборникъ избранныхъ разсказовъ.

Л. А. Кроль, инженеръ, членъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія и членъ Дальневосточнаго Учредительнаго Собранія, членъ ц. к. партіи народной свободы, видный общественный и политическій дѣятель Урала (Екатеринбургъ), въ 1920 г. былъ однимъ изъ редакторовъ демократической газеты „Вечеръ“, а затѣмъ сотрудничалъ въ газетѣ „Голосъ Родины“, помѣщая въ ней статьи на политическія темы. Въ 1922 году выпустилъ книгу „За три года“, посвященную историческому обзору событій за время съ 1918 по 1921 годъ. Проживаетъ во Владивостокѣ.

Ив. Ив. Лапшинъ, проф. философіи Петерб. у-та, находится въ тюремномъ заключеніи въ Петербургѣ.

Вл. Германовичъ Лидинъ, прибылъ на короткое время изъ Москвы (Малая Никитская, д. 8, кв. 61) въ Берлинъ. За время революціи напечаталъ рядъ повѣстей и разсказовъ въ альманахахъ „Сѣверные Дни“, „Кругъ“ „Шиповникъ“ и др. Въ настоящее время печатаетъ въ берлинскомъ изд-вѣ „Огоньки“ два тома повѣстей „Повѣсти о многихъ дняхъ“ и „Курга-баба“, въ изд-вѣ „Геликонъ“ выходитъ его книга „Мышиные будни“, готовитъ къ печати „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ („Ночи и Дни“). Послѣдняя повѣсть переводится на англійскій языкъ для одного Нью-іоркскаго изд-ва.

Левъ Лунцъ, „серапіоновецъ“, закончилъ трагедію „Бертранъ де-Борнъ“.

Ник. Маринъ (псевд.), журналистъ, въ 1918 и 1919 году сотрудничалъ въ газетахъ „Приамурье“ и „Приамурская Жизнь“, издаваемыхъ въ Хабаровскѣ, въ 1920 и 1921 году, въ газетахъ „Вечеръ“ и „Голосъ Родины“. Въ текущемъ году сотрудничаетъ въ газ. „Наша рѣчь“, выходящей во Владивостокѣ, взамѣнъ закрытой въ административномъ порядкѣ „Голоса Родины“, въ которой напечаталъ рядъ очерковъ изъ мѣстной жизни. Одновременно состоитъ сотрудникомъ газеты „Послѣднія Новости“.

Влад. Влад. Маяковскій, поэтъ, пріѣхалъ изъ Москвы черезъ Штеттинъ въ Берлинъ (Kurfürstenstr. „Kurfürstenhotel“). Въ 1918 году выпустилъ въ Московскомъ изд-вѣ „Имо“ „Мистерію-буффъ“ и „Война и Миръ“, въ 1919 г. въ томъ же изд-вѣ „Все сочиненное Маяковскимъ“, въ 1920 г. въ Госиздатѣ „150 милліоновъ“ и тамъ же „Сказка о дезертирѣ“, въ 1921 году выпустилъ въ изд. „Тео“ второе дополненное изданіе „Мистеріи-буффъ“, въ 1922 г. книгу „Люблю“, въ Московскомъ изд-вѣ „Мафъ“ и въ Ригѣ (послѣднее изданіе было конфисковано латвійскими властями),

въ Московскомъ изд-вѣ „Вхутемасъ“ „Маяковскій издѣвается“ и тамъ же полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ „Тринадцать лѣтъ работы“. Въ Москвѣ же печатается въ изд-вѣ „Кругъ“ книга лирики. Въ Берлинѣ въ изд-вѣ „Наканунѣ“ выходитъ его книга „Избранный Маяковскій“. Пишетъ утопію изъ искусства будущихъ лѣтъ „Пятый Интернаціоналъ“.

И. Л. Миллеръ, журналистъ, до 1920 года редактировалъ и издавалъ въ Хабаровскѣ газету „Приамурскую Жизнь“. Въ 1920 году былъ арестованъ коммунистами и содержался въ тюрьмѣ. По освобожденіи въ іюнѣ 1920 года выѣхалъ во Владивостокъ гдѣ сотрудничалъ въ газ. „Вечеръ“. Въ настоящее время находится въ Харбинѣ, гдѣ редактируетъ ежедневную вечернюю газету „Рупоръ“. Написалъ 4-хъ актную пьесу „Догорѣли огни“ и нѣсколько миніатюръ.

А. Г. де-Монкларъ (А. Багрянскій, А. Брянскій) вернулся изъ Константинополя въ Софію, состоитъ членомъ редакціонной коллегіи газеты „На родину“, выступаетъ публично какъ докладчикъ „Союза возвращенія на родину“.

Марія Моравская, поэтесса, живетъ сейчасъ въ Нью-Іоркѣ. За послѣдніе годы она много путешествовала, объѣздила Вестъ-Индію (Доминика, Барбадосъ, Мартиникъ), Центральную и Южную Америку (Перу, Чили). Работаетъ въ цѣломъ рядѣ американскихъ журналовъ, гдѣ помѣщаетъ разсказы, стихи и статьи, написанные по англійски. Въ Чили она читала лекціи на испанскомъ языкѣ.

П. П. Муратовъ, пріѣхалъ изъ Москвы въ Берлинъ. Намѣренъ проѣхать въ Италію, гдѣ думаетъ закончить рядъ работъ объ итальянскихъ художникахъ эпохи „Барокко“.

Иванъ Ал-ѣев. Новиковъ, членъ правленія Всерос. Союза Поэтовъ, живетъ въ Москвѣ (Еропкинскій пер., д. 9, кв. 10). Написалъ новые разсказы „Жертва“, „Адамъ“, „Возлюбленная — Земля“, „Вишни“. Выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ повѣсть „Душка“ (изд. „Костры“) и второе изданіе „Калина въ палисадникѣ“.

Ирина Одоевцева, поэтесса, пріѣхала изъ Петербурга въ Берлинъ.

Мих. Анд. Осоргинъ высланъ изъ предѣловъ Россіи за границу, живетъ въ Берлинѣ состоитъ редакторомъ вновь возникшей вмѣсто „Голоса Россіи“ газеты „Дни“. За послѣдніе годы напечаталъ въ Ригѣ книгу „Изъ маленькаго домика“. Въ Москвѣ выходитъ съ его предисловіемъ „Альбомъ В. Г. Фалилѣева, Италія“. Перевелъ пьесу Гоцци „Турандотъ“, которая идетъ въ Московскомъ Худ. Театрѣ и появится вскорѣ въ роскошномъ изданіи. Перевелъ рядъ пьесъ Гольдони. Готовитъ сборникъ итальянскихъ разсказовъ.

Вл. Льв. Піотровскій, поэтъ, выпустилъ въ новомъ берлинскомъ изд-вѣ „Трудъ“ книгу „Примѣры господина аббата“ и тамъ же выпускаетъ книгу разсказовъ „Крикъ изъ ночи“.

Влад. Познеръ, молодой поэтъ, членъ о-ва „Серапіоновы братья“, печатаетъ стихи въ журн. „Эпопея“, „Совр. Зап.“ Имѣетъ готовой къ печати книгу стиховъ „Каменный Вѣкъ“.

Н. Н. Покровскій, б. министръ при царскомъ правительствѣ, приглашенъ профессоромъ во вновь открывающійся въ Ковнѣ Литовскій у-тъ читать лекціи по финансовому праву.

Ал-дръ Ивановичъ Поповскій, б. редакторъ Полтавской газеты „Голосъ Юга“, въ настоящее время проживаетъ въ Софіи и работаетъ въ „Вѣстникѣ Земледѣльца“.

А. В. Пѣшехоновъ высланъ изъ предѣловъ Россіи за границу и живетъ въ Ригѣ.

Серг. Дмитр. Разумовскій, литераторъ и драматургъ, сотрудникъ період. изд., подготовилъ къ печати „Странникъ любви“ („Возрожденный Донъ-Жуанъ“) въ 3-хъ карт. и работаетъ, въ виду полнаго отсутствія учебниковъ по исторіи театра, надъ „Популярно-конспективной исторіей Русской Сцены въ связи съ развитіемъ Западно-Европейскаго театра съ момента возникновенія драмат. искусства и до 1923 г.“ — Состоитъ членомъ правленія „О-ва Русскихъ Драмат. Писателей и Оперн. Композиторовъ“ въ Москвѣ и членомъ хозяйств. комиссіи правленія „Всероссійскаго Союза Писателей“ въ Москвѣ. Проживаетъ въ Москвѣ, (Поварская, Скатертный пер. 14 кв. 4).

Влад. Ник. Ракинтъ, проф. и ученый секретарь Россійскаго Института Исторіи Искусствъ, ассистентъ Эрмитажа, находится въ настоящее время въ Берлинѣ (Berlin-Wilmersdorf, Nachodstr. 3) въ продолжительномъ заграничномъ отпуску, работаетъ спеціально въ области зап.-европ. искусства, сотрудничаетъ въ художественномъ изд-вѣ „Академія“, въ журналѣ „Театръ“ и др.

Влад. Ал-дров. Розенбергъ, б. редакторъ „Русскихъ Вѣдомостей“, высланъ изъ предѣловъ Россіи за границу и нахо-

дится въ Берлинѣ (Motzstr. 31, pens. Victoria-Luise). Пишетъ для Американскаго изд. біографію Новикова.

Соломонъ Льв. Поляковъ (Литовцевъ) живетъ въ Берлинѣ (Spessartstr. 5), написалъ повѣсть „Саббатай Цеви, мессія безъ народа" (Унив. изд-во), выпускаетъ въ изд-вѣ „Огоньки" сборникъ статей по еврейскому вопросу „Подъ знакомъ большевизма и сіонскихъ „протоколовъ". Его драма „Лабиринтъ" (выходящая въ нѣмецкомъ переводѣ въ изд-вѣ И. П. Ладыжникова) прошла съ успѣхомъ въ гор. Нюренбергѣ и пойдетъ въ этомъ сезонѣ въ Королевскомъ Театрѣ въ Стокгольмѣ и въ Дагмарскомъ Театрѣ въ Копенгагенѣ.

Н. Н. Русовъ, беллетристъ, живетъ въ Москвѣ (Уланскій пер. д. 30 кв. 15). Въ ближайшее время выпускаетъ въ свѣтъ два романа: „Первый цвѣтъ" (раньше арестованный московской цензурой за изображеніе быта подмосковныхъ женскихъ монастырей) и „Любопытство", написанный еще въ 1916 году, сборникъ статей и философскую тетралогію подъ заглавіемъ „Credo quia absurdum" (ч. I, „Гносеологическій романъ", ч. II, „Два мудрованія плоти", ч. III, „Цвѣтная истина" и ч. IV „Святая тьма").

С. Г. Скиталецъ (Петровъ) выѣхалъ изъ Совѣтской Россіи 17 мая 1921 года и въ январѣ 1922 года прибылъ въ Харбинъ, гдѣ и состоитъ постояннымъ сотрудникомъ газ. „Русскій Голосъ", издаваемой и редактируемой С. В. Востротинымъ, помѣщая въ ней свои литературныя воспоминанія о Л. Андреевѣ, Ф. Шаляпинѣ и др. Въ томъ же „Русскомъ Голосѣ" Скиталецъ предполагаетъ печатать „силуэты русской революціи", въ которыхъ имъ даны художественныя характеристики Ленина, Троцкаго и Плеханова. Въ 1921 году въ Благовѣщенскѣ Скиталецъ совмѣстно съ другими писателями выпустилъ литературный альманахъ „Утесъ", гдѣ былъ напечатанъ разсказъ его „Лавръ Щибраевъ" изъ исторіи рабоче-крестьянской республики. Въ послѣднее время Скиталецъ находился во Владивостокѣ и устраивалъ литературные вечера. Кромѣ того имъ была поставлена пьеса „Вольница", передѣланная изъ разсказа „Огарки", въ которой принималъ участіе и самъ авторъ, въ одной изъ главныхъ ролей. Пьеса успѣха не имѣла.

Юрій Слезкинъ написалъ новый романъ изъ революціонной эпохи „Столовая гора". Представителемъ его по продажѣ этого романа заграничнымъ издательствамъ является писатель Александръ Дроздовъ.

Михаилъ Слонимскій (Петербургъ, Мойка, 57 „Домъ Искусствъ") въ ближайшее время выпускаетъ въ изд-вѣ „Былое" книгу „Палата смертниковъ".

Питиримъ Ал-дров. Сорокинъ, проф. социологъ, высланъ сов. правительствомъ изъ предѣловъ Россіи. Находится въ настоящее время въ Прагѣ. За послѣдніе годы въ Россіи имъ были напечатаны слѣд. сочиненія: „Система соціологіи", 2 тома, „Популярный учебникъ соціологіи", „Элементарный учебникъ общей теоріи права". Изд-во „Колосъ" въ Петербургѣ печатаетъ его обширное біо-соціологическое изслѣдованіе „Голодъ, какъ факторъ". Имѣетъ рядъ неизданныхъ работъ: „Революція", соціологическое изслѣдованіе революціи (12—14 печ. листовъ), „Коммунистическое общество, его примѣры въ исторіи, его сущность, причины и слѣдствія" (критика коммунизма) (ок. 15 печ. листовъ), „Третій томъ системы соціологіи", посвященный ученію о соціальныхъ силахъ (ок. 30 печ. листовъ), „Классъ пролетаріата въ ряду другихъ соціальныхъ классовъ" (антропологія, психологія и соціологія пролетаріата) (ок. 20 печ. листовъ), „Война, какъ соціальный фактъ" (окт. 5 печ. листовъ), „Оправданіе мѣщанства и обывательщины" (ок. 6 печ. листовъ), „Соціологическіе этюды", сборникъ статей (ок. 15 печ. листовъ).

Федоръ Август. Степунъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Берлинъ (Stegliz, Moltkestr. 1). Въ Москвѣ редактировалъ издат. и журналъ „Шиповникъ". Пишетъ философскій романъ въ формѣ писемъ „Николай Переслегинъ".

Дм. Мирон. Стоновъ, беллетристъ, живетъ въ Москвѣ (Трехпрудный пер., д. 3. кв. 5), печаталъ разсказы въ альманахахъ „Кольцо" (Москва), въ журналѣ „Сполохи" (Берлинъ) и другихъ изданіяхъ. Въ изд-вѣ Е. А. Гутнова въ Берлинѣ выходитъ книга его разсказовъ „Конецъ Антона Павловича".

Н. Ф. Сумцовъ, этнографъ, профессоръ русской литературы Харьковскаго у-та, скончался въ Харьковѣ 14 сентября с. г.

Игорь Сѣверянинъ изъ Эстоніи прибылъ въ Берлинъ. Въ Берлинѣ вышла его послѣдняя книга въ изд-вѣ „Отто Кирхнеръ" — „Падучая стремнина". Извѣстіе о его поѣздкѣ въ Петербургъ — ложно. Намѣренъ выступить въ поэзовечерахъ въ Берлинѣ, въ Прагѣ и въ Софіи.

Ф. И. Успенскій, археологъ, членъ Россійской Академіи Наукъ, приговоренъ, въ связи съ репрессіями, сопровождавши-

ми изъятіе церковныхъ цѣнностей, къ 5 годамъ лишенія свободы.

Семенъ Людвигов. Франкъ, проф. философіи Московскаго у-та, высланъ изъ предѣловъ Россіи за границу, живетъ въ Берлинѣ (Karl-Schradestr. 1), участвуетъ вмѣстѣ съ Н. А. Бердяевымъ въ организаціи въ Берлинѣ религіозно-философскаго института „Академія духовнаго возрожденія". Въ 1922 г. въ Россіи появилась его книга „Методологія общественныхъ наукъ".

Л. А. Чугаевъ, проф. химіи, скончался осенью с. г. отъ сыпного тифа въ Вологодской губ.

Серг. Мих. Шевляковъ, бывш. сотрудникъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" участвовалъ въ гражданской войнѣ, въ арміи Деникина и Врангеля, изъ Крыма эвакуировался въ Галлиполи, гдѣ организовалъ такъ назыв. „Устную газету", затѣмъ переселился въ Болгарію, гдѣ работалъ въ газетѣ „Русское Дѣло" и читалъ лекціи въ частяхъ арміи. Въ сентябрѣ с. г. вмѣстѣ съ чинами штаба Врангеля, по распоряженію болгарскаго правительства, высланъ въ г. Тырновъ-Сейманъ. Закончилъ книгу „Россія въ ночи" (встрѣчи, впечатлѣнія, характеристики большевистскихъ дѣятелей и бѣлыхъ вождей). Ищетъ для нея издателя.

Викт. Бор. Шкловскій въ изд-вѣ „Геликонъ" печатаетъ книги: „Ходъ коня" (сб. ст.), „Революція и фронтъ" (2-е изд.), „Сентиментальное путешествіе", и въ „Русскомъ Универсальномъ изд-вѣ" — „Литература и кинематографъ". Заканчиваетъ работу „Сюжетъ какъ явленіе стиля". Для изд-ва И. П. Ладыжникова пишетъ книгу „Современная русская проза".

Проф. Б. Эйхенбаумъ, работаетъ надъ архивомъ Лѣскова. Имъ найденъ цѣлый рядъ неизданныхъ вещей.

С. К. Эфронъ (Литвинъ), б. сотрудникъ „Историч. Вѣстника", авторъ разсказовъ изъ еврейской жизни, живетъ въ Сербіи въ одномъ изъ маленькихъ монастырей. Изрѣдка пишетъ въ „Новомъ Времени".

Іосифъ Владимировичъ Яшунскій, секретарь редакціи „Энциклопедическихъ Словарей" изд-ва „Брокгаузъ-Ефронъ" въ СПБ. Въ 1919 г. вернулся въ СПБ., послѣ кратковременнаго пребыванія на Украинѣ, и возобновилъ работы по редактированію третьяго изданія „Малаго Энциклопедическаго Словаря Брокгаузъ-Ефронъ"; въ 1920 г. работа прекратилась. Подготовилъ къ печати дополненныя изданія своихъ переводовъ: „Фоссъ. О сущности математики" (для „Научнаго Книгоиздательства") и „Ауэрбахъ. Основныя понятія современнаго естествознанія" (для изд-ва „Брокгаузъ-Ефронъ"; готовый наборъ книги позднѣе сгорѣлъ при пожарѣ типографіи). Напечаталъ: „Еврейская періодическая печать въ 1917—1918 г. г." (вып. III „Временника Россійской Книжной Палаты", ПГ. 1920)- дополненное изданіе этой библіогр. работы нынѣ печатается въ еврейскомъ журналѣ „Бихэрвэлт", Варшава. Съ 1920 г. живетъ въ Польшѣ (Wilno, W. Pohulanka 36) и сотрудничаетъ въ еврейскихъ издательствахъ.

ПИСАТЕЛИ — О СЕБѢ

ВЛАДИМІРЪ МАЯКОВСКІЙ

Тема

Я — поэтъ. Этимъ и интересенъ. Объ этомъ и пишу. Люблю ли я, или я азартный, о красотахъ кавказской природы также — только если это отстоялось словомъ.

Память

Бурлюкъ говорилъ: у Маяковскаго память, что дорога въ Полтавѣ, — каждый галошу оставляетъ. Но лица и даты не запоминаю. Помню только, что въ 1100 году куда-то переселялись какіе-то „доряне". Подробностей этого дѣла не помню но должно быть дѣло серьезное. Запоминать же — „сіе написано 2 мая. Павловск. Фойтемы" — дѣло вовсе мелкое. Поэтому свободно плаваю по своей хронологіи.

Главное

Родился 7 іюля 1894 г. (или 93 — мнѣніе мамы и послужнаго списка отца расходятся. Во всякомъ случаѣ, не раньше). Родина — с. Багдады, Кутаисск. губ. Г. С. Р.

Составъ семьи

Отецъ: Владиміръ Константиновичъ (багдадскій лѣсничій) умеръ въ 1906 г.

Мама: Александра Алексѣевна | Живутъ.
Сестры: а) Люда | К. Пресня,
б) Оля | д. 44 кв. 6а

Есть еще тетя Анюта. Другихъ Маяковскихъ, повидимому, не имѣется

1-ое воспоминаніе

Понятіе живописное. Мѣсто неизвѣстно. Зима. Отецъ выписалъ журналъ „Родина". У родины „юмористическое" приложеніе. О смѣшныхъ говорятъ и ждутъ. Отецъ ходитъ и поетъ свое всегдашнее „алонъ занфанъ де ля по четыре". Родина пришла. Раскрываю и сразу (картинка) ору „какъ смѣшно! мужчина съ тетей цѣлуются". Смѣялись. Позднѣе, когда пришло приложеніе и надо было дѣйствительно смѣяться, выяснилось — раньше смѣялись только надо мною. Такъ разошлись наши понятія о картинкахъ и о юморѣ.

2-ое воспоминаніе

Понятіе поэтическое. Лѣто. Пріѣзжаетъ масса. Красивый длинный студентъ — В. Глушковскій. Рисуетъ. Кожаная тетрадища. Блестящая бумага. На бумагѣ длинный человѣкъ безъ штановъ (а можетъ въ обтяжку) передъ зеркаломъ. Человѣка зовутъ „Евгеніонѣгинымъ". И Вася былъ длинный и нарисованный былъ длинный. Ясно: Васю я считалъ этимъ самымъ „Евгеніонѣгинымъ". Мнѣніе держалось года три.

3-ье воспоминаніе

Практическія понятія. Ночь. За стѣной безконечный шопотъ папы и мамы. О рояли. Всю ночь не спалъ. Свербила одна и та же фраза. Утромъ бросился бѣгомъ: „Папа что такое разсрочка платежа". Объясненіе очень понравилось.

Дурныя привычки

Лѣто. Потрясающія количества гостей. Накапливаются именины. Отецъ хвастается моей памятью. Ко всѣмъ именинамъ меня заставляютъ заучивать стихи. Помню—спеціально для каковыхъ именинъ:

какъ-то разъ передъ толпою
соплеменныхъ горъ.

„Соплеменныя" и „скалы" меня раздражали. Кто они такія, я не зналъ, а въ жизни онѣ не желали мнѣ попадаться. Позднѣе я узналъ, что это поэтичность и сталъ тихо ее ненавидѣть.

Корни романтизма

Первый домъ, вспоминаемый отчетливо. Два этажа. Верхній нашъ. Нижній — винный заводикъ. Разъ въ году — арбы винограда. Давили. Я ѣлъ. Они пили. Все это — территорія стариннѣйшей грузинской крѣпости подъ Багдадами. Крѣпость очетыреугольнивается крѣпостнымъ валомъ. Въ углахъ валовъ — накаты для пушекъ. Въ валахъ бойницы. За валами рвы. За рвами лѣса и шакалы. Надъ лѣсами горы. Подросъ. Бѣгалъ на самую высокую. Снижаются горы къ сѣверу. На сѣверѣ разрывъ. Мечталось о Россіи. Тянуло туда невѣроятнѣйше.

Необычайное

Лѣтъ семь. Отецъ сталъ брать меня въ верховые объѣзды лѣсничества. Перевалъ. Ночь. Обстигло туманомъ. Даже отца не видно. Тропка узѣйшая. Отецъ, очевидно отдернулъ рукавомъ вѣтку шиповника. Вѣтка съ размаху шипами въ мои щеки. Чуть повизгивая вытаскиваю комочки. Сразу пропали и туманъ и боль. Въ разступившемся туманѣ подъ ногами ярче неба. Это электричество. Послѣ электричества совершенно бросилъ интересоватся природой. Неусовершенствованная вещь.

Ученіе

Учила мама и всякоюродныя сестры. Ариѳметика казалась неправдоподобной. Приходится разсчитывать яблоки и груши, раздаваемые мальчикамъ. Мнѣ жъ всегда давали и я всегда давалъ безъ счета. На Кавказѣ фруктовъ сколько угодно. Читать выучился съ удовольствіемъ.

Первая книга

Какая то „Птичница Агафья". Если бъ мнѣ въ то время попали нѣсколько такихъ книгъ — бросилъ бы читать совсѣмъ. Къ счастью — вторая „Донъ-Кихотъ". Вотъ это книга! Сдѣлалъ деревянный мечъ и латы, разилъ окружающее.

Экзаменъ

Переѣхали. Изъ Багдадъ въ Кутаисъ. Экзаменъ въ гимназію. Выдержалъ. Спросили про якорь (на моемъ рукавѣ) — зналъ хорошо. Но священникъ спросилъ — что такое „око". Я отвѣтилъ — „Три фунта" (такъ по грузински). Мнѣ объяснили любезные экзаменаторы, что „око" это глазъ по древнему, церковно-славянскому. Изъ за этого чуть не провалился. Поэтому возненавидѣлъ сразу — все древнее, все церковное и все славянское. Возможно что отсюда пошли и мой футуризмъ, и мой атеизмъ, и мой интернаціонализмъ.

Гимназія

Приготовительный 1 и 2-ой. Иду первымъ. Весь въ пятеркахъ. Читаю Жюля Верна.

Вообще фантастическое. Какой то бородачъ сталъ во мнѣ обнаруживать способности художника. Учитъ даромъ.

Японская война

Увеличилось количество газетъ и журналовъ дома. „Русскія Вѣдомости", „Русское Слово", „Русское Богатство" и пр. Читаю все. Безотчетно взвинченъ. Восхищаютъ открытки крейсеровъ. Увеличиваю и перерисовываю. Появилось слово „прокламація". Прокламаціи вѣшали грузины. Грузиновъ вѣшали казаки. Мои товарищи грузины. Я сталъ ненавидѣть казаковъ.

Нелегальщина

Пріѣхала сестра изъ Москвы. Восторженная. Тайкомъ дала мнѣ длинныя бумажки. Нравилось: очень рискованно. Помню и сейчасъ. Первая:

„Опомнись, товарищъ, опомнись-ка братъ,
скорѣй брось винтовку на землю."

и еще какое то, съ окончаніемъ

„. . . а не то путь иной
къ нѣмцамъ, съ сыномъ съ женой и съ мамашей". . .

(о царѣ).

Это была революція. Это было стихами. Стихи и революція какъ-то объединились въ головѣ.

905 г.

Не до ученія. Пошли двойки. Перешелъ въ четвертый только потому, что мнѣ расшибли голову камнемъ — (на Ріонѣ подрался) на переэкзаменовкахъ пожалѣли. Для меня революція началась такъ: мой товарищъ, поваръ священника Исидоръ отъ радости босой вскочилъ на плиту — убили генерала Алиханова. Усмиритель Грузіи. Пошли демонстраціи и митинги. Я тоже пошелъ. Хорошо. Воспринимаю живописно: въ черномъ анархисты, въ красномъ эсэры, въ синемъ эсдеки, въ остальныхъ цвѣтахъ — федералисты.

Соціализмъ

Рѣчи, газеты. Изъ всего — незнакомыя понятія и слова. Требую у себя объясненій. Въ окнахъ бѣлыя книжицы. „Буревѣстникъ". Про то же. Покупаю все. Вставалъ въ 6 утра. Читалъ запоемъ. Первая „Долой Соціалдемократовъ". Вторая: „Экономическія бесѣды". Но всю жизнь поражала способность соціалистовъ распутывать факты, систематизировать міръ. „Что читать"? — кажется, Рубакина. Перечелъ совѣтуемое. Многое не понимаю. Спрашиваю. Меня ввели въ марксистскій кружокъ. Попалъ на Эрфуртскую. Середина. О „люмпенпролетаріатѣ". Сталъ считать себя соціалдемократомъ: стащилъ отцовскія берданки въ эсдечій комитетъ.

Фигурой понравился Лассаль. Должно быть, отъ того что безъ бороды. Моложавѣй. Лассаль у меня перепутался съ Демосѳеномъ. Хожу на Ріонъ. Говорю рѣчи, набравъ камни въ ротъ.

Реакція

По моему, началось со слѣдующаго: при паникѣ, (можетъ разгонѣ) въ демонстраціи памяти Баумана, мнѣ (упавшему) попало большущимъ барабанищемъ по головѣ. Я испугался — думалъ самъ треснулъ.

906 годъ

Умеръ отецъ. Укололъ палецъ. (Сшивалъ бумаги). Зараженіе крови. Съ тѣхъ поръ терпѣть не люблю булавокъ. Благополучіе кончилось. Послѣ похоронъ отца — у насъ три рубля. Инстинктивно, лихорадочно, мы распродали столы и стулья. Двинулись въ Москву. Зачѣмъ? Даже знакомыхъ не было

Дорога

Лучше всего — Баку. Вышки, цистерны, лучшіе духи — нефть, а дальше степь. Пустыня даже.

Москва

Остановились въ Разумовскомъ. Знакомыя сестры — Плотниковы. Утромъ паровикомъ въ Москву. Сняли квартиренку на Бронной.

Московское

Съ ѣдами плохо. Пенсія — 10 р. въ мѣсяцъ. Я и двѣ сестры учимся. Мамѣ пришлось давать комнаты и обѣды. Комнаты дрянныя. Студенты жили бѣдные. Соціалисты. Помню — первый передо мной „большевикъ" Вася Канделаки.

Пріятное

Посланъ за керосиномъ. 5 рублей. Въ колоніальной дали сдачи 14.50 к. 10 р. — чистый заработокъ. Совѣстился. Обошелъ два раза магазинъ. (Эрфуртская заѣла). Кто обсчитался, хозяинъ или служащій — тихо разспрашиваю приказчика — хозяинъ! Купилъ и съѣлъ 4 цукатныхъ хлѣба. На остальныя гонялъ въ лодкѣ по Патріаршимъ прудамъ. Видѣть съ тѣхъ поръ цукатныхъ хлѣбовъ не могу.

Работа

Денегъ въ семьѣ нѣтъ. Пришлось выжигать и рисовать. Особенно запомнились пасхальныя яйца. Круглыя, вертятся и скрипятъ, какъ двери. Яйца продавалъ въ кустар-

ный магазинъ на Неглинной. Штука 10 — 15 к. Съ тѣхъ поръ безконечно ненавижу Бемовъ, русскій стиль и кустарщину.

Гимназія

Перевелся въ 4 классъ пятой гимназіи. Единицы, слабо разноображиваемыя двойками. Подъ партой „антидюрингъ".

Чтеніе

Беллетристики не признавалъ совершенно. Философія. Главнымъ образомъ Гегель. Естествознаніе. Главнымъ образомъ марксизмъ. Нѣтъ произведенія искусства, которымъ бы я увлекся болѣе, чѣмъ „предисловіемъ" Маркса. Изъ комнатъ студентовъ шла нелегальщина. „Тактика уличнаго боя" и т. д. Помню отчетливо синенькую Ленинскую „Двѣ тактики". Нравилось, что книга срѣзана до буквъ. Для нелегальнаго просовыванія. Эстетика максимальной экономіи.

Первое полустихотвореніе

Третья гимназія издавала нелегальный журнальчикъ „Порывъ". Обидѣлся. Другіе пишутъ, а я не могу?! Сталъ скрипѣть. Получилось невѣроятно революціонно и въ такой же степени безобразно. Вродѣ теперешняго Кириллова. Не помню ни строки. Написалъ второе. Вышло лирично. Не считая таковое состояніе сердца совмѣстимымъ съ моимъ „соціалистическимъ достоинствомъ", бросилъ вовсе.

Партія

1907 годъ. Вступилъ въ партію Р. С.-Д. Р. П. (большевиковъ). Держалъ экзаменъ въ торгово-промышленномъ подрайонѣ. Выдержалъ. Пропагандистъ. Пошелъ къ булочникамъ, потомъ къ сапожникамъ и наконецъ, къ типографщикамъ. На общегородской конференціи выбрали въ М. К. Были Ломовъ, Поволжецъ, Смидовичъ и др. Звался „тов. Константиномъ".

Арестъ

Нарвался на засаду въ Грузинахъ. Наша нелегальная типографія. Ѣлъ блокъ-нотъ. Съ адресами и въ переплетѣ. Прѣсненская часть. Охранка. Сущевская часть. Слѣдователь Вольтановскій (очевидно считалъ себя хитрымъ) заставилъ писать подъ диктовку: меня обвиняли въ писаніи прокламаціи. Я безнадежно перевиралъ диктантъ. Писалъ: „соціальдимокритическая". Провелъ. Выпустили на поруки. Въ части съ недоумѣніемъ прочелъ Санина. Онъ почему-то въ каждой части имѣлся. Очевидно, душеспасителенъ.

Вышелъ. Съ годъ — партійная работа.

Второй арестъ

Живущіе у насъ ведутъ подкопъ подъ Таганку. Освобождать женщинъ-каторжанъ. Удалось устроить побѣгъ изъ Новинской тюрьмы. Меня забрали. Дома нашли револьверъ и нелегальщину. Сидѣть не хотѣлъ. Скандалилъ. Переводили изъ части въ часть — Басманная. Мѣщанская. Мясницкая и т. д. и наконецъ — Бутырки. Одиночка № 103.

11 Бутырскихъ мѣсяцевъ

Важнѣйшее для меня время. Послѣ трехъ лѣтъ теоріи и практики — бросился на беллетристику.

Перечелъ все новѣйшее. Символисты — Бѣлый, Бальмонтъ. Разобрала формальная новизна. Но было чуждо. Темы, образы не моей жизни. Попробовалъ самъ писать такъ же хорошо, но про другое. Оказалось *такъ же* про *другое* — нельзя. Вышло ходульно и ревплаксиво. Что-то вродѣ:

Въ золото, въ пурпуръ лѣса одѣвались,
Солнце играло на главахъ церквей.
Ждалъ я: но въ мѣсяцахъ дни потерялись,
Сотни томительныхъ дней.

Исписалъ такимъ цѣлую тетрадку. Спасибо надзирателямъ — при выходѣ отобрали. А то-бъ еще напечаталъ!

Отчитавъ современность, обрушился на классиковъ. Байронъ, Шекспиръ, Толстой. Послѣдняя книга Анна Каренина. Не дочиталъ. Ночью вызвали „съ вещами по городу". Такъ и не знаю, чѣмъ у нихъ тамъ, у Карениныхъ, исторія кончилась.

Меня выпустили. Долженъ былъ (охранка постановила) итти на 3 года въ Туруханскъ. Другъ отца Махмудбековъ заявилъ, что револьверъ его и отхлопоталъ меня у Курлова.

Во время сидки судили по первому дѣлу — виновенъ, но лѣтами не вышелъ. Отдать подъ надзоръ полиціи и подъ родительскую отвѣтственность.

Такъ называемая диллема.

Вышелъ взбудораженный. Тѣ, кого я прочелъ, т. н. великіе. Но до чего же не трудно писать лучше ихъ. У меня уже и сейчасъ правильнѣе отношеніе къ міру. Только нуженъ опытъ въ искусствѣ. Гдѣ взять? Я неучъ. Я долженъ пройти серьезную школу. А я вышибленъ даже изъ гимназіи, даже и изъ Строгановскаго. Если остаться работать въ партіи — надо стать нелегальнымъ. Нелегальнымъ не научишься. Перспектива — всю жизнь писать летучки, выкладывать мысли, взятыя изъ правильныхъ, но не мной придуманныхъ книгъ. Если изъ меня вы-

тряхнуть прочитанное что останется? Марксистскій методъ. Но не въ дѣтскія ли руки попало это оружіе? Легко орудовать имъ если имѣешь дѣло только съ мыслью своихъ. А что при встрѣчѣ съ врагами? Вѣдь вотъ лучше Бѣлаго я все таки не могу написать. Онъ про свое весело, — „въ небеса запустилъ ананасомъ" а я про свое пою „сотни томительныхъ дней". Хорошо другимъ партійцамъ. У нихъ еще и университетъ. (А высшую школу — я еще не зналъ что это такое — я тогда уважалъ!)

Что я могу противопоставить навалившейся на меня эстетикѣ старья? Развѣ революція не потребуетъ отъ меня серіозной школы? Я зашелъ къ тогда еще товарищу по партіи — Медвѣдеву: хочу дѣлать соціалистическое искусство. Сережа долго смѣялся: кишка тонка.

Думаю все таки что онъ не дооцѣнилъ мои кишки.

Я прервалъ партійную работу. Я сѣлъ учиться.

Начало мастерства

Думалось — стиховъ писать не могу. Опыты плачевные. Взялся за живопись. Учился у Жуковскаго. Вмѣстѣ съ какими то дамочками писалъ серебренькіе сервизики. Черезъ годъ догадался — учусь рукодѣлію. Пошелъ къ Келину. Реалистъ. Хорошій рисовальщикъ Лучшій учитель. Твердый. Мѣняющійся.

Требованіе — мастерство, Гольбейнъ. Терпѣть не могущій красивенькое.

Поэтъ читаемый — Саша Черный. Радовалъ его антиэстетизмъ.

Послѣднее училище

Сидѣлъ на головѣ годъ. Поступилъ въ училище живописи, ваянія и зодчества: единственное мѣсто куда приняли безъ свидѣтельства о благонадежности. Работалъ хорошо.

Удивило: подражателей лелѣютъ — самостоятельныхъ гонятъ. Ларіоновъ, Машковъ. Ревинстинктомъ сталъ за выгоняемыхъ.

Давидъ Бурлюкъ

Въ училищѣ появился Бурлюкъ. Видъ наглый. Лорнетка. Сюртукъ. Ходитъ напѣвая. Я сталъ задирать. Почти задрались.

Въ курилкѣ

Благородное собраніе. Концертъ. Рахманиновъ. Островъ мертвыхъ. Бѣжалъ отъ невыносимой методизированной скуки. Черезъ минуту и Бурлюкъ. Расхохотались другъ въ друга. Вышли шляться вмѣстѣ.

Памятнѣйшая ночь

Разговоръ. Отъ скуки рахманиновской перешли на училищную, отъ училищной на всю классическую скуку. У Давида — гнѣвъ обогнавшаго современниковъ мастера, у меня — паѳосъ соціалиста знающаго неизбѣжность крушенія старья.

Родился россійскій футуризмъ.

Слѣдующая

Днемъ у меня вышло стихотвореніе. Вѣрнѣе куски. Плохіе. Нигдѣ не напечатаны. Ночь. Срѣтенскій бульваръ. Читаю строки Бурлюку. Прибавляю — это одинъ мой знакомый. Давидъ остановился. Осмотрѣлъ меня. Рявкнулъ: „Да это же-жъ вы сами написали. Да вы же-жъ геніальный поэтъ". Примѣненіе ко мнѣ такого грандіознаго и незаслуженнаго обрадовало меня. Я весь ушелъ въ стихи. Въ этотъ вечеръ совершенно неожиданно я сталъ поэтомъ.

Бурлючье чудачество

Уже утромъ Бурлюкъ знакомя меня съ кѣмъ-то басилъ: „Не знаете? Мой геніальный другъ. Знаменитый поэтъ Маяковскій". Толкаю. Но Бурлюкъ непреклоненъ. Еще и рычалъ на меня — отойдя: Теперь пишите. А то вы меня ставите въ глупѣйшее положеніе.

Такъ ежедневно

Пришлось писать. Я и написалъ первое (первое профессіональное, печатаемое) „Багровый и бѣлый" и др.

Прекрасный Бурлюкъ

Всегдашней любовью думаю о Давидѣ. Прекрасный другъ. Мой дѣйствительный учитель! Бурлюкъ сдѣлалъ меня поэтомъ. Читалъ мнѣ французовъ и нѣмцевъ. Всовывая книги. Ходилъ и говорилъ безъ конца. Не отпускалъ ни на шагъ. Выдавалъ ежедневные 50 к. Что-бъ писать не голодая.

На рождество завезъ къ себѣ въ новую Маячку. Привезъ „Портъ" и др.

Пощечина

Изъ Маячки вернулись. Если не съ отчетливыми взглядами, то съ отточенными темпераментами. Въ Москвѣ Хлѣбниковъ. Его тихая геніальность тогда была для меня совершенно затемнена бурлящимъ Давидомъ. Здѣсь же вился футуристическій іезуитъ слова Крученыхъ.

Послѣ нѣсколькихъ ночей лирики родили совмѣстный манифестъ. Давидъ собиралъ, переписывалъ, далъ имя и выпустилъ „Пощечину общественному вкусу".

Пошевеливается

Выставки „Бубновый Валетъ". Диспуты. Разъяренныя рѣчи мои и Давида. Газеты стали заполняться футуризмомъ. Тонъ былъ не очень вѣжливый. Такъ, напримѣръ, меня просто называли „сукинымъ сыномъ".

Желтая кофта

Костюмовъ у меня не было никогда. Были двѣ блузы — гнуснѣйшаго вида. Испытанный способъ — украшаться галстукомъ. Нѣтъ денегъ. Взялъ у сестры кусокъ желтой ленты. Обвязался. Фуроръ. Значитъ самое замѣтное и красивое въ человѣкѣ галстукъ. Очевидно — увеличишь галстукъ увеличится и фуроръ. А такъ какъ размѣры галстуковъ ограничены, я пошелъ на хитрость: сдѣлалъ галстуковую рубашку и рубашковый галстукъ.

Впечатлѣніе неотразимое.

Разумѣется

Генералитетъ искусства ощерился. Князь Львовъ. Директоръ училища. Предложилъ прекратить критику и агитацію. Отказались.

Совѣтъ „художниковъ" изгналъ насъ изъ училища.

Веселый годъ

Ѣздили Россіей. Вечера. Лекціи. Губернаторство настораживалось. Въ Николаевѣ намъ предложили не касаться ни человѣчества, ни Пушкина. Часто обрывались полиціей на полусловѣ доклада. Къ ватагѣ присоединился Вася Каменскій. Старѣйшій футуристъ.

Для меня эти годы — формальная работа, овладѣніе словомъ (I часть перваго тома).

Издатели не брали насъ. Капиталистическій носъ чуялъ въ насъ динамитчиковъ. У меня не покупали ни одной строчки.

Возвращаясь въ Москву — чаще всего жилъ на бульварахъ.

Это время завершилось трагедіей — „Влад. Маяковскій". Поставлена въ Петербургѣ. Луна Паркъ. Просвистѣли ее до дырокъ.

Начало 14-го г.

Чувствую мастерство. Могу овладѣть темой. Вплотную. Ставлю вопросъ о темѣ. О революціонной. Думаю надъ „Облакомъ въ штанахъ".

Война

Принялъ взволнованно. Сначала только съ декоративной, съ шумовой стороны. Стихъ — „Война объявлена".

Августъ

Первое сраженіе. Вплотную всталъ военный ужасъ. Война отвратительна. Тылъ еще отвратительнѣй. Чтобы сказать о войнѣ — надо ее видѣть. Пошелъ записываться добровольцемъ. Не позволили. Нѣтъ благонадежности.

И у полковн. Модля оказалась одна хорошая идея.

Зима

Отвращеніе и ненависть къ войнѣ. „Ахъ закройте, закройте глаза газетъ" и др.

Интересъ къ искусству пропалъ вовсе.

Май

Выигралъ 65 руб. Уѣхалъ въ Финляндію. Куоккола.

Куоккола

Семизнакомая система (семи нольная). Установилъ 7 обѣдающихъ знакомствъ. Въ воскресеніе „ѣмъ" Чуковскаго, понедѣльникъ Евреинова и т. д. Въ четвергъ было хуже — ѣмъ Рѣпинскія травки. Для футуриста ростомъ въ сажень это не дѣло.

Вечера шатаюсь пляжемъ. Пишу облако.

Выкрѣпло сознаніе близкой революціи.

Поѣхалъ въ Мустомяки. М. Горькій. Читалъ ему части облака. Разчувствовавшійся Горькій обплакалъ мнѣ весь жилетъ. Разстроилъ стихами. Я чуть загордился. Скоро выяснилось, что Горькій рыдаетъ на каждомъ поэтическомъ жилетѣ.

Все же жилетъ храню. Могу кому нибудь уступить для провинціальнаго музея.

Новый Сатириконъ

65 руб. прошли легко и безъ боли. „Въ разсужденіи чего-бъ покушать" сталъ писать въ Новомъ Сатириконѣ.

Радостнѣйшая дата

Іюль 915 г. Знакомлюсь съ Л. Ю. и О. М. Бриками.

Призывъ

Забрили. Итти на фронтъ не хочу. Притворился чертежникомъ. Ночью учусь у какого-то инженера чертить авто. Съ печатаніемъ еще хуже. Солдатамъ запрещаютъ. Одинъ Брикъ радуетъ. Покупаетъ всѣ мои стихи по 50 к. строку. Напечаталъ „Флейту Позвоночникъ" и „Облако". Облако вышло перистое. Цензура раздула. Страницъ 6 сплошныхъ точекъ.

Съ этихъ поръ у меня ненависть къ точкамъ. Къ запятымъ тоже.

Солдатчина

Паршивѣйшее время. Рисую (изворачиваюсь) начальниковы портреты. Въ головѣ разворачивается „Война и Міръ" — въ сердцѣ — „Человѣкъ".

16 годъ

Окончена „Война и Міръ“. Немного позднѣе — „Человѣкъ“. Куски печатаю въ лѣтописи. На военщину нагло не показываюсь.

26 февраля 17 годъ

Пошелъ съ автомобилями къ Думѣ. Влѣзъ въ кабинетъ Родзянки. Осмотрѣлъ Милюкова. Молчитъ. Но мнѣ почему то кажется что онъ заикается. Черезъ часъ надоѣли. Ушелъ. Принялъ на нѣсколько дней команду автошколу. Гучковѣетъ. Старье офицерье по старому расхаживаетъ въ Думѣ. Для меня ясно — за этимъ, неизбѣжно, сейчасъ же соціалисты. Большевики. Пишу въ первые же дни революціи „но это хронику — революція“. Читаю лекціи — „Большевики искусства“.

Августъ

Россія понемногу откереньщивается. Потеряли уваженіе. Ухожу изъ „Новой жизни“. Задумываю „Мистерію-Буффъ“.

Октябрь

Принимать или не принимать. Такого вопроса для меня (и для другихъ москвичей футуристовъ) не было. Моя революція. Пошелъ въ Смольный. Работалъ. Все что приходилось. Начинаютъ засѣдать.

Январь

Заѣхалъ въ Москву. Выступаю. Ночью „Кафе-поэтовъ“ въ Настасьинскомъ. Революціонная бабушка теперешнихъ кафапоэтныхъ салончиковъ. Пишу киносценаріи. Играю самъ. Рисую для него плакаты. Іюнь. Опять Петербургъ.

18 годъ

Р. С. Ф. С. Р. — не до искусства. А мнѣ — именно до него. Заходилъ въ Пролеткультъ къ Кшесинской.

Дисциплина заставила-бъ меня что-нибудь „дѣлопроизводить“. А это все равно что броненосецъ на велосипедъ передѣлывать.

25 Октября 18 г.

Окончилъ Мистерію. Читалъ. Говорятъ много. Поставилъ Мейерхольдъ съ Н. Малевичемъ. Ревѣли вокругъ страшно. Особенно коммунистичествующая интеллигенція. Андреева чего чего не дѣлала. Что мѣшать. 3 раза поставили — потомъ расколотили. И пошли макбеты.

19 годъ

Ѣзжу съ мистеріей и другими вещами моими и товарищей по заводамъ. Радостный пріемъ. Въ выборгскомъ районѣ организуется комфугъ издаемъ искусство коммуны. Академіи трещатъ. Весной переѣзжаю въ Москву.

Голову охватила 150.000.000. Пошелъ въ агитацію Роста.

20 г.

Кончилъ сто пятьдесятъ милліоновъ. Печатаю безъ фамиліи. Хочу чтобъ каждый дописывалъ и лучшимъ. Этого не дѣлали, зато фамилію знали всѣ. Все равно. Печатаюсь здѣсь подъ фамиліей.

Дни и ночи Роста. Наступаютъ всяческіе Деникины. Пишу и рисую. Сдѣлалъ тысячи три плакатовъ и тысячъ шесть подписей.

21 г.

Пробиваясь сквозь всѣ волокиты, ненависти, канцелярщины и тупости — ставлю второй варіантъ мистеріи. Идетъ въ 1 Р. С. Ф. С. Р. — въ режиссурѣ Мейерхольда съ худож. Лавинскимъ, Храковскимъ, Киселевымъ и въ циркѣ на нѣмецкомъ языкѣ для 3-го конгресса коминтерна. Ставитъ Грановскій съ Альтманомъ и Равделемъ. Прошло около ста разъ.

Сталъ писать въ „Извѣстіяхъ“.

22 г.

Организовываю издательство МАФ. Собираю футуристовъ — коммуны. Пріѣхали съ дальняго востока. Асѣевъ, Третьяковъ и др. товарищи по дракамъ. Началъ записывать, работанный третій годъ, 5 интернаціоналъ. Утопія. Будетъ показано искусство черезъ 500 лѣтъ.

Задумано: О любви. Громадная поэма. Въ будущемъ году кончу.

На очереди 2 пьесы: а то ихъ мало и дрянь.

Заключеніе

Сказаннымъ не думалъ исчерпаться. Кромѣ всего изложеннаго люблю напр. астрономію. „Розовый фонарь“ закрыли послѣ чтенія мной „Черезъ часъ отсюда“. Бродячую тоже чуть не за „Вамъ проживающимъ“. Но на это надо уже романы писать. А я поэтъ. И это такъ наз. автобіографія. Все.

В. Маяковскій.

ПРЕССА

А. ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ВЪ ЭМИГРАЦІИ.

ГЕРМАНІЯ.

Въ Берлинѣ вышелъ первый номеръ ежемѣсячнаго педагогическаго журнала „Вѣстникъ Самообразованія“, подъ ред. проф. Н. Н. Алексѣева, П. Ф. Андерсона и проф. А. С. Ященко въ изданіи „Русск. Курсовъ Заочн. Преподаванія при Америк. УМСА“. Въ журналѣ дана подробная информація о курсахъ заочнаго преподаванія въ Берлинѣ, о жизни русскихъ студентовъ за рубежомъ въ различныхъ странахъ, о положеніи школьнаго дѣла въ Сов. Россіи, о жизни русск. технич. орг. за рубежомъ.

*

Выходитъ двухнедѣльный журналъ „Германская промышленность и торговля“, въ изд-вѣ „Арбатъ“ (Münchenerstr. 26). Цѣль, поставленная изд-вомъ въ выпускаемомъ имъ журналѣ: — ознакомленіе русскихъ промышленныхъ круговъ съ условіями германскаго народнаго хозяйства, съ ростомъ послѣдняго и, въ особенности, съ возможностью приложенія экономическихъ и техническихъ силъ и средствъ Германіи къ дѣлу хозяйственнаго возстановленія Россіи. Въ первомъ номерѣ отдѣлъ „Новости германской техники“ снабженъ чертежами и рисунками. Помѣщены статьи спеціалистовъ-техниковъ: инж. М. Сульянинова „Электричество въ промышленности,“ инж. В. Емцова „Германскіе тракторы и русское хозяйство,“ инж. В. Каменскаго „Возстановленіе рѣчного транспорта въ Россіи,“ инж. Л. Геймана „Производство Станковъ въ Германіи“ и пр. Даны интервью съ представителями германской промышленности и торговли и экономическая хроника.

*

Въ ближайше время въ Берлинѣ предполагается выходъ въ свѣтъ еженедѣльнаго политико-экономическаго журнала „Русскій Экономистъ,“ посвященнаго экономическому и культурному возсозданію Россіи. Основнымъ пунктомъ программы журнала является: — „Экономическое и культурное возсозданіе Россіи возможно лишь при возвращеніи къ формамъ капитализма“.

*

Медицинское изд-во „Врачъ“ (Berlin, Wilhelmstr. 28) выпускаетъ въ свѣтъ ежемѣс. журн., посвящен. вопросамъ фармацевтической технологической химіи „Химико-фармацевтическое обозрѣніе,“ подъ ред. В. Г. Девріена, при уч. видныхъ русскихъ и зап.-европ. ученыхъ. Цѣль журнала: служить ознакомленію русскихъ химиковъ и фармацевтовъ съ послѣдними научными и практическими достиженіями и способствовать возсозданію въ Россіи химико-фармацевтической промышленности.

*

Вышелъ въ свѣтъ № 14-15 журн. „Русскій инженеръ.“ Въ научно-техническомъ отдѣлѣ помѣщены статьи инж. В. Емцова „Тракторы и моторные плуги на послѣдней сельско-хозяйственной выставкѣ въ Германіи,“ инж. Меллера „О коэффиціентѣ полезнаго дѣйствія и потребности въ топливѣ заводскихъ предпріятій,“ инж. Л. Литинскаго „Сухое тушеніе кокса“, инж. Бурга „Анализъ дымовыхъ газовъ“. Въ экономическо-промышленномъ отдѣлѣ статьи и обзоры, посвященные валютной проблемѣ. Текстъ дополненъ рядомъ таблицъ, иллюстрацій, діаграммъ.

*

Въ № 12 основаннаго въ прошломъ г. кружкомъ Vivos voco и выходящемъ подъ ред. П. Лампрехта журнала „Zeitschrift für neues Deutschtum“ статьи посвящены преимущественно Россіи и русскимъ вопросамъ. Напечатаны статьи А. Луначарскаго „Достоевскій какъ художникъ и мыслитель,“ Карла Витфогеля „Достоевскій и большевизмъ“. С. Лукьянова „Революціонное творчество культуры“ и А. Рейхвена „Народное образованіе въ Россіи“. Также помѣщены 4 стихотворенія русскихъ поэтовъ: „Хвала“ В. Брюсова, „Къ молодежи“ И. Сѣверянина, „Нирвана“ Д. Мережковскаго и „Незнакомка“ Ал. Блока.

*

Съ 15 октября газета „Голосъ Россіи“ перешла въ новыя руки Газета выходитъ подъ названіемъ „Дни“. Въ редакціонной коллегіи — Зензиновъ и Керенскій. Фактическій редакторъ М. Осоргинъ.

*

Въ лагерѣ Вюнсдорфѣ подъ Берлиномъ вышелъ отъ 8 октября одинъ номеръ шуточнаго листка „Вюнсдорфское солнце“.

*

Начала выходить монархическая газета „Русская правда“. Мѣсто и годъ изданія не обозначены. Газета напечатана на папиросной бумагѣ. Вышло два номера.

ФРАНЦІЯ

Въ Парижѣ по понедѣльникамъ выходитъ общественно-литературная и экономическая газета „Слово“. Въ газетѣ принимаютъ участіе: М. А. Алдановъ, проф. М. В. Бернадскій, И. А. Бунинъ, З. Н. Гиппіусъ, Е. А. Зноско-Боровскій, проф. бар. Б. Э. Нольде, Ф. И. Родичевъ, И. Д. Сургучевъ, Н. А. Теффи, А. А. Яблоновскій и др.

*

Въ Парижѣ литературно-художественная хроника Сергѣя Ромова „Ударъ“ будетъ выходить въ увеличенномъ размѣрѣ, съ обложкой и репродукціями. Составъ сотрудниковъ значительно расширенъ. Предполагается дѣлать „Ударъ“ ежемѣсячно.“

*

Въ Парижѣ съ декабря предположено изданіе ежемѣсячнаго театральнаго журнала на русскомъ языкѣ.

ЛАТВІЯ

Въ Ригѣ начала выходить по понедѣльникамъ и четвергамъ русская общественно-политическая газета „Маякъ". Редактируетъ газету Н. Н. Бордоносъ, издаетъ П. Г. Рубисовъ. Въ газетѣ участвуютъ: Г. И. Алексинскій (Парижъ), проф. О. Н. Брокъ (Христіанія), Ю. А. Григорковъ (Гельсингфорсъ), И. Н. Заволоко (Прага). Л. Ю. Кормчій, А. И. Купринъ и др.

*

Газета „Сегодня" по воскресеньямъ будетъ давать номеръ съ большимъ литературнымъ приложеніемъ, въ которомъ участвуютъ: Лери, Лоло, Саша Черный, И. Лукашъ, А. Яблоновскій и друг.

*

Въ Ригѣ выходитъ новый журналъ „Недѣля", подъ ред. Германовскаго.

*

Съ 28 августа въ г. Ригѣ (Александровская, 23) выходитъ русская литературная и общественно-политическая газета „День", подъ редакціей проф. К. И. Арабажина и при участіи многихъ другихъ писателей. Газета на первыхъ порахъ выходитъ по понедѣльникамъ и въ послѣпраздничные дни, но въ самомъ непродолжительномъ времени, по организаціи полнаго состава сотрудниковъ и корреспондентовъ, газета будетъ выходить ежедневно.

*

Съ октября въ Ригѣ предполагается выпускъ еженедѣльнаго журнала „Театръ и музыка".

*

Министръ внутреннихъ дѣлъ Латвіи пріостановилъ на двѣ недѣли издающуюся въ Рѣжицѣ газету „Свободная мысль" за оскорбленіе высшихъ административныхъ властей. Газета является органомъ лѣвыхъ с.-д.

ОСТАЛЬНЫЯ СТРАНЫ:

Въ Лондонѣ началъ выходить журналъ, посвященный вопросу всѣхъ видовъ механическаго передвиженія, „Механическій Транспортъ", подъ ред. инж. Н. Г. Кузнецова, бывш. редактора журнала „Двигатель" выходившаго до революціи въ Петербургѣ. Журналъ иллюстрированъ.

*

Въ Нью-Іоркѣ — журналъ „Вѣра и жизнь", посвященный религіознымъ вопросамъ.

*

Въ Женевѣ — на французскомъ языкѣ литературно-гуманитарная и аполитическая газета „La Famine", издаваемая въ пользу голодающихъ Женевскимъ Русскимъ Комитетомъ помощи голодающимъ въ Россіи. Весь чистый доходъ съ газеты отсылается голодающимъ. Однимъ изъ организаторовъ ея является П. Кожевниковъ. Адресъ редакціи: Foyer Russe, 25 Grande Rue Genève.

*

Въ Варшавѣ вышли первые номера новой газеты „Варшавское эхо". Новая газета — органъ блока національныхъ меньшинствъ.

*

Въ Софіи болгарскими властями закрыта газета „Русь". Редакція, высылаемая изъ Болгаріи, обжаловала постановленіе Высшему Административному Совѣту.

Болгарскими властями объявлено постановленіе о высылкѣ двухъ членовъ издательства, издающаго закрытую газету „Русское Дѣло".

*

Во Львовѣ выходитъ русская газета „Жизнь"

*

Въ Мукачевѣ выходитъ на русинскомъ языкѣ „Урядовая новинка Селянско-республиканской земледѣльской партіи" — „Село" (органъ покарпатскихъ русинъ). Адресъ редакціи: Гусова ул., ч. 4.

ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНАЯ РЕСПУБЛИКА.

7 августа закрыта газета „Нашъ Голосъ" (органъ с.-д. меньшевиковъ), редакторъ Я. Я. Петровичъ арестованъ. Кара послѣдовала за опубликованіе воззванія комитета безработныхъ, за составленіе котораго арестованъ также предсѣдатель союза служащихъ Пинхасикъ и привлеченъ къ отвѣтственности весь составъ комитета безработныхъ.

*

Редакторъ благовѣщенской с.-д. газеты „Волна", Ст. Никифоровъ, высылается изъ предѣловъ Дальне-Восточной Республики въ РСФСР.

ВЛАДИВОСТОКЪ.

Тиражъ мѣстныхъ газетъ колеблется въ предѣлахъ отъ 2000 до 5000 экз.

*

Подъ редакціей А. А. Богданова (б. редакторъ газ. „Вечерній Курьеръ") съ 13 августа начала выходить новая еженедѣльная газета „Миръ".

*

Группой студентовъ и студентокъ, уѣзжающихъ для пополненія образованія въ Западную Европу, 19 августа выпущена однодневная газета „На чужбину".

*

Несмотря на тщательные поиски, въ городѣ продолжаетъ выходить нелегально „Красное Знамя", органъ мѣстной организаціи РКП: въ послѣднемъ, іюльскомъ, номерѣ помѣщены статьи члена правительства Дальне-Восточной Республики, Сливкина: „Объ эвакуаціи", Виленскаго: „Японцы и Шаньдунь", Ковровскаго: „Выборы въ Наргобъ Дальне-Восточной Республики" и статья безъ подписи „Меркуловы молятъ японцевъ остаться".

ПЕКИНЪ.

Въ концѣ августа вышелъ № 2 журнала „Китайскій Благовѣстникъ", — издаваемаго пекинской духовной миссіей, подъ редакціей д-ра философіи Л. С. Астахова, въ № статьи бар. Сталя о буддизмѣ, Л. Астахова „Объ епископѣ Симонѣ", статья памяти Достоевскаго, разсказъ Шкуркина и т. д.

МАНЧЖУРІЯ.

Китайскими властями взята подъ предварительную цензуру выходившая на ст. Манчжурія, Кит.-Вост. ж. д., газета „Нашъ Путь": мотивы — „коммунистическая пропаганда".

ХАРБИНЪ.

Редакторъ газеты „Новости Жизни", Брокмиллеръ, приговоренъ 26 іюля окружнымъ судомъ къ штрафу въ 50 дол. за статью, въ которой усмотрѣны признаки диффамаціи по адресу б. чиновника

судебной палаты, Богуто. Судъ опредѣлилъ низшій размѣръ наказанія, подчеркнувъ, что въ статьѣ не было признаковъ клеветы.

*

26 іюля Харбинскій Окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло редактора газеты „Дальневосточное Время", Алымова, по обвиненію его сотрудникомъ газеты „Новости Жизни", Кліоринымъ, въ диффвмаціи въ печати, приговорилъ г. Алымова къ штрафу въ 50 дол.

*

Въ началѣ августа вышелъ № 2 „Вѣстника Манчжурскаго Педагогическаго Общества"; въ № статьи прив.-доц. Стрѣлкова, прив.-доц. Георгіевскаго („Н. А. Некрасовъ въ русской литературѣ") и др.

*

10 августа начала выходить новая ежедневная вечерняя газета „Наша Заря", издаваемая такъ называемымъ „союзомъ безпартійныхъ", подъ редакціей Кузнецова.

Въ виду ухода сотрудниковъ, вызваннаго неуплатой имъ жалованья, въ концѣ іюля временно пріостановлена газета „Манчжурскій День", издававшаяся китайскимъ издательствомъ „Го-дзи-сэ-бао" и ставившая своей цѣлью освѣщеніе русско-китайскихъ отношеній.

*

Въ началѣ августа начала выходить новая ежедневная газета „Новая Эра", редактируемая М. П. Борисовымъ, сотрудникомъ „Новостей Жизни" и Алымовымъ, б. редакторомъ „Дальне-Восточнаго Времени". О позиціи газеты сообщается, что она будетъ стоять „на платформѣ защиты интересовъ Кит.-Вост. ж. д.".

*

Прекратилась газета „Дальневосточное Время".

*

Начинаетъ выходить новый еженедѣльный „Журналъ юмора и легкой литературы", подъ названіемъ „Гвоздь"; къ участію привлечены художники Засыпкинъ, Фирсовъ, Шибаевъ и др.

Б. ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ВЪ СОВѢТСКОЙ РОССІИ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Вышелъ изъ печати 4-й номеръ историческаго журнала „Красная лѣтопись". Въ журналѣ помѣщена неизданная статья А. И. Герцена „Отвѣтъ на призывъ польскаго республиканскаго центра къ русскимъ", а также статьи-воспоминанія В. Карелина („На зарѣ рабочаго движенія въ С.-Петербургѣ"), В. Перазича („Еще о харьковскомъ рабочемъ кружкѣ конца 80-хъ годовъ"), Ив. Книжника („Воспоминанія о П. А. Крапоткинѣ и объ одной анархистской эмигрантской группѣ"), Н. Емельянова („Таинственный шалашъ" — воспоминанія о переводѣ на нелегальное положеніе Ленина и Зиновьева послѣ іюля 1917 г.), Н. А. Бухбиндера („Разгромъ еврейскаго рабочаго движенія въ 1899 г." и „О зубатовщинѣ" — по неизданнымъ архивнымъ матеріаламъ), Н. Ольшанскаго („Свеаборгское возстаніе" — окончаніе), С. Горѣлика („Наброски по исторіи революціи на Украинѣ"), В. Колпенскаго („Къ исторіи рабочаго движенія въ Петербургѣ въ 1896 г.") и С. Валка („Матеріалы по исторіи перваго мая въ Россіи").

*

Издательствомъ „Петроградъ" предпринято изданіе иллюстрированнаго художественнаго журнала „Аргонавты" (по типу бывшаго журнала „Аполлонъ"), посвященнаго живописи, архитектурѣ, скульптурѣ и др. искусствамъ. Редакція новаго журнала состоитъ изъ Д. И. Митрохина (графическіе искусства), Н. Е. Лансере (архитектура) и Э. Ф. Голлербаха (живопись и прикладныя искусства). Въ 1-мъ номерѣ „Аргонавтовъ" будутъ, между прочимъ, напечатаны статьи художника Чехонина и Митрохина о покойномъ Нарбутѣ. Вальгора „Александръ Великій и греческое искусство", Голлербаха „Миніатюры Сомова и Чехонина" и пр. Выходъ 1-го номера „Аргонавтовъ" ожидается въ октябрѣ.

*

Вышелъ № 4-5 журнала, издаваемаго Институтомъ по изученію мозга и психической дѣятельности, — „Вопросы изученія и воспитанія личности".

МОСКВА.

Вышелъ № 1 (6) періодическаго литературно-художественнаго и научно-популярнаго журнала „Горнъ", органъ всероссійскаго и Московскаго Пролеткультовъ. (Годъ изданія 5-й). № 2 выходитъ 1 октября. Контора и редакція: Москва, Воздвиженка, 16, телефонъ 57-40.

*

Вышелъ „Авангардъ" № 2. Въ номерѣ: Грядущее въ настоящемъ — М. Рейнера; Новое о Плехановѣ — И. Розенталя; Джорджъ-Бернардъ Шоу — О. Б.; Человѣкъ и Вещь — Якова Брауна; Тургеневъ и Савина — Эм. Бескина; Искусство при Нэпѣ — В. Тихоновича; Выставка Якулова — Г. Кепа; Москва безъ оперы — Ив. Иноземцева; Достоевскій и Флоберъ — И. Р. Таля; Германская философская литература — Карла Форлендера; Наша педагогическая литература — В. В. Смушкова; Новая литература по исторіи соціализма — О. Б.; Второй томъ Шпенглера — Ф. К-ша; Цеховой соціализмъ въ Англіи; Кооперативное движеніе въ Италіи; Европейскій архивъ. — Театральный глоссарій. — Книги и писатели. Издательство Книгопечатникъ. — Редакторъ Оскаръ Блюмъ.

*

Вышелъ № 1 Журнала „Журналистъ", посвященнаго вопросамъ россійской и международной періодической печати, жизни русскихъ и иностранныхъ журналистовъ. Въ №, между прочимъ, помѣщены статьи: С. Ингуловъ — „Въ тискахъ Нэпа"; А. Голубевъ — „Періодическая печать РСФСР"; Беусъ — „70 отвѣтовъ" (экономич. положеніе работниковъ печати): Л. Шмидтъ — „Борьба за индивидуальность"; Н. Семашко — „Старыя традиціи революціонной журналистики"; И. Танинъ — „Духъ обломовщины въ нашей прессѣ"; Ю. Соболевъ — „Литература нашихъ дней". Отдѣлы: „Минувшее", „Ушедшее", „Наша жизнь", „Библіографія", „Провинція" (съ цѣлымъ рядомъ корреспонденцій), „Бѣлая печать" и отдѣлъ „За границей".

КНИЖНАЯ ЛѢТОПИСЬ

А. РУССКІЯ КНИГИ, ПОЯВИВШІЯСЯ ВНѢ СОВѢТСКОЙ РОССІИ.

1. БЕЛЛЕТРИСТИКА, СТИХИ И ДѢТСКІЯ КНИГИ

Алексѣевъ, Глѣбъ. Деревня въ русской поэзіи. Изд. Е. А. Гутнова. Библіотека „Сполохи". Берлинъ. 1922 (96 стр.).

Амфитеатровъ, Ал. Побѣгъ Лизы Басовой. Изд. Е. А. Гутнова. Библіотека „Сполохи". Берлинъ. 1922 (96 стр.).

Андерсен. Свинопас. Сказка. Рисунки М. Добужинскаго. Изд. З. И. Гржебина. Берлин. 1922 (14 стр.).

Аронсонъ, Григорій. Міръ издалека. Стихи. Изд. „Завѣты". Берлинъ. 1922 (64 стр.).

Бергъ. Литовскія пѣсни. Вильно. Изд. „Литва". 1921 (17 стр.).

Бердичевскій, М. І. (бинъ Горіонъ). Разсказы. Авторизованный переводъ съ евр., разговорно-евр. и нѣмец. Изд. С. Д. Зальцманъ. Берлинъ. 1922 (248 стр.).

Бѣлый, Андрей. Серебряный голубь. Роман. Часть первая. Изд. „Эпоха". Берлин. 1922 (300 стр.). Часть вторая. (246 стр.).

— Петербургъ. Романъ. Часть І-я. Изд. „Эпоха". Берлинъ. 1922 (269 стр.). Часть 2-я. (285 стр.).

Викторовъ, Г. Спектръ. Стихи. Варшава. 1922.

Винниченко, В. Законъ. Драма. Изд. „Возрожденіе". Берлинъ. 1922.

Виноградскій, Н. Живой черепъ. Стихи. Владивостокъ. 1922.

Витухинъ. Перстень Іоанна Грознаго. Изд. „Градъ Китежъ". Берлинъ. 1922. Ц. 50 м.

Волькенштейнъ, Вл. Черный рыцарь. Пьеса. Изд. „Эпоха". Берлинъ. 1922 (76 стр.).

Галичъ, Ю. Красный хороводъ. Эскизы. Владивостокъ. 1922.

Горький, М. Детство. Изд. З. И. Гржебина. Петербург—Москва—Берлин. 1922 (196 стр.).

— Как я учился. Рассказ. Изд. З. И. Гржебина. Берлин—Петербург—Москва. 1922 (47 стр.).

Достоевскій, Ф. М. Дневникъ писателя 1873, 1876, 1877 г. г. 14-й, 15-й, 16-й томы полнаго собранія сочиненій. Изд. Ладыжникова. Берлинъ. 1922. Цѣна отдѣльнаго тома 400 м.

— Петербургская летопись. Из неизданных произведений. С пред. В. С. Нечаевой. Изд. „Эпоха". Берлин. 1922 (76 стр.).

Дроздовъ, А. Езуитушка. Томъ разсказовъ. Изд. „Русское творчество" Берлинъ. 1922. Ц. 300 м.

Замятин, Евг. Роберт Майер. Изд. З. И. Гржебина. Петербург-Москва-Берлин. 1922 (72 стр.).

Кальма и Коноплинъ. Цвѣтные камушки. Книга для малютокъ. Иллюстр. В. Бѣлкина. Изд. Отто Кирхнеръ. Берлинъ. 1922. Ц. 100 м.

Келлерманъ, Бернгардъ. 9-е ноября. Романъ. Изд. „Слово". Берлинъ. 1922 ц. 140 м..

Коноплинъ, И. С. Печальный Богъ. Разсказы. Изд. Отто Кирхнеръ. Берлинъ. 1922. Ц. 95 м.

Магарамъ, Э. Миреле. Повѣсть объ одной любви. Библіотека „Сполохи". Изд. Е. А. Гутнова. Берлинъ. 1922 (110 стр.).

Мандельштам, Осип. Tristia. Стихи. Изд. „Петрополис". Петербург-Берлин. 1922 (75 стр.).

Михайловъ, С. Дочь кузнеца. Нью-Іоркъ 1922 (189 стр.). Ц. 60 с.

Мятлевъ, В. Фонъ-Братенъ. Изд. „Градъ Китежъ". Берлинъ. 1922. Ц. 50 м.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Бѣдная Инесъ и друг. разсказы. Изд. Е. А. Гутнова. Библіотека „Сполохи". Берлинъ. 1922 (125 стр.).

— Двѣ ночи передъ казнью и друг. разсказы. Изд. Е. А. Гутнова. Библіотека „Сполохи". Берлинъ. 1922 (131 стр.).

Перецъ. Разсказы. Изд. С. Д. Зальцмана. Берлинъ. 1922. Ц. 250 м., въ переп. 400 м.

„Печаль полей". Сборник первый. Издание Центрального Д.-В. Комитета общественных организаций по оказанию помощи голодающим России. Чита. 1922 (190 стр.). Ц. 1 р. зол.

Пильнякъ, Б. Иван-да-Марья. Изд. Гржебина. Берлинъ. 1922 (88 стр.). Ц. 100 м.

Ремизовъ, А. Ахру, повѣсть петербургская. Изд. Гржебина. Берлинъ. 1922 (51 стр.). Ц. 80 м.

— Сказки обезьяняго царя Асыки. Рисунки В. Масютина. Изд. „Русское творчество". Берлинъ 1922. Ц. 150 м.

— Мара. Книга разсказовъ. Изд. „Эпоха". Берлинъ. 1922 (149 стр.).

— Корявка. Повѣсть. Изд. Е. А. Гутнова. Съ автографомъ автора. Библіотека „Сполохи". Берлинъ. 1922 (87 стр.).

Русские народные сказки. Кот, петух и лиса. Лиса и кувшин. Изд. Коопер. книгоизд-ва „Утес". Чита. 1922 (10 стр.).

— Золотое яичко. С иллюстрац. Изд. Коопер. Книгоизд. „Утес". Чита. 1922 (10 стр.).

Сѣверный, П. Смерть императора Николая II. Драма въ 4-хъ дѣйств. Харбинъ. 1922.

Сѣверскій, Вен. Пѣсни революціи. Харбинъ. 1922. Ц. 50 к. з. Обложка сдѣлана худ. Васильевымъ.

Сумбатовъ, В. Стихотворенія. Изд. „Градъ-Китежъ". Берлинъ. 1922. Ц. 60 м.

Толстой, Ал. Н. гр. Лунная сырость. Повѣсти 21 года. Изд. „Русское творчество". Берлинъ. 1922. Ц. 200 м.

Чтецъ-декламаторъ. Сборникъ выдающихся образцовъ русской поэзіи. Изд. Ладыжникова. Берлинъ. 1922. Ц. 500 м.

Чуковскій, Корней. Крокодилъ. Поэма для маленькихъ дѣтей. Рисунки Ре-ми. Изд. „Эпоха". Берлинъ-Петербургъ. 1922.

Шагинян, Мариетта. Orientalia. Издание пятое. Изд. З. И. Гржебина. Петербург-Берлин. 1922 (88 стр.).

Шкапская, Марія. Mater dolorosa. 2-е изданіе. Изд. „Библіофилъ". Ревель—Берлинъ. 1922 (32 стр.).

Юрцынъ, С. Въ туманѣ. Изд. автора. Берлинъ. 1922 (213 стр.).

Эпопея, литературный ежемѣсячникъ подъ ред. Андрея Бѣлаго № 2. Изд. „Геликонъ". Москва-Берлинъ. 1922 (299 стр.).

2. ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ФИЛОСОФІЯ, ПРАВО, РЕЛИГІЯ, ИСТОРІЯ, ИСКУССТВО.

Альбом похорон П. А. Кропоткина (многочисл. иллюстр.). Изд. группы анархистов-синдикалистов. Берлин. 1922.

Антоній, митрополитъ кіевскій и галицкій. Бесѣда православнаго съ уніатомъ. Совершенно новое освѣщеніе сторонъ вопросовъ. Карловцы Сремски. Югославія. 1922. Ц. 2 дин.

Ахелис, проф. Социология. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

„Будущее", сборникъ статей В. Л. Бурцева, Д. Пасманника, А. Куприна, А. Филиппова и др. № 1. Парижъ. 1922.

Василевскій, И. (Не-Буква). Николай II. Изд. „Русское Универсальное Издательство". Берлинъ. 1922 (175 стр.).

Введенский, А. И. проф. Декарт и окказионализм. Изд. З. И. Гржебина. Берлин-Петербург-Москва. 1922 (80 стр.).

Виппер, Р. Ю. Судьба религии. Изд. З. И. Гржебина. Берлин-Петербург. 1921 (118 стр.).

Водовозов, Н. В. Мальтус. Изд. З. И. Гржебина. Петербург-Москва-Берлин. 1921 (168 стр.).

Воспоминанія кронпринца Вильгельма. Пер. съ нѣм. Изд. „Слово". Берлинъ. 1922 (303 стр.). Ц. 300 м.

Гаджега, Юлій, д-ръ. Руководство къ изученію вопроса возсоедниненія восточной и западной церквей. Съ дозволенія Мукачевскаго епарх. правительства подъ числомъ 3563/922. Типографія Акціонернаго О-ва „Уніо". Ужгородъ. 1922 (79 стр.)

Гартман., К. Стили. Ч. I и ч. II. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Гарфункель, А. Еврейская национальная автономия в Литве. Пер. с литовского. Вильно. Изд. „Литва". 1920.

Гачек, проф. Общее государственное право. I. Современная монархия. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

— Общее государственное право. II. Современная демократия. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

— Общее государственное право. III. Современное государственное соединение. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Гернес, проф. Первобытная культура. I. Каменный век. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

— Первобытная культура. II. Бронзовый век. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Гоненія на анархизмъ въ Советской Россіи. Изд. группы русскихъ анархистовъ. 1922 (63 стр.).

Горький, М. О русскомъ крестьянствѣ. Изд. Ладыжникова. Берлинъ. 1922. Ц. 60 м.

— Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. Второе дополненное издание. Изд. З. И. Гржебина. Москва—Берлин. 1922 (80 стр.).

Грибовскій, В. М. проф. Обзор лекцій по государственному праву. Выпускъ II. Конституціонное право. Изданіе Комиссіи Студенческаго Совѣта Университа Латвіи по снабж. учебными пособіями. Рига. 1922 (172 стр.).

Дитерихсъ, М. К. Убійство царской семьи и членовъ дома Романовыхъ на Уралѣ. Ч. I. Владивостокъ. 1922.

Женевский меморнал о Литве. Пер. с франц. Изд. „Литвы". Вильно. 1921 (36 стр.).

Историкъ и современникъ. Историко-литературный сборникъ подъ ред. И. П. Петрушевскаго. Изд. О. Дьяковой. Берлинъ. 1922. Ц. 350 м.

Калмыковъ. Сибирь послѣ занятія большевиками. Владивостокъ. 1922. Ц. 50 коп. з.

Каэль. Къ познанію международнаго положенія. Шанхай. 1922. Ц. 50 коп. з.

Кейнсъ, Джонъ Майнардъ. Пересмотръ Версальскаго договора. Авториз. перев. съ англ. Изд. „Эпоха". Берлинъ. 1922 (264 стр.).

Книга о Леонидѣ Андреевѣ. Воспоминанія М. Горькаго, К. Чуковскаго, А. Блока, Г. Чулкова, Б. Зайцева, Н. Телешова, Е. Замятина, А. Бѣлаго. Второе дополненное изданіе. Съ портретомъ Л. Андреева. Изд. З. И. Гржебина. Берлинъ—Петербургъ—Москва. 1922.

Козловскій, Л. С. В. Короленко, какъ художникъ и мыслитель. Изд. „Возрожденіе". Берлинъ. 1922.

Коноплинъ, И. Безкрестныя могилы. Изд. „Трудъ". Берлинъ. 1922 (110 стр.).

Корзухинъ, И. А. Н. Римскій-Корсаковъ и Рихардъ Вагнеръ. Складъ изданія „Образованіе". Берлинъ. 1922 (46 стр.).

Короленко, В. Г. Исторія моего современника. Въ 4-хъ томахъ. Изд. „Возрожденіе". Берлинъ. 1922.

Ладнов, Евгеній. Огнем и мечем, голодом и болѣзнями. Изд. Бѣлорусск. Комитета. Варшава. 1922 (356 стр.).

Ланге, Г. Исторія Латвіи. Курсъ русскихъ основныхъ школъ. Складъ и изданіе въ книж. маг. В. Меллинъ и Ко. Рига. 1922.

Лексис, проф. Торговля. Ч. I. Товарные биржи. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешенъ. Берлин. 1922.

— Торговля. Ч. II. Фондовая торговля и торговая политика. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Лернер, Н. Ю. В. Г. Белинский. Изд. З. И. Гржебина. Петербург—Москва—Берлин. 1922 (220 стр.).

Мартов, Ю. Записки социал-демократа. Кн. I. Накануне. (1890—1900 г.г.). Изд. Гржебина. Берлин. 1922 (412 стр.). Ц. 400 м.

Масловъ, С. С. Россія послѣ 4 лѣтъ революціи. Т. I-II. Парижъ 1922.

На Украине. Повстанческое и анархическое движение. Издание Рабочей Изд. Группы в Респ. Аргентине. 1922. (30 стр.).

Никифоров, Н. И., проф. Очерки по новой истории для высших начальных училищ по программам учебного отдела Кит. Вост. жел. дор. Издание Книжного Склада при Учебном Отделе Кит. Вост. ж. д. Харбин. 1922 (112 стр.).

Николаевъ, П. П. Современныя бѣдствія. Безсиліе церкви, науки и политики. Разумное религіозное понятіе о жизни. Краткое изложеніе сочиненія „Понятіе о Богѣ какъ Современной Основѣ нашей жизни". Центральный складъ-кн. маг. „Образованіе". Берлин. 1922 (219 стр.).

Нитти, Франческо. Европа безъ мира. Изд. „Волга". Берлин. 1922.

Очеркъ дѣятельности Всероссійскаго земскаго союза заграницей. (Апрѣль 1920—1 янв. 1922). Изд. Вр. главнаго комитета В. З. С. Софія. 1922 (160 стр.).

Папини, Джіованни. Конченный человѣкъ. Авториз. перев. съ итал. Б. Яковенко. Изд. „Слово". Берлинъ. 1922.

Піорковскій, К., прив. доц. Человѣческій интеллектъ. Введеніе въ систему опытнаго изслѣдованія. Авториз. перев. съ нѣм. рукописи подъ ред. Г. В. Франка. Съ статьей проф. Э. Меймана: „Типы умственной одаренности". Изд. „Аргонавты". Берлинъ. 1922 (85 стр.).

Погодинъ, А. Древніе литовцы. Изд. „Литва" Вильно. 1920.

Положеніе о Приамурскомъ Земскомъ Соборѣ. Указъ Временнаго Приамурскаго Правительства. № 153. Изд. Отдѣла Информаціи при Вр. Приамурскомъ Правительствѣ. Владивостокъ. 1922 (22 стр).

Полянскій, Н. проф. Цель уголовного процесса. Оттиск из „Сборника Ярославскаго Государственного Университета". Ярославль. 1919 (36 стр.)

Райн, проф. Педагогика. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Рис, д-р. Основы муниципального хозяйства. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Робинсонъ, Л. Наука, философія и религія. Изд. Домбровскаго. Берлинъ. 1922 (8 стр.).

„Русская лѣтопись". Книга третья. Изд. „Русскаго очага" въ Парижѣ. 1922 (220 стр.).

Серебренниковъ, И. И. Албазинцы. Тип. „Восточное просвѣщеніе". Пекинъ. 1922.

Соловьев, Е. Д. И. Писарев. Изд. З. И. Гржебина. Петербург-Москва-Берлин. 1922 (272 стр.).

Стеклов, В. акад. Михайло Васильевич Ломоносов. Изд. З. И. Гржебина. Петербург-Москва-Берлин. 1922 (202 стр.).

Суханов, Ник. Записки о революции. Книга первая. Изд. 4-е. Изд. З. И. Гржебина. Берлин-Петербург-Москва. 1922 (352 стр.).

Сѣверная Манчжурія и китайско-восточная желѣзная дорога. Сост. Экономич. бюро Вост.-Кит. жел. дороги. Харбинъ. 1922 (500 стр.).

Труды Учредительной Конференціи Русскаго Народно-монархическаго Союза (конституціонныхъ монархистовъ) съ 25 марта по 5 апрѣля 1922 года. Книгоиздательство „Возстановленіе". Мюнхенъ, Георгенштрассе 43/II. 1922 (76 стр.).

Тютрюмовъ, И. М. проф. Гражданское право. Юрьевъ. 1922 (IV - 544 стр.).

Фрицци, проф. Антропология. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Ходоровъ, А. Е. Міровой империализмъ и Китай. Шанхай. 1922 (450 стр.). Ц. 3 р. 50 к.

Чернов, В. Записки социалиста революционера. Кн. 1. В годы безвременья. (1889-1899 г. г.) Изд. Гржебина. Берлин. 1922 (339 стр.).

Чуковскій. Книга объ Александрѣ Блокѣ. Изд. „Эпоха". Берлинъ. 1922 (167 стр.).

Шестов, Лев. Достоевский и Нитше. (Философия трагедии.) Изд. „Скифы". Берлин. 1922 (157 стр.).

Шмурло, проф. Исторія Россіи. Изд. „Градъ Китежъ". Берлинъ. 1922. Ц. 400 м.

Эльзенганс, проф. Психология и логика. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

3. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ, МАТЕМАТИКА, МЕХАНИКА, МЕДИЦИНА.

Боль, П. проф. Высшая математика. Аналитическая геометрія, дифференціальное и интегральное исчисленіе. 8-е изд. Складъ изд. т-во Гликсманъ. Берлинъ. 1922. Ц. 800 м.

Бомиг, проф. Клетка. Изд. „Наука и жизнь", Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Бронли, проф. Палеозология. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Газельгоф, проф. Химические методы исследований в сельском хозяйстве. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Ганзен, А. Физиология растений. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Гаубер, проф. Статика. Ч. I. Статика твердых тел. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Гауснер, проф. Начертательная геометрия. Ч. I. Геометрия на плоскости. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Гейн, проф. и проф. Бауер. Металлография основных веществ Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

— Металлография сплавов, железа и углеродов. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Генкель, проф. Графостатика. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Генсенберг. Тригонометрия, Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Глазер. проф. Стереометрия. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

— Задачникъ стереометрии. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Гольдгаммер, Д. А. проф. Процессы жизни в „мертвой" природе. Изд. З. И. Гржебина. Петербург-Москва-Берлин. 1922 (101 стр.)

Гофман, В Заразныя болезни. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Денниерт, проф. Растение, его строение и жизнь. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Добнаш-Рождественская, О. А. Какъ люди научились считать время. Изд. З. И. Гржебина. Берлин-Петербург-Москва. 1922 (64 стр.).

Ефимов, Н. Н. Примерные уроки естествознания в начальной школе. Изд. З. И. Гржебина. Петербург-Москва-Берлин. 1922 (113 стр.).

Златогоров, С. И. проф. Что такое холера и как бороться с ней. Изд. З. И. Гржебина. Петербург-Москва-Берлин. 1922 (62 стр.).

Ишлондскій, Н. Е. д-ръ. Этюды сексуальной біологіи. I. Произвольное измѣненіе пола и искусственное омоложеніе по проф. Штейнаху. Съ портр. проф. Штейнаха и И. И. Мечникова и 24 рис. въ текстѣ. Изд. „Врачъ". Берлин. 1922. Ц. 275м.

Кауфман, проф. Общая и физическая химия. Ч. I и II. Изд. „Наука и жизнь." Берлин. 1922.

Клемпереръ, Г. проф. Основы клинической терапіи внутреннихъ болѣзней. Изд. „Врачъ". Берлинъ. 1922. Ц. 350 М.

Краузе, А. проф. Основы севременнаго естествознанія. Автор. перев. съ нѣм. рукописи подъ ред. Н. Крамаренко. Съ 18-ю пояснительными рисунками въ текстѣ. Изд. „Аргонавты". Берлинъ (123 стр.).

— Основы современнаго естествознанія. Изд. „Аргонавты". Берлин 1922 (123 стр.).

Леган, д-ръ. Физиологическая химия. Ч. I. Ассимиляция и ч. II. Диссимиляция. Изд. „Наука и жизнь." Берлин. 1922.

Любек, О. проф. Статика и графостатика. Перев. съ 9-го нѣм. изд. 123 чертежа. Изд. т-во Гликсманъ. Берлинъ. 1922. Ц. 123 гер. м.

— Аналитическая геометрія. 62 чертежа. Изд. т-во Гликсманъ. Берлинъ. 1922 (Ц. 200 г. м.)

Малер. Планиметрия. Изд. „Наука и жизнь." Библиотека Гешен. Берлин.. 1922.

Маргуліесъ, Мих. д-ръ мед. Бичъ человѣчества. (Сифилисъ, новѣйшіе способы распознаванія и лѣченія его). Популярныя лекціи, читанныя въ Русскомъ Народномъ Университетѣ въ Константинополѣ. Изд. „Русское Универсальное Издательство". Берлинъ 1922 (61 стр.).

Меншуткин, Б. Н. проф. Николай Николаевич Зинин. Изд. З. И. Гржебина. Петербург-Москва-Берлин. 1922 (122 стр.).

Миге, проф. Учение о клетке и анатомия. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин 1922.

Мигула, проф. Биология растений. Ч. I. Общая биология. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

— Биология цветов. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Нипподьдтъ, А. проф., директ. Потсдамской обсерваторіи. Электричество и магнетизмъ Развитіе научныхъ воззрѣній на электромагнитныя явленія. Авториз. перев. съ нѣм. рукописи подъ ред. инж.-электр. А. Берестнева. Изд. „Аргонавты". Берлинъ. 1922 (80 стр.).

Полано, О. проф. Акушерско-гинекологическая пропедевтика. Съ 88 больш. частью цвѣтными рис. въ текстѣ. Изд. „Врачъ". Берлинъ. 1922 Ц. 357 М.

Присманъ, М. Г. д-ръ. Способы предохраненія отъ венерическихъ болѣзней — профилактика. Рига. 1922.

Розе, М. Теория функций. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Фаянсъ, Казиміръ. Радіоактивность. Изд. „Слово". Берлинъ. 1622. Ц. 110 м.

— Радіоактивность и новѣйшее развитіе ученія о химическихъ элементахъ. Изд. „Слово". Берлинъ. 1922 (196 стр.).

Фраас, проф. Геология. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Хлопин, Г. В. проф. Эпидимические болезни и санитарные меры борьбы с ними. Изд. З. И. Гржебина. Петербург - Москва - Берлин. 1922 (89 стр.).

Християн, М. Дезинфекция. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Шимкевич, В. М. акад. Паразиты человека и животных. Изд. З. И. Гржебина. Петербург-Москва-Берлин. 1922 (40 стр.).

Шотт, проф. Физическое мореведение. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Юнкер, проф. Высший анализ. Ч. I. Дифференциальное исчисление. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

— Высший анализ. Ч. II. Интегральное исчисление. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

— Повторительный курс и задачник с решениями по дифференциальному исчислению. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

4. ТЕХНИКА, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, УЧЕБНИКИ И СМѢСЬ.

Азбука матери. Подъ ред. проф. Фалькенгейма и Бауера. Перев. съ посл. нѣм. изд. Изд. т-ва Гликсманъ. Берлинъ. 1922. Ц. 50 м.

Альбрехт, Р. Электрические аккумуляторы. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Барт, Фр. Детали машины. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

— Паровые машины. Ч. I. Термодинамические и паротехнические основные положения. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Бернадскій, Г. Русская колонія въ Соединенныхъ Штатахъ. С. А. Нью-Іоркъ. 1922 (7 стр.).

Вальтер и Реттингер. Термодинамика. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Вильде, проф. Материалы машиностреения и электротехники. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Гарен, Р. Сборник задач по сопротивлению материалов (с решениями). Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Гаубер, проф. Сопротивление материалов. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Герман, проф. Электротехника. Ч. I. Введение в электротехнику. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

— Электротехника. Ч. I. Техника постоянного тока. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Голль, П. Водяные турбины. Ч. I. Струйные турбины. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

— Водяные турбины. Ч. II. Реактивные турбины. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Жуков, И. Н. 34 игры из числа наиболее употребительных в школьной и скаутской практике. Издание 2-е. Исправленное и дополненное. Изд. Кооп. Книгоизд. „Утес". Чита. 1922 (20 стр.).

Кертинг, проф. Отопление и вентиляция. Ч. I. Сущность и расчет оборудования отоплений и вентиляций. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

— Отопление и вентиляция. Ч. I. Устройство отоплений и вентиляционных установок. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Коссар, В. и Мигалка, инсп. шк. Пчеловодство. Ужгород. 1922 (172 стр.). Ц. 13 кр. (На русинскомъ языкѣ).

Кришке, проф. Газовые двигатели. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Кунаховичъ. Промышленное пчеловодство. Изд. „Глаголъ". Берлинъ. 1922. Ц. 60 м.

Нитгаммер, проф. Электромоторы. Ч. I. Двигатели постоянного тока однофазные, многофазные, синхрозные и асинхрозные. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

— Электромоторы. Ч. II. Коллекторные моторы. Конструкция, экономичная и т. д.

Пентеговъ, Б. П. Распредѣленіе мѣди въ шлакѣ и штейнѣ пиритной плавки. Владивостокъ. 1922.

Пигулевскій, В. Путеводитель по Прибалтикѣ. (Литва-Латвія-Эстонія-Финляндія). Изд. автора. Рига. 1922 (304 стр.).

Ресле, К. Железобетон. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Русскіе университетскіе курсы въ Ригѣ. Краткій отчетъ о дѣятельности. Рига. 1922 (16 стр.).

Соколов, Н. М. и Тумим Т. проф. Обучение правописанию. 3-е изд. Изд. З. И. Гржебина. Берлин-Петербург-Москва 1922. (68 стр.).

Scio. Карманная справочная книга для инженеров, студентов и техников. Составил Н. Кобец под ред. проф. И Корзухина, Изд. Б. Клейбер и Ко. Берлин. 1922.

Швайгер, проф. Электрические подъемные установки. Изд. „Наука и жизнь". Библиотека Гешен. Берлин. 1922.

Штейнъ, В. Очерки сельско-хозяйственной промышленности. Изд. „Славянск. изд.". Прага. 1922 (372 стр.).

Редакторъ: Проф. А. С. Ященко. Адресъ редакціи: Berlin W. 50, Augsburgerstr. 33. Tel. Steinpatz 79-27.
Издательство И. П. Ладыжникова. Berin W. 50, Rankestr. 33.

Русская типографія Е. А. Гутнова, Berlin S. 14, Dresdnerstrasse 82-83.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Книгоиздательствъ:

„Слово“, „З. И. Гржебинъ“, „С. Д. Зальцманъ“, „Волга“, „Геликонъ“, „Эпоха“, „Библіонъ“, „Трудъ“ и др.

Журналовъ:

„Архивъ русской революціи“, „Современ. Записки“, „Театръ“ (б. Театръ и Жизнь), „Эпопея“

*

Г. г. книгопродавцамъ мы отпускаемъ книги нижеслѣд. издательствъ съ издат. скидкой:

„Библіофилъ“, „Возрожденіе“, „Изд. Е. А. Гутнова“, „Глаголъ“, „Грани“, „Т-во Гликсманъ“, „Знаніе“, „Московское Книгоиздательство“, „Литература“, „О. Л. Дьякова и Ко.“, „Мысль“, „Наука и Жизнь“ (библ. Гешена), „Отто Кирхнеръ и Ко.“, „Оренштейнъ“ (учебники), „Росс.-Болг. Книгоиздательство“, „Русская Мысль“, „Русское Творчество“, „Универсальное Издательство“, „Изд. Сіяльскій и Крейшманъ“ и др.

*

Обширный складъ изданныхъ въ Россіи и заграницей русск. книгъ

*

Быстрое и аккуратное выполненіе заказовъ

*

Полный каталогъ находится въ печати

BERLIN SW 68, MARKGRAFENSTR. 87

Tel.: Dönhoff 55-63, 55-64.
Telegr.-Adr.: Logoskniga.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ЛИТЕРАТУРА“

BERLIN SW 48 / BESSELSTRASSE 3
ECKE FRIEDRICHSTR. / ТЕЛЕФОНЪ: DÖNHOFF 9-400

Вышли изъ печати и поступили въ продажу:

ЭДГАРЪ ПО. «Гибель дома Эшеровъ» (Иллюстрированное изданіе) . . . . Цѣна М. 85.—

ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ. «То было ранней весной» . . . . Цѣна М. 80.—

Ранѣе вышедшія изданія:

ГАРШИНЪ. Надежда Николаевна	М. 45.—
ГРИБОѢДОВЪ. Горе отъ ума	М. 65.—
ДОСТОЕВСКІЙ. Слабое сердце	М. 45.—
ОСТРОВСКІЙ. Гроза	М. 45.—
ОСТРОВСКІЙ. На всякаго мудреца довольно простоты	М. 85.—
ПУШКИНЪ. Евгеній Онѣгинъ (съ рисунками)	М. 150.—
ПУШКИНЪ. Капитанская дочка (съ рисунками)	М. 120.—
ПУШКИНЪ. Пиковая дама (съ рисунками)	М. 30.—
ПУШКИНЪ. Сказки (съ 22 рисунками)	М. 70.—
ТОЛСТОЙ А. К. Князь Серебряный (полное изданіе)	М. 300.—
въ переплетѣ	М. 550.—
ТУРГЕНЕВЪ. Два пріятеля	М. 45.—
ТУРГЕНЕВЪ. Дворянское гнѣздо	М. 130.—
ТУРГЕНЕВЪ. Дымъ	М. 160.—
ТУРГЕНЕВЪ. Затишье	М. 60.—
ТУРГЕНЕВЪ. Исторія лейтенанта Ергунова	М. 45.—
ТУРГЕНЕВЪ. Клара Миличъ	М. 45.—

Н. АГНИВЦЕВЪ. Мои пѣсеньки	М. 150.—
А. ВОЛОШИНЪ. Вечера подъ зеленой лампой	М. 75.—
ВЛАСЪ ДОРОШЕВИЧЪ. Восточныя сказки	М. 45.—
КРАСНОВЪ. Терунешь	М. 60.—
КРАСНОВЪ. Поѣздка на Ай-Петри	М. 45.—

На дняхъ поступитъ въ продажу:

ТУРГЕНЕВЪ

Рудинъ . . . . Цѣна М. 130.—

А. К. ТОЛСТОЙ
КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ
въ изящномъ переплетѣ
рекомендуется для подарковъ къ Рождеству

Издательство
З. И. Гржебина
ПЕТЕРБУРГ
ПР. 25 ОКТЯБРЯ 64
(Б. НЕВСКИЙ 64)
ТЕЛЕФОН: 6.44.56.

МОСКВА
М. ЗНАМЕНСКИЙ ПЕРЕУЛОК
:-: Д. 7. ТЕЛЕФОН: 2.56.47 :-:

Z. J. Grschebin
Verlag
BERLIN W.35

LÜTZOWSTR. 27II
TEL. KURFÜRST 2689
TELEGRAMM-ADRESSE:
„JSDATELSTWO“

Русская литература

	брош.	в пер.
БАРАТЫНСКИЙ. Избр. Соч. под. редак. М. Л. Гофмана	2.—	
В. СЛѢПЦОВЪ. Трудное время. Пред. М. Горькаго	1.50	
М. ГОРЬКИЙ. Детство	1.—	1.60
М. ГОРЬКИЙ. В людях	1.50	2.25
М. ГОРЬКИЙ. На дне	1.—	1.60
М. ГОРЬКИЙ. Воспом. о Л. Н. Толстом	—50	1.—
М. ГОРЬКИЙ. Как я учился	—25	—65
БОР. ЗАЙЦЕВЪ. Тихія зори	1.50	
БОР. ЗАЙЦЕВЪ. Сны	1.40	
БОР. ЗАЙЦЕВЪ. Усадьба Ланиныхъ	1.60	
А. РЕМИЗОВЪ. Ахру	—40	
Б. ПИЛЬНЯК. Иван-да-Марья	—50	1.20
КНИГА О ЛЕОНИДѢ АНДРЕЕВѢ	1.10	2.—
М. ШАГИНЬЯН. Orientalia	—50	
Ѳ. СОЛОГУБЪ. Пламенный Кругъ	1.75	
Н. М. МИНСКIЙ. Изъ Мрака къ Свѣту	3.—	
ВЛ. ПЯСТЪ. Ограда	—80	
ВЛ. ПЯСТЪ. Львиная пасть	—60	
ВЛ. ПЯСТЪ. Третья книга лирики	—40	

Детские книги

	брош.	в пер.
М. В. ДОБУЖИНСКИЙ. Свинопас, сказка Андерсена		2.—
КОНАШЕВИЧ. Сказка о рыбаке и рыбке. Художественное издание		2.—
КОНАШЕВИЧ. Кот в сапогах. Художественное издание		2.—
АНДЕРСЕН. Сказки. 31 сказка. В переводе А. и П. Ганзен	1.50	
АНДЕРСЕН. Повести для детей. 20 повестей. В переводе А. и П. Ганзен	2.—	

Летопись революции

	брош.	в пер.
Ю. МАРТОВ. Записки социал-демократа	2.20	3.—
В. ЧЕРНОВ. Записки социалиста-революционера	2.—	2.80
НИК. СУХАНОВ. Записки о Революции. Кн. I.	2.—	2.80
НИК. СУХАНОВ. Записки о Революции. Кн. II.	2.20	3.—
МСТИСЛАВСКИЙ. Пять дней. Начало и конецъ	1.—	

Биографии

	брош.	в пер.
ПИСАРЕВ. Е. Соловьева	1.—	1.50
БЕЛИНСКИЙ. Н. Лернера	1.—	1.50
ЗИНИН. Проф. Б. Н. Меншуткина	—60	1.10
РОБЕРТ МАЙЕР. Евг. Замятина	—40	—90
МАЛЬТУС. Н. Водовозова	—80	1.30
ЛОМОНОСОВ. Акад. Стеклова	1.—	1.50
ЛУИ ПАСТЕР. Проф. С. П. Костычева	1.20	1.70
ЛАМЕННЭ. Анциферова	—50	1.—
ДЕМОСФЕН. Проф. Жебелева	—80	1.30
АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ. Жебелева	1.—	1.50
ЧИНГИС-ХАН. Владимирцова	—80	1.30

Учебники и книги для самообразования

	брош.	в пер.
Н. М. СОКОЛОВ и Г. Г. ТУМИМ. Обучение правописанию	—50	1.—
ПРОФ. Г. В. ХЛОПИН. Эпидемические болезни	1.—	1.50
АКАД. В. И. ШИМКЕВИЧ. Паразиты человека и животных	—50	1.—
О. А. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ. Как люди научились считать время	—50	1.—
ПРОФ. А. И. ВВЕДЕНСКИЙ. Декарт и окказионализм	—50	1.—
Н. Н. ЕФИМОВ. Примерные уроки по естествознанию	1.—	1.50
ПРОФ. Д. А. ГОЛЬДГАММЕР. Процессы жизни в „мертвой“ природе	1.—	1.50
ПРОФ. С. И. ЗЛАТОГОРОВ. Что такое холера	—40	—90
Р. ВИППЕР. Судьба религии	—50	
ИВ. ЛАЗАРЕВСКIЙ. Среди коллекціонеровъ	1.—	2.—
А. А. БОГДАНОВ. Тектология. (Всеобщая организацион. наука.)	5.—	
ПРОФ. С. П. КОСТЫЧЕВ. Микробиология и ее значение для человечества	1.20	

Коэффициент — 500. Чтобы получить нынешние цены, следует помножить на коэффициент.

Исключительное представительство на все страны, за исключением Советской России, передано книготорговому акционерному обществу

LOGOS BÜCHERVERTRIEB A.-G.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Е. А. ГУТНОВА ВЪ БЕРЛИНѢ
BERLIN S 14, DRESDNER STRASSE 82-83

Поступили въ продажу октябрьскій и ноябрьскій номерв журнала

СПОЛОХИ

СОДЕРЖАНІЕ № 13 (НОЯБРЬ):
СТИХИ: Глѣба Струве, Г. Вяткина, А. Боаие, Дюмида Монашова, Ольги Голубевой, Леонида Чацкаго. Вл. Лидинъ: Еаражкв. Андрей Соболь: Собачья площадка. Вл. Ал. Амфитеатровъ-Кадашевъ: Черныи вѣтеръ. Вл. Піотроаскіи: Изъ цикла „Святой Георгіи". М. Арцыбашевъ: Вѣчныи миражъ (продолженіе). Э. Голлербахъ: Исторія одной полемики. КНИГА: Л. Ч., Вѣры Лурье, Любителя, Л—а., Глѣба Струве, Л. Чацкаго.

СОДЕРЖАНІЕ № 12 (ОКТЯБРЬ):
СТИХИ: К. Бальмонта, Екатерины Галати, В. Лурье, Леонида Чацкаго, П. Потемкина. Юрій Слезкинъ: Ситцевые колокольчики. Бор. Пильнякъ: Простые разсказы. Алексѣй Ремизовъ: Людоѣды. Немировичъ-Данченко: За океаномъ въ аольныя степи. Иннокентій Оксеновъ: Изъ „Современной поэмы". С. Лисимъ: Л. С. Бакстъ и театральныи костюмъ. Леонидъ Чацкій: О современнои англійской литературѣ. Еагеній Чириковъ: Дѣвушка съ цвѣтами. М. Арцыбашевъ: Вѣчный миражъ (продолженіе). Михаилъ Булгаковъ: Юрій Слезкинъ. КНИГА: Л. Чвцкаго, Вѣры Лурье, Н. Севастьяноаа, Кор., Л. К. На отдѣльныхъ страницахъ репродукціи картинъ Л. С. Бакста.

ОСНОВНАЯ ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА 2 ГЕРМАНСКІЯ МАРКИ.

В Петербурге два раза в месяц выходит журнал

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАПИСКИ

Литературно - общественный и критико-библиографический журнал. Издаваемый Домом литераторов.

Адрес редакции и конторы:
Петербург, Бассейная 11

ПЕТРОГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
Петроград
Проспект 25 Октября (б. Невский), д. 28

Второй год издания. Ежемесячный критико-библиографический журнал

КНИГА И РЕВОЛЮЦИЯ

под редакцией
В. Быстрянского, И. Ионова и К. Федина.

В 12 номерах первого года издания помещены отзывы о 1138 изданиях, вышедших в России и за границей после февральской революции.

В течение второго года издания выпущены и продаются в магазинах госуд. издательства шесть №№ журнала.

В каждом номере хроника русской и заграничной литературной жизни.
Вышел из печати № 6 (18).

Иногородние заказы на журнал выполняются Книжной Секцией Петр. Отд. Гос. Изд. (Невский, 28, комн. 8) при условии предварительного перевода стоимости заказываемых номеров журнала. Почтовые расходы оплачиваются заказчиком при получении посылки.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„НАУКА и ШКОЛА"
ПЕТРОГРАДЪ ЛИТЕЙНЫЙ ПР. 36

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ
ФИЛОСОФІЯ, ИСТОРІЯ

СБОРНИКЪ
ИРИДА

посвященный вопросамъ литературы и библіографіи. Сборники будутъ выходить по возможности ежемѣсячно.